

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

КОРОЛЕВ Сергей Владимирович

**КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА АНГЛИЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ С СОЧИНТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Фурс Людмила Алексеевна

Тамбов 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
АНГЛИЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С	
СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ.....	
	11
1.1. Структурно-семантический подход к изучению английских	
устойчивых словосочетаний с сочинительной связью	11
1.2. Функционально-семантический подход к изучению английских	
устойчивых словосочетаний с сочинительной связью	25
1.3. Когнитивный подход к изучению английских устойчивых	
словосочетаний с сочинительной связью.....	37
1.4. Когнитивные принципы формирования смысла, репрезентируемого	
английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной	
связью	47
1.5 Когнитивные механизмы формирования смысла, репрезентируемого	
английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной	
связью	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	64
ГЛАВА II. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА,	
РЕПРЕЗЕНТИРУЕМОГО АНГЛИЙСКИМИ УСТОЙЧИВЫМИ	
СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ	
	67
2.1. Концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК	67
2.1.1 Концептуальная область ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	
ЧЕЛОВЕКА	67
2.1.2. Концептуальная область СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	
ЧЕЛОВЕКА	75
2.1.3. Концептуальная область ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	

СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	86
2.1.4. Концептуальная область ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.....	95
2.1.5. Концептуальная область ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	105
2.1.6. Концептуальная область РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	113
2.2. Концептуально-тематическая область АРТЕФАКТ	120
2.3. Концептуально-тематическая область ПРОСТРАНСТВО	125
2.4. Концептуально-тематическая область ВРЕМЯ	131
2.5. Совмещение концептуально-тематических и концептуальных областей.....	137
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
Список использованной научной литературы	151
Список использованных словарей	168
Список источников фактического материала	172

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью (далее – УССС) с позиций когнитивной лингвистики. Несмотря на наличие множества научных работ, посвященных данным языковым единицам, в фокусе внимания исследователей в основном находились их структурно-семантические, функционально-семантические и психолингвистические аспекты. Когнитивная основа УССС остается недостаточно изученной. Этим и обоснован выбор темы данного исследования.

Актуальность работы определяется применением когнитивного подхода к исследованию языковых явлений, в русле которого рассматриваются когнитивные принципы и механизмы формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, и определяются закономерности в организации знаний, объективируемых данными языковыми единицами. Значимым также является определение концептуально-тематических и концептуальных областей, которые активизируются в процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС. В целом, эти аспекты позволяют раскрыть особенности структурирования знания сознанием человека таким образом, что оно, как правило, приобретает оценочный характер и служит для реализации ценностных ориентиров человека, что также представляет интерес для исследования.

Объектом исследования являются английские устойчивые словосочетания с сочинительной связью.

Предметом исследования является когнитивная основа формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС.

Цель исследования заключается в рассмотрении английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью как средств репрезентации комплексного знания, формируемого в результате реализации ряда когнитивных принципов и механизмов.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих **задач**:

- 1) проанализировать имеющиеся подходы к исследованию английских УССС;
- 2) установить когнитивные принципы и механизмы, активизируемые в процессах формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС;
- 3) выявить концептуально-тематические и концептуальные области и их характеристики, с которыми соотносится знание, объективируемое английскими УССС;
- 4) определить случаи совмещения концептуально-тематических и концептуальных областей в процессах формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС;
- 5) представить классификацию английских УССС в соответствии с выявленными концептуально-тематическими и концептуальными областями и их характеристиками.

Гипотеза исследования заключается в том, что в основе формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, лежит система когнитивных принципов и механизмов, направленных на организацию знания, которое соотносится с одной или несколькими концептуально-тематическими и концептуальными областями, выступающими в качестве когнитивного контекста осмысления УССС.

Научная новизна исследования заключается в описании когнитивных основ формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, за счет установления системы когнитивных принципов и механизмов, активизируемых в этом процессе. Новизна работы также обеспечивается тем, что описывается процесс формирования комплексного знания, репрезентируемого английскими УССС, которое соотносится с одной или несколькими концептуально-тематическими и концептуальными областями. Комплексный характер знания раскрывается на основе определения действия общих и частных когнитивных принципов, регулирующих характер организации знания, и за счет установления когнитивных механизмов, отвечающих за конфигурирование

концептуального содержания английских УССС, что также обеспечивает новизну исследования. Значимым является привлечение данных аспектов для разъяснения процессов структурирования знания с целью формирования знания оценочного типа.

Теоретической основой исследования послужили работы в области изучения конструкций с сочинительной связью (Ю.А. Левицкий, И.Н. Петрова, К.Я. Сигал и др.), в области изучения устойчивых сочинительных словосочетаний (А.Г. Гурочкина, В.В. Дайнеко, Т.В. Иванова, И.Н. Молодцова, А. Ломанн, Я. Малкиель, С. Моллин, и др.), в области фразеологии английского языка, включая ее когнитивные аспекты (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Амосова, А.Н. Баранов, М.С. Гутовская, Д.О. Добровольский, А.В. Кунин, В.Н. Телия и др.), в области когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев, Л.А. Козлова, Е.С. Кубрякова, Л.А. Фурс, В. Иванс, М. Грин, З. Кевечеш, У. Крофт, А. Круз, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Дж. Тейлор, М. Тернер, Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмид, и др.).

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении теоретических основ когнитивной фразеологии за счет рассмотрения когнитивных принципов и механизмов, лежащих в основе формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС. Значимым является и углубление теории репрезентации знаний, так как в работе устанавливаются закономерности в структурировании знания сознанием человека с целью формирования оценочных суждений. Результаты проведенного исследования способствуют углублению теоретических основ когнитивного направления в исследовании устойчивых словосочетаний с сочинительной связью и когнитивной семантики в целом.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы при разработке спецкурсов по когнитивной семантике и когнитивной фразеологии, при составлении учебных пособий по фразеологии английского языка, на практических занятиях по обучению английскому языку, а также при подготовке научно-квалификационных работ.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **положения**, выносимые на защиту:

1. УССС образуют особую группу во фразеологическом фонде английского языка. Эти словосочетания представляют собой комплексный языковой знак, при взаимодействии компонентов которого профилируется новая структура знания.

2. Когнитивная основа формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, представлена такими когнитивными принципами, как принцип парности, экономии, выделенности и иконичности. В качестве когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования смысла, выделены механизмы когнитивной метафоры, когнитивной метонимии, когнитивной метафтонимии, а также механизмы конкретизации, генерализации, рекуррентности и противопоставления. В процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС, одновременно могут быть задействованы несколько когнитивных принципов и механизмов, обеспечивая более полное отражение комплексного характера формируемого смысла.

3. В процессах формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, активизируется концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК, конкретизируемая на основе концептуальных областей ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, а также концептуально-тематические области АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Каждая концептуально-тематическая и концептуальная область представлена рядом характеристик, которые выступают как когнитивные контексты структуры знания, относительно которой осмысляются УССС.

4. Выявлены случаи совмещения в процессах формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, таких концептуальных областей, как ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЧЕЛОВЕКА, ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, а также совмещение концептуально-тематической области АРТЕФАКТ и концептуальной области СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, и концептуально-тематических областей ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ.

5. Английские УССС классифицируются как средства репрезентации характеристик концептуально-тематических и концептуальных областей.

Материалом исследования послужил корпус английских УССС, созданный методом сплошной выборки из фразеологических словарей авторитетных иностранных издательств Collins COBUILD, Farlex, Longman, Oxford, авторских словарей известных лексикографов Роберта Аллена, Ричарда Спирера и Кристин Эммер, а также четвертого издания Англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина. Выборка составила более 600 единиц. В процессе исследования было проанализировано более 7000 контекстов употребления английских УССС, взятых из словарей, лингвистических корпусов английского языка, публицистики и художественной литературы. Источником иллюстративного материала послужили как упомянутые выше словари, так и онлайн-ресурсы, в частности The Free Dictionary (URL: www.thefreedictionary.com) компании Farlex. Источниками дефиниций и этимологических справок являются авторитетные словари английского языка (см. список использованных словарей).

При выполнении исследовательских задач были использованы следующие **методы**: метод сплошной выборки, этимологический анализ, статистический анализ, компонентный анализ, концептуально-дефиниционный анализ, контекстуальный анализ и метод когнитивного моделирования.

Апробация результатов исследования заключалась в публикации научных статей и участии в научных мероприятиях. Основные положения диссертации нашли отражение в докладах на научных конференциях и круглых

столах: X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Екатеринбург, сентябрь 2020), Всероссийской научной конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы» (Тамбов, октябрь 2020), Восьмой Международной научной конференции «Культура в зеркале языка и литературы» (Тамбов, ноябрь 2020), I Всероссийской научно-практической он-лайн конференции «Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации» (Орел, март 2021), Круглом столе «Когнитивные исследования естественной коммуникации: Qs & As» (Москва, октябрь 2020), а также на Круглом столе в рамках Всероссийского научно-практического семинара с международным участием «Проблемы когнитивной лингвистики» (Тамбов, май 2021). Результаты исследования изложены в 6 публикациях, 3 из которых – в журналах из Перечня ВАК.

Цель и задачи исследования определили **структуру диссертации**, которая состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей и списка источников фактического материала.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цели и задачи, объект и предмет исследования, выдвигается гипотеза исследования, определяются его методы, описывается его теоретическая база, перечисляются источники фактического материала, указывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сведения об апробации результатов исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **Главе I** «Теоретические основы исследования английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью» рассматриваются основные характеристики английских УССС, выявленные в рамках структурно-семантического, функционально-семантического и когнитивного подходов к исследованию рассматриваемого в диссертации языкового явления. Помимо этого, описывается теоретическая база исследования, заключающаяся в установлении

системы когнитивных принципов и механизмов формирования смысла, репрезентируемого исследуемыми языковыми единицами.

В **Главе II** «Когнитивные основы формирования смысла, репрезентируемого английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью» выявлены основные концептуально-тематические и концептуальные области, обеспечивающие когнитивный контекст для осмысления английских УССС. Структура этой главы выстраивается в соответствии с установленными областями, а активизируемые характеристики данных концептуально-тематических и концептуальных областей выступают основой для систематизации английских УССС как средств их репрезентации. Процессы формирования комплексного знания, как правило, оценочного типа, репрезентируемого английскими УССС, раскрываются посредством разъяснения когнитивных принципов и механизмов, задействованных в этих процессах.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения рассмотренных в диссертации языковых единиц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С СОЧИНТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ

1.1. Структурно-семантический подход к изучению английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью

В рамках структурно-семантического подхода при анализе английских УССС исследовались их фонетические, морфологические и лексические характеристики, а также лексико-грамматические особенности их компонентов и семантические связи между ними. Наряду с этим УССС анализировались по степени устойчивости и спаянности их компонентов.

В связи с тем, что для английского языка, как и для всех германских языков, типично стремление к созвучию и различного рода повторам, исследователями было обращено внимание на эвфонические выразительные средства – аллитерация (*dribs and drabs*), ассонанс (*cut and run*) и рифма (*moan and groan*). В ряде случаев отмечалась комбинация аллитерации и рифмы (*the butcher, the baker, the candlestick-maker*). В лингвистической литературе неоднократно указывалось, что эвфонические средства способствуют отбору, закреплению и семантической спайке компонентов фразеологизмов (это в полной мере относится и к английским УССС), иными словами подчеркивалась их устойчивость [Арнольд 1986: 177; Кунин 1996: 168; Эльянова 1970б: 272; Gramley, Pätzold 2004: 58; Malkiel 1959: 122; Sauer, Schwan 2017: 93 и др.]. Замена одного или нескольких компонентов в подобных УССС, по замечанию И.В. Арнольд, приводит к исчезновению благозвучия или образности. Это можно наблюдать при замене аллитерированных компонентов УССС *safe and sound* синонимами – *secure and injured*. При сохранении денотативного значения выражение становится блеклым и тривиальным, а фразеологизм (далее – ФЕ) распадается [Арнольд 1986: 177]. С. Грэмли и К.-М. Пэтцольд формулируют схожую мысль более жестко: в «необратимых биномах» замена компонентов синонимами недопустима. При этом авторы указывают, что выражения типа **help and abet*,

**aid and help* или **kith or relatives* не употребляются [Gramley, Pätzold 2004: 58].

Помимо эвфонии в качестве важной характеристики английских УССС признавалась их ритмическая организация, под которой в общем виде понимается «равномерное распределение ударных и безударных элементов» [Амосова 1963: 124]. Ритмические особенности сочинительных словочетаний находят определенное отражение в порядке следования их компонентов. О. Есперсен указывал на то, что в сочинительных конструкциях более короткое слово предшествует более длинному ввиду того, что такой порядок обеспечивает регулярность ритма речи ('aa 'aa), например, *bread and butter, cup and saucer, head and shoulders* [Jespersen 1905: 233–234].

Необходимо, однако, отметить, что описанные ритмико-эвфонические особенности не являются обязательными признаками исследуемых сочетаний, а, являясь факультативными, лишь описывают определенную тенденцию в организации УССС. Например, выведенное О. Есперсеном ритмическое правило было протестировано Ф.Н. Скоттом на материале 276 случайно выбранных сочинительных сочетаний. В результате этого исследования обнаружилось, что в 42 процентах случаев более длинное слово предшествует более короткому (*butter and eggs, chapter and verse, dollars and cents*) [Scott 1913: 237–238]. Данные Р.Д. Абрахама также подтверждают наличие большого количества исключений из правила О. Есперсена [Abraham 1950: 280]. Примечательно в этой связи изменение формулировки правила О. Есперсена самим автором. Если в первом издании утверждается, что короткое слово в сочинительных рядах «всегда» предшествует длинному [Jespersen 1905: 233], то в следующем формулировка меняется на «обычный» характер такой последовательности [Jespersen 1912: 232]. В четвертом же издании книги автор сужает объем приложения своего правила до «многих устойчивых фраз» («*the shorter word is in many set phrases placed first*» [Jespersen 1923: 229]).

Дальнейшие исследования конструкций с сочинительной связью показали, что порядок следования компонентов в них не является произвольным

[Бергельсон, Кибрик 1981: 353; Левицкий 2013: 163; Сигал 2005: 12]. Ритмико-акцентологическими особенностями организации сочетаний можно объяснить порядок слов далеко не во всех английских УССС. Помимо формальных (фонетических) факторов, регулирующих порядок следования сочиненных компонентов, существуют и содержательные (семантические). Одним из первых ученых, выделивших достаточно большое количество семантических факторов линейзации в устойчивых сочинительных конструкциях, был Р.Д. Абрахам. Ученый отмечает несколько «тенденций», которые ему удалось выявить на основе анализа примерно 500 сочинительных словосочетаний английского языка: более желаемое предшествует менее желаемому (*better or worse, hit or miss*), более важное менее важному (*father and son, teacher and pupil*), светлое темному (*light and dark, light and shade*), мужское женскому (*husband and wife, men and women*), позитивное негативному (*now or never, pro and con*), основное второстепенному (*collar and tie, room and board*), большее меньшему (*birds and bees, gas and oil*), в пространственной проекции первым обычно упоминается то, что ближе, впереди и сверху (*hand and foot, here and there*), при отражении временной последовательности то, что случается раньше, раньше и упоминается (*assault and battery, before and after*) [Abraham 1950: 284–285].

Морфологические характеристики УССС в английском языке также привлекают пристальное внимание ученых. На основании частеречного статуса компонентов исследуемых сочетаний В.В. Дайнеко и Т.В. Иванова разделяют УССС на две группы: одноклассные и разноклассные [Дайнеко 1988: 12; Иванова 2008: 76]. Одноклассные УССС образованы компонентами, принадлежащими к одной и той же части речи, и включают именные (*advice and consent, bread and butter*), адъективные (*hard and fast, safe and sound*), адвербиальные (*down and out, again and again*), глагольные (*sink or swim, cut and run*), нумеральные (*one or two*), местоименные (*all and some, you and yours*), союзные (*if and when, as and when*), предложные (*by and between*), а также слова разных частей речи, подвергшиеся субстантивации (*ifs and buts, ups and downs*) [Дайнеко 1988: 12-13]. Разноклассные УССС образованы словами разных частей

речи, например, *home and dry, enough and to spare, over and done with* [там же: 13]. Наличие в английском языке разноклассных УССС Н.Н. Амосова трактует как нарушение принципа обязательной морфологической однотипности знаменательных компонентов, причины которого она усматривает в усечении более полного предложения, как в случае *all the time and again => time and again*, или в функциональном переосмыслении одного их компонентов, как в случае *enough and to spare*, где *to spare* приобрело значение меры или степени [Амосова 1963: 124].

В определении части речи целого УССС некоторые ученые ориентируются на словарные пометы [Молодцова 2002: 97], либо исходят из общего категориального значения, проявляющегося в процессе функционирования УССС в тексте [Баласанова 1973: 5-6]. Таким образом, количество подобных групп становится меньше, а само деление более практичным. Так, А.В. Кунин в рамках своей структурно-семантической классификации ФЕ выделяет субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, междометные, модальные и коммуникативные ФЕ сочинительного типа [Кунин 1996: 243-363].

Во всей микросистеме исследуемых нами сочетаний субстантивные обороты являются наиболее многочисленными [Иванова 2008: 77; Кунин 1996: 258; Sauer, Schwan 2017: 92]. В связи с этим вполне объясним тот факт, что структурно-семантические особенности таких УССС оказываются наиболее детально описанными. Компоненты субстантивных УССС могут быть однооформлены или разнооформлены [Иванова 2008:80]. При однооформленности оба компонента УССС употреблены либо в единственном, либо во множественном числе, например, *part and parcel, carrot and stick, hearts and minds, bells and whistles*. При разнооформленности – один компонент употреблен в единственном числе, а второй – во множественном, например, *head and shoulders, fox and hounds, cakes and ale, peaches and cream* [Кунин 1996: 258-259; Молодцова 2002: 98]. При этом преобладают УССС с компонентами, употребленными в единственном числе [Баласанова 1972: 86]. Число, в котором стоят компоненты УССС, обычно является неизменным [Кунин 1996: 259], а

изменение числа может привести к потере фразеологического значения [Баласанова 1972: 86].

Как отмечает Н.Н. Амосова, морфологическая форма компонентов твердо предустановлена. Хотя *teeth and nails* или *head or tail* являются более логичными и осмысленными выражениями, говорят *tooth and nail* и *heads or tails* [Амосова 1963: 122]. В качестве единственного исключения варьирующего числа компонентов обычно приводят УССС *lord and master* [Кунин 1996: 259]. Однако анализ словарей показывает, что несколько сочинительных сочетаний все же допускают употребление компонентов как в единственном, так и во множественном числе: *a mover and shaker* [Кунин 2006: 345] употребляется наряду с *movers and shakers* в зависимости от количества описываемых людей, а *(every) nook and cranny* имеет вариант во множественном числе *(all the) nooks and crannies* (см., например, [CCID]).

С точки зрения наличия или отсутствия детерминативов (артиклей или притяжательных местоимений) при компонентах И.Н. Молодцова разделяет субстантивные УССС на несколько групп с общей или отдельной детерминированностью. В обобщенном виде это можно представить следующим образом: 1) общая детерминированность компонентов УССС притяжательным местоимением, определенным или неопределенным артиклем, а так же отсутствием детерминированности (*one's wife and child, the rights and wrongs, a song and dance, room and board*); 2) отдельная детерминированность компонентов определенным или неопределенным артиклем, либо детерминированность первого компонента определенным или неопределенным артиклем, а второго – притяжательным местоимением (*the beauty and the beast, a snare and a delusion, the world and his wife*). При этом группы с общей детерминированностью или ее отсутствием признаются самыми многочисленными, а с отдельной детерминированностью – самыми малочисленными [Молодцова 2002: 98-100]. Здесь необходимо также отметить, что отсутствие артикля, даже при компонентах, являющихся конкретными существительными, соответствует общим нормам английской грамматики, в особенности при объединительном

назывании близко связанных между собой предметов (*house and garden, horse and cart*) [Амосова 1963: 122]. Если отсутствие артиклей придает всему сочетанию оттенок максимальной обобщенности значения, то их наличие подчеркивает, по мнению А.Л. Баласановой, конкретность, самостоятельность или важность каждого компонента сочетания (*a lick and a promise; the butcher, the baker, the candlestick maker*) [Баласанова 1972: 86].

Употребление союза в английских УССС, как отмечает Н.Н. Амосова для ФЕ-идиом, является строго определенным, так как играет и фонетическую, и мотивационную роль. Например, в УССС *chop and change, high and mighty* или *heart and soul* замена союза *and* на союз *or* невозможна не только по фонетическим, но и по семантически мотивационным причинам также, как и замена союза *or* союзом *and* в УССС типа *kill or cure, rain or shine* или *stand or fall* [Амосова 1963: 122]. В некоторых УССС все же наблюдается варьирование союза (*hit and/or miss, hither and/or thither*), что, по-видимому, связано с угасанием потребности в актуализации семантических зависимостей между компонентами и/или с расширением семантики союза *and*.

Семантические особенности УССС проявляются также при анализе видов сочинительной связи, которые наблюдаются у тех или иных групп исследуемых сочетаний.

Так, для субстантивных УССС в английском языке характерны следующие виды сочинительной связи: соединительно-сочинительная (*airs and graces, a lick and a promise*); соединительно-противительная (*ebb and flow, ups and downs*); разделительно-сочинительная (*rhyme or reason, sup or bite*); соединительно-отрицательная (*neither fish nor flesh, all talk and no action*); соединительно-следственная (выражает отношения следования, причинно-следственные и условно-следственные отношения) (*touch and go, cause and effect*) [Кунин 1996: 259-260; Молодцова 2002: 100-101]. В адъективных УССС можно наблюдать такие виды сочинительной связи как: соединительно-сочинительная (*high and mighty, alive and kicking*) и разделительно-сочинительная

(*common or garden*) [Кунин 1996: 267; Молодцова 2002: 101-102]. Для адвербиальных УССС характерны: соединительно-сочинительная связь (*by leaps and bounds, hammer and tongs*), соединительно-противительная связь (*right and left, up and down*), разделительно-сочинительная связь (*by hook or by crook, rain or shine*), соединительно-отрицательная связь (*neither here nor there, neither hide nor hair*) [Кунин 1996: 288; Молодцова 2002: 102]. Глагольным УССС присущи следующие виды связи: соединительно-сочинительная (*hum and haw, cut and contrive*), разделительно-сочинительная (*sink or swim, stand or fall*), соединительно-следственная (*hit and run, divide and rule*) [Кунин 1996: 313; Молодцова 2002: 102-103]. Среди модальных УССС встречаются единицы с соединительно-сочинительной (*well and good*) и с разделительно-сочинительной связью (*not for love or money*) [Кунин 1996: 338].

А.И. Смирницкий выделял два структурно-семантических типа ФЕ: «одновершинные», у которых имеется один семантически и грамматически ведущий компонент, и «двухвершинные (многовершинные)» ФЕ с двумя (или более) ведущими компонентами. В данной классификации устойчивые сочинительные сочетания получили наименование «фразеологических повторов (различного рода)» [Смирницкий 1956: 222]. Они отнесены к двухвершинным ФЕ в качестве их особого структурного типа. Часть из них построена на основе антонимичности, контраста (*now or never, up and down*), в других – основным моментом является аллитерация (*with might and main, betwixt and between*) [там же: 222-223]. Классификация А.И. Смирницкого, по мнению Л.А. Чиненовой, основана на определении во фразеологии наиболее типичных случаев [Чиненова 2018: 50], а, по мнению А.В. Кунина, является «эскизной и основанной в основном на стилистическом критерии» [Кунин 1996: 24]. Рассмотрение ФЕ с сочинением в терминах «фразеологических повторов» не получило широкого распространения.

Среди структурных типов ФЕ английского языка Н.Н. Амосова выделила группу сочинительных фразеологизмов [Амосова 1963: 121]. Исследова-

тель, придерживаясь узкого подхода к определению объема фразеологии, относит УССС к классу идиом, т.е. единицам постоянного контекста с целостным значением. Это могут быть дву-, трёх- или многочленные фразеологические словосочетания с союзной или бессоюзной сочинительной связью (*pick and choose; lock, stock and barrel; all the world and his wife*) [там же: 123]. Однако, по ее мнению, такие сочетания, как *play ducks and drakes* или *move heaven and earth*, к данному типу ФЕ не относятся, т.к. подобные сочетания в целом построены как подчинительные, а сочинительная связь есть лишь в одной их части [там же: 124-125].

Классификация английских ФЕ А.В. Кунина, которую мы считаем наиболее подробной, разрабатывалась автором на протяжении нескольких десятилетий и окончательный вид приобрела к 1996 году. Фразеологизмы распределены на три группы в зависимости от типов их значения (от более осложненных до менее осложнённых): идиоматика, идиофразеоматика и фразеоматика. УССС встречаются среди всех групп ФЕ, указанных автором. К идиоматизмам относятся мотивированные или немотивированные устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением (*stocks and stones, bill and coo*). Идиофразеоматизмами являются устойчивые словосочетания, у первых фразеосемантических вариантов которых компоненты имеют осложненные значения, а у вторых идиоматических вариантов – полностью переосмысленные (*high and dry, cut and run*). Фразеоматизмы представляют собой ФЕ неидиоматического характера с осложненным значением, возникающим в результате безобразного преобразования (*prim and proper, pick and choose*) [Кунин 1996: 26-27]. Автор уделяет большое внимание исследуемым нами ФЕ, хотя и не использует для них какого-либо специального термина, а обходится описательными оборотами типа «ФЕ со структурой сочинительного словосочетания» или «ФЕ с сочинительной структурой» [Кунин 1972; Кунин 1996].

А.Л. Баласанова выделяет два класса сочинительных ФЕ: 1) полностью переосмысленные, немотивированные сочетания, т.е. идиомы (*leather and*

prunella, bill and coo), 2) частично переосмысленные, значение которых в разной степени зависит от значения слов-компонентов (*dust and ashes, rough and ready*) [Баласанова 1972: 89]. Г.П. Помигуев дополняет эту классификацию промежуточной группой ФЕ с разделительно-целостным значением (*much cry and little wool, have one's cake and eat it too*) [Помигуев 1974: 13]. Отметим, что в отношении разделительно-целостного значения А.В. Кунин подчеркивает «отсутствие структурной монолитности и переосмысленный характер константных и вариантных компонентов», а также то, что их «переменные компоненты обычно употребляются в своих буквальных значениях» [Кунин 1970: 318]. Очевидно, что данные классификации не выходят за рамки структурных и семантических типов фразеологизмов, выделенных А.В. Куниным в то время.

Н.М. Эльянова включает в единое исследование фразеологические и переменные сочинительные сочетания. Бинарные сочетания существительных с союзом *and*, по мнению исследователя, подразделяются на переменные, устойчивые и полуустойчивые сочетания [Эльянова 1970а]. Для переменных сочетаний характерна однородность и взаимная обусловленность компонентов сочетаний, которые проявляются на разных уровнях языковой структуры: стилистическом, лексическом, грамматическом, семантическом. Так, лексическая однородность заключается в сходстве лексических значений сочиненных существительных, т.е. указывает на то, что они являются лексически совместимыми словами (часто синонимами, антонимами или словами одной тематической группы): *love and hatred, horror and repulsion*. Взаимная детерминация на лексическом уровне определяет их совместное употребление в бинарной конструкции, что создает возможность взаимной предсказуемости компонентов, ограничивающей круг слов, сочетающихся с данным. Так, отвлеченное существительное, обозначающее эмоциональное состояние – *anger* – соединяется в бинарной конструкции с подобными ему по характеристикам существительными: *anger and bitterness, anger and disgust, anger and despair* [там же: 3-4]. К этой же группе исследователь относит такие сочетания, как *cause and effect*,

war and peace, space and time. Соединение слов в подобных сочетаниях, как указывает автор, обусловлено экстралингвистическими причинами, т.е. частой встречаемостью в реальной действительности двух предметов, лиц или явлений, обозначаемых данными словами. Некоторые сочетания этой группы характеризуются объединяющим значением (*father and mother = parents, men and women = people*) или являются частями одного комплекта (*needle and thread, coat and skirt, pen and paper*) [там же: 6]. Всем сочетаниям данной группы свойственны структурная членимость, отсутствие устойчивости употребления и устойчивости на семантическом уровне. Для сочетаний с объединяющим значением ученый делает оговорку и относит их в отдельную переходную группу в связи с наличием определенного ослабления значений их компонентов [там же: 7].

Устойчивые сочетания существительных с союзом *and* подразделяются Н.М. Эльяновой на идиомы и устойчивые метафоры. Идиомы – синтетические устойчивые сочетания с семантически выветренными компонентами, полностью лишенными лексической самостоятельности (*soup and fish* «вечерний костюм», *prunes and prisms* «жеманная манера говорить»). Устойчивые метафоры – сочетания с аналитическим, обобщенно-метафорическим значением (*chapter and verse, back and edge, hide and hair*). Сходство между идиомами и устойчивыми метафорами заключается в наличии у них устойчивости употребления и устойчивости на семантическом уровне, а различие – в неодинаковых путях смысловых преобразований: в идиомах происходит предельное ослабление лексических значений компонентов, а в устойчивых метафорах развивается переносное значение при сохранении компонентами лексической интенсивности [там же: 8-10]. К полустойчивым относятся сочетания, характеризующиеся устойчивостью употребления, но не имеющие устойчивости на семантическом уровне. Среди них различаются сочетания с усилительным и уточнительным значением (*aches and pains, hue and cry, assault and battery*) и сочетания с обобщающим и объединяющим значением (*in weal and woe, bread and butter, son and heir*) [там же: 10-11].

Одно из следующих исследований, характеризующимся увеличением количества описываемых структурных типов английских УССС, было осуществлено В.В. Дайнеко. Его результаты представлены, в частности, работе [Дайнеко 1988], а также в последовавшем учебном пособии, созданном в соавторстве с Л.М. Медведевой [Медведева, Дайнеко 1989]. С точки зрения лексико-фразеологического содержания анализируемых в работе «парных словосочетаний», или «биномов» (авторы используют оба термина) разной степени устойчивости, определяющегося прежде всего характером семантической спаянности образующих их компонентов, определены следующие группы этих сочетаний: 1) собственно ФЕ, или идиомы – семантически изолированные образования с цельным лексическим значением (*all the world and his wife, by and large*); 2) идиофразеоматические единицы (соответствует разряду ФЕ, выделенному А.В. Куниным – см. выше); 3) устойчивые сочетания с непереосмысленным значением компонентов, включающие необразные штампы, клише и авторские обороты (*sooner or later, take it or leave it, null and void, law and order*); 4) переменнo-устойчивые сочетания, образующиеся по структурно-семантическим моделям, в которых именные компоненты соединены при помощи предлогов (*face to face, step by step*); 5) свободные парные словосочетания, употребляющиеся в качестве синтаксически неразложимых словосочетаний, компоненты которых связаны семантической общностью, общностью называемой ими категории реалий (*mother and father, day and night, rise and fall*); 6) квазисловосочетания, образующиеся по союзной паратактической модели и включающие два компонента, которые, однако, не являются «равноправными» (*a N and a half, go/try and V, good and Adj* и т.д.) [Дайнеко 1988: 15-16; Медведева, Дайнеко 1989: 7-10].

Важно отметить также исследование И.Н. Молодцовой, в котором уточнен статус английских «биномиалов» (сочинительных сочетаний) и показано их функционирование в различных типах контекста [Молодцова 2002]. Данные языковые единицы также изучались Т.В. Ивановой в когнитивном и прагматическом аспектах [Иванова 2008]. Оба ученых приводят классификации

языкового материала, разделяя его на две основные группы: неидиоматические и идиоматические сочетания. Они не противоречат ранее созданным типологиям, в них лишь немного перераспределены и в некоторых случаях несколько иначе именованы уже ранее выделенные структурные типы сочинительных сочетаний.

Деление фразеологизмов на фразеоматизмы, идиофразеоматизмы и идиоматизмы (А.В. Кунин), на неидиоматические и идиоматические (И.Н. Молодцова, Т.В. Иванова), а также добавление в классификации так называемых «свободных» (переменных) сочетаний (В.В. Дайнеко, Н.М. Эльянова) в целом подобно немногочисленным классификациям, предлагаемым зарубежными исследователями.

Так, С. Грэмли и К.-М. Пэтцольд выстраивают УССС (*binomials*) в ряд от полностью прозрачных единиц (*bed and breakfast, here, there and everywhere*) через полупрозрачные (*kith and kin; left, right and centre*) до непрозрачных или полностью идиоматичных (*high and dry; hook, line and sinker*) [Gramley, Pätzold 2004: 58]. В отечественной лингвистике подобная мысль впервые была высказана В.В. Дайнеко. С точки зрения лексико-фразеологических особенностей семантики, присущих УССС (парным словосочетаниям), ученый предлагает представить последние в виде шкалы. На ее крайних точках располагаются идиомы и свободные сочетания слов, а между ними размещаются единицы, которым свойственна варьирующаяся степень устойчивости [Дайнеко 1988: 16]. Образ шкалы вполне применим к современному представлению об идиоматичности как о градуальном явлении [Баранов, Добровольский 2008: 57; Гутовская 2015; Гутовская 2019: 103]. В этом случае все сочинительные словосочетания можно представить в виде лингвистического континуума языковых единиц по признаку устойчивости и идиоматичности.

Некоторые ученые включают в орбиту своих исследований сочетания слов с предлогами, типа *from hand to mouth, day by day*. Так, Я. Малкиель под введенным им термином «бином» (*binomial*) понимал «последовательность двух слов, относящихся к одному формальному классу, находящихся на одном

уровне синтаксической иерархии и, обычно, соединенных каким-либо лексическим средством» («*the sequence of two words pertaining to the same form-class, placed on an identical level of syntactic hierarchy, and ordinarily connected by some kind of lexical link*») [Malkiel 1959: 113]. Однако в большинстве специальных исследований ученые ограничиваются рассмотрением сочетаний с сочинением. При этом могут использоваться терминосочетания с уточнением присутствующего в них типа синтаксической связи: «сочинительные парные словосочетания» [Иванова 2008; Петрова 2018] или «устойчивые сочинительные биномы» [Артамонова 2012]. Мы считаем, что предложные сочетания целесообразнее рассматривать в качестве отдельного объекта изучения. Так, например, в статье Р. Джэкендоффа [Jackendoff 2008] показан целый комплекс структурно-семантических и иных свойств сочетаний типа *head over heels, day by day, construction after construction*, что, как представляется, говорит в пользу возможности независимого и углубленного исследования этих сочетаний.

Отсутствие жестких границ между лексикой и синтаксисом, справедливо рассматриваемое учеными как лексико-синтаксический континуум, порождает появление конструкций как на уровне словосочетаний, так и на уровне предложений, с устойчивой синтаксической формой и частично фиксированным лексическим наполнением. Так, Ч. Филлмор в качестве примера подобных «структурных формул» (*structural formulas*) называл конструкцию *X in and X out*, в которой вместо *X* может употребляться слово, указывающее на временной отрезок (например, *day, year*) [Fillmore 1979: 72-73]. Дж Тейлор отмечает установленное семантикой конструкции ограничение на заполнение ее «пустых клеток» словами, которые обозначают отрезки времени, с помощью которых можно осознать монотонность действий (*day, week, month* и так далее). При этом вряд ли возможно употребление слов, обозначающих очень короткие (*second*) или очень длинные отрезки времени (*millennium*) [Taylor 1995: 201].

Необходимо также отметить отсутствие унифицированного подхода в терминологическом обозначении анализируемого языкового явления в английском языке. Так, были употреблены термины «квазисловосочетание» (В.В. Дайнеко), «квазисочинение» (Н.В. Денисова, см.: [Денисова 2007: 14-15]), «синтаксически связанная конструкция» (Ю.С. Гурикова, см.: [Гурикова 2013]), «фразеосхема» [Сливная 2013; Melikyan et al. 2018].

В данном исследовании за основу принят подход тех ученых, которые акцентируют внимание на различных типах устойчивости ФЕ, а также на образуемом ими едином значении [Баранов, Добровольский 2014: 62-63; Кунин 1996: 46-56]. Термин «устойчивый» наиболее оптимально отражает специфику описываемого языкового явления.

Таким образом, дифференциальным свойством анализируемых в данном исследовании единиц является устойчивость в триединстве (взаимообусловленности) своих проявлений: устойчивости сверхсловной формы, устойчивости переосмысленного или осложненного содержания и устойчивости употребления (воспроизводимости) (этот факт неоднократно подчеркивался А.В. Куниным, см.: [Кунин 1996]). В работах ученых также отмечается градуальный характер показателя устойчивости, в соответствии с которым разграничиваются немотивированные и мотивированные УССС в английском языке (А.Н. Баранов, В.В. Дайнеко, Д.О. Добровольский, С. Грэмли, М.С. Гутовская, К.-М. Пэтцольд и др.).

Таким образом, в рамках структурно-семантического подхода были рассмотрены различные классификации английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью, определены различные морфологические характеристики компонентов УССС, исследованы типы сочинительной связи, задействованные в английских УССС.

1.2. Функционально-семантический подход к изучению английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью

Неразрывная связь формы (структуры), значения (семантики) и функции(-ий) представляет собой тройственную характеристику языковых единиц, правила и закономерности функционирования которых относятся к системе языка, а сам процесс их функционирования осуществляется в речи. В лингвистике функция понимается, во-первых, как назначение, роль, выполняемая единицей языка при его воспроизведении в речи, во-вторых, как цель и характер воспроизведения в речи языковой единицы, а также как обобщенное обозначение разных аспектов языка и его элементов с точки зрения их применения и использования [Ахманова 2010: 506-507].

Функционально-семантический подход к изучению языковых явлений занимает важное место в лингвистических исследованиях. Он предусматривает выявление назначения языковой единицы в высказывании, соотнесение различных типов контекстов с реализуемым в них значением языковой единицы, установление сфер использования языковой единицы и другие аспекты, в которых могут быть осуществлены цели и намерения человека в сфере познания действительности, а также в процессе использования языка как средства коммуникации.

Специфика сочинительной связи предусматривает, что при включении в состав предложения английские УССС занимают в нем одну синтаксическую позицию, то есть функционируют как определенный член предложения. В работах В.В. Дайнеко [Дайнеко 1988: 116-117] и Т.В. Ивановой [Иванова 2008: 128-132] было установлено, что УССС различной степени устойчивости могут выполнять синтаксические функции подлежащего, сказуемого (в том числе части составного сказуемого), дополнения, препозитивного или постпозитивного определения, а также функции различных обстоятельств.

УССС в английском языке являются сверхсловными языковыми единицами, обладающими различными видами устойчивости (устойчивость формы,

значения, употребления). Изучение поведения УССС в контексте играет немаловажную роль для раскрытия сложной структуры их фразеологического значения. Изучение английских ФЕ и контекста проводилось в работах А.В. Кунина [Кунин 1971; 1996], Н.Н. Амосовой [Амосова 1963], А.И. Алехиной [Алехина 1979]. Контекстные реализации УССС в английском языке были исследованы в специальных работах А.Л. Баласановой [Баласанова 1972] и И.Н. Молодцовой [Молодцова 2002].

Применительно к ФЕ в целом, и к английским УССС в частности, обычно выделяют внутренний и внешний контексты [Алехина 1979: 110-127; Молодцова 2002: 84-85]. Внутренний контекст УССС образуется собственно составом и структурой словосочетания. С одной стороны, он рассматривается как синтаксический: в нем грамматическая (сочинительная) модель определяет каркас внутреннего контекста УССС. С другой стороны, структурно-семантическая модель УССС мотивирует этот каркас, причем общая семантика УССС исследуется как результат взаимодействия значений компонентов сочетаний и реализации парадигматических и синтагматических отношений между ними [Алехина 1979:117; Молодцова 2002: 84]. Внешний контекст находится вне исследуемой языковой единицы. В соответствии с теорией фразеологического контекста (ФК) А.В. Кунина актуализатор ФЕ может быть выражен словом или словосочетанием, предложением или сверхфразовым единством. В связи с этим ученый выделяет три типа ФК: внутрифразовый, фразовый и сверхфразовый. Если в первом типе ФК актуализатор ФЕ выражен словом или словосочетанием в составе простого или сложного предложения, то во фразовом ФК актуализатор ФЕ выражен простым или сложным предложением. И, наконец, в сверхфразовом ФК актуализатор выражен двумя или более простыми или сложными предложениями [Кунин 1996: 202].

В исследовании А.Л. Баласановой [Баласанова 1972] указывается на то, что в 98% рассмотренных автором случаев актуализатором УССС является внутрифразовый контекст, т.е. минимальный отрезок речевой цепи, и лишь 2% требуют для своей реализации более сложных речевых отрезков [там же: 14].

Наиболее типичные внутрифразовые контексты могут быть представлены в виде моделей. Так, например, для субстантивных УССС характерны следующие модели: УССС + *of* + *N* (... *part and parcel of the Arab world...*), УССС + *prep* + *N* (... *song and dance about control...*), *N* + *prep* + УССС (... *a difference between Tweedledum and Tweedledee...*), *A* + УССС (... *remarkable touch and go...*), *A* + *prep* + УССС (... *famous for such airs and graces...*), *V* + (*prep*) + УССС (... *turn to dust and ashes...*) [там же: 42-72].

Реализация фразового контекста, по мнению А.Л. Баласановой, не является широко распространенным явлением. На примере субстантивных УССС в английском языке предложение может рассматриваться в качестве фразового контекста в следующих случаях. Во-первых, когда субстантивное УССС употребляется в функции обособленного определения, где в качестве контекста требуется не одно слово, а все предложение. Например, *Those charming creations of the poet, John Doe and Richard Roe, will open a new world for the enlargement of his mind and the improvement of his heart (Ch. Dickens)*. Во-вторых, фразовый контекст может быть выражен придаточным предложением в рамках сложного предложения, например, *The family suffers those ups and downs to which the great houses of Scotland have been ever liable (R.L. Stevenson)*. И в-третьих, субстантивные УССС реализуются в предикативной функции, вводимых в речь местоимениями *it* и *all*. Такие слова, в виду отвлеченности их семантики, не несут достаточной информации для реализации УССС, которое соединяется с указанными словами глаголом-связкой *to be*. Например, ... *for a while it was touch and go whether the Lieutenant would survive the gamble (I. Shaw)*. Подчеркнутое в данном случае придаточное предложение конкретизирует местоимение *it* и содержит необходимую информацию для реализации этого УССС [там же: 72-75].

Необходимо, однако, отметить, что для некоторых УССС фразовая реализация является единственно возможной. Имеются в виду адвербиальные УССС с оттенком модальности типа *by and large*, *first and last*, *first and foremost*, *really and truly* и *well and good* [там же: 172]. Данные УССС, употребляясь

в качестве вводных конструкций, реализуют свое значение в рамках целого предложения, что видно на следующих примерах: *First and last, be sure to be true to your own desires* [FISD]; *First and foremost, I want to thank all of you for being here tonight* [FISD].

Сверхфразовый контекст – это ситуативный актуализатор, представляющий собой сложное синтаксическое целое, выраженное двумя или более предложениями, объединенными в смысловом и интонационном отношении [Баласанова 1972: 76]. В исследовании А.Л. Баласановой данный вид контекста представлен небольшим количеством примеров, что не позволило автору сделать выводы о закономерностях его употребления. Сверхфразовый контекст рассматривается автором как средство установления фразеологичности того или иного УССС, то есть отграничения его от переменного сочетания [там же].

Здесь необходимо отметить, что в других работах показано широкое функционирование УССС в диалогических дискурсах в качестве самостоятельных речевых актов. При этом эксплицитно или имплицитно может быть выражен достаточно широкий спектр прагматических значений: гнев (*Damn and blast!*), одобрение (*Go in and win!*), упрек (*Much cry but little wool.*), возмущение или недовольство (*Go and jump in the lake!*), восхищение (*Oh my ears and whiskers!*) и др. [Гурочкина 2005: 211; Дайнеко 1988: 135-136; Иванова 2008: 140-153]. В ряде диалогических реплик согласие как подтверждение информации, переданное собеседником, реализуется в сверхфразовом контексте следующим образом:

- *The fish was the biggest ever caught on the lake.*

- *Far and away!*

- *Oh, and you're married now, right?*

- *Warts and all!*

- *He's a wonderful brother.*

- *Yes, all wool and a yard wide!* [Иванова 2008: 143].

Наряду с отмеченными выше функциями выделяется также функционирование английских УССС как метакоммуникативных единиц [Иванова 2008].

Суть такого функционирования исследуемых единиц заключается в обеспечении согласованного взаимодействия партнеров во время акта коммуникации. Как отмечается, основное назначение метакоммуникативных единиц – «установить, продолжить или прервать основную коммуникацию, проверить, работает ли канал связи, привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно» [там же: 154]. Данную позицию автор подкрепляет примером, в котором говорящий, пытаясь выразиться информативно и избежать подробного ответа, кратко формулирует свой ответ на заданный вопрос:

- *Here you are! Want to tell something?*

- *The long and the short of it. I had much to drink and said something I shouldn't have* [там же].

Приведенные выше функциональные характеристики УССС в английском языке, по нашему мнению, показывают многообразие прагматических интенций и коммуникативных стратегий, которые могут быть применены говорящими в рамках диалогического дискурса.

Сочинительные конструкции используются не только во внутренних или внешних контекстах, но и, как указывают многие ученые, на уровне текста, то есть в названиях художественных произведений или их отдельных глав. Так, Я. Малкиель приводит заголовки романов Э. Хемингуэя «*The Old Man and the Sea*» и Дж. Остин «*Pride and Prejudice*» [Malkiel 1959: 155]. Некоторые такие конструкции, изначально не являясь устойчивыми языковыми единицами, все же имеют возможность в результате частого употребления в речи стать сначала прецедентными единицами, а затем часть из них может обрести статус ФЕ. А.В. Кунин приводит многочисленные примеры использования ФЕ в названиях произведений и говорит о том, что текст дает возможность «выхода за пределы реальной обстановки данного речевого акта» [Кунин 1971: 14]. Факты использования английских УССС в качестве заголовков романов, рассказов или их отдельных глав отмечаются также в работах А.Л. Баласановой [Баласанова 1972: 21-23] и В.В. Дайнеко [Дайнеко 1988: 123]. Примерами подобной текстовой реализации УССС могут служить названия произведений

У.С. Моэма «*Cakes and Ale*», «*Flotsam and Jetsam*», «*Here and There*», «*Loaves and Fishes*», «*There and Then*».

В рамках функционально-семантического подхода к описанию английских УССС была рассмотрена полевая структура исследуемых языковых единиц. Основываясь на принципах функциональной грамматики, заложенных А.В. Бондарко, Е.В. Пастукьян удалось построить модель функционально-семантического поля координации (далее – ФСПК) в английском языке и выявить особенности функционирования конstituентов данного поля в речи. ФСПК представляет собой систему лексических и синтаксических средств языка, «объединенных общностью выполняемой ими семантической функции, состоящей в выражении отношения взаимозависимого равноправия между объектами реальности, которые выражены компонентами сочинительной конструкции» [Пастукьян 2009: 141]. Компонентами ФСПК являются сочинительные конструкции – единицы лексематического, денотематического (и фразематического в его составе), пропозематического и диктематического языковых уровней, которые выделены М.Я. Блохом [там же: 54].

На лексематическом уровне сочинительная связь реализуется в так называемых «координативных композитах» – языковых единицах, образованных путем словосложения (например, *touch-and-go*, *salt-and-pepper*, *so-and-so*, *bread-and-butter*), в которых компоненты структурно равноправны, а также семантически взаимозависимы, поскольку вместе образуют смысл данной языковой единицы. Словосочетания и фразеологические единицы составляют денотематический уровень языка. На пропозематическом уровне сочинительные конструкции представлены сложносочиненными предложениями, а формальная структура диктематического уровня представлена в виде соединения двух предложений в тексте, второе из которых начинается с сочинительного союза [Пастукьян 2009: 54-70].

Описанное, таким образом, многообразие конструкций с сочинением представлено автором в виде ФСПК. Ядро поля сформировано сочинительными конструкциями денотематического и пропозематического уровней на

основе категории однородности. Помимо свободных словосочетаний и обратимых сложносочиненных предложений ученый относит в эту же область так называемые случаи «естественной координации». Под естественной координацией (*natural coordination* [Wälchli 2005]) подразумеваются семантические отношения между двумя единицами очень близкими по значению и образующими концептуальную единицу. Например, *brother and sister, hands and feet, knife and fork* [там же: 1]; *It was because I heard father and mother, he explained in a low voice ... My touchiness about trifles, dear master and mistress* [Пастукьян 2009: 61].

Ядерную периферию ФСПК английского языка составляют конструкции с необратимостью компонентов на фоне их однородности. Околоядерную зону формируют конструкции денотематического и пропозематического уровней, между частями которых имеется определенная взаимообусловленность или причинно-следственные связи. В зону ближней периферии входят конструкции диктематического уровня. На дальней периферии находятся лексические, фразеологические и другие номинативные единицы, как наиболее эксплицитные средства выражения основного значения сочинения, но наименее специализированные для этой цели. Например, *It's narrated by a sadder but wiser local newspaper publisher who as a teenage boy served as the senator's driver. And all the while the yearning, the terrible yearning despair in him grew into agony, and he muttered hopelessly, over and over again, 'Tommy, oh, Tommy, I can't find you, Tommy'*. Крайнюю периферию ФСПК составляют конструкции с союзами *for* и *so*, конструкции с союзными наречиями и частицами (*Dornberger studied it carefully, then handed it back.*), а также конструкции, совмещающие в себе сочинение и подчинение (*We've got to go and look at that policeman!*) [там же: 94-123].

Как следует из вышеизложенного, при установлении «отношений взаимозависимого равноправия» в качестве основного свойства сочинительных конструкций [там же: 54] исследуемые нами УССС оказываются как в ядре ФСПК

(неидиоматические случаи естественного сочинения *father and mother, husband and wife*), так и на дальней периферии (сочинительные композиты и идиоматические фразеологизмы). Е.В. Пастукьян объясняет это тем, что сочинительные конструкции лексематического и фразематического уровней не являются специализированными средствами для выражения отношения взаимозависимого равноправия [там же: 117]. Результаты анализа ФСПК, полученные Е.В. Пастукьян, являются лишним доказательством того, что часть поля координации (сочинения), имеющая структуру словосочетания, состоит из языковых единиц неоднородных по структуре и функционально-семантическим свойствам.

Помимо того, что сочинительная синтаксическая связь может быть представлена в виде функционально-семантического поля, ФЕ, в составе которых имеется сочинительная связь, образуют свою собственную полевую структуру. Так, в исследованиях Н.Г. Склярской и ее коллег ФЕ английского языка с сочинительными союзами рассматриваются как конститuentы фразеологического полевого образования [Киселева 2015; Лебедева, Склярская 2018; Подскребалина, Склярская 2015; Склярская 2016; Склярская, Косоножкина 2017;]. Основанием для выделения поля становится именно наличие союза, а распределение ФЕ внутри него зависит от стержневой роли того или иного сочинительного союза. В структуре поля выделяются ядро, околоядерная зона, ближняя и дальняя периферии.

К ядру данного поля относятся парные непредикативные английские ФЕ, построенные по модели переменного сочинительного сочетания, некоторые из которых могут иметь в составе предлог: *cakes and ale, sooner or later, slowly but surely, between hammer and anvil, by hook or by crook*. Околоядерная зона включает: 1) трехкомпонентные непредикативные ФЕ (*hatches, matches and dispatches; here, there and everywhere*); 2) однокомпонентные ФЕ, в которых одна из позиций сочинительного ряда (правая или левая) заполняется в контексте (... *and a half, fine and ..., good and ...*); 3) ФЕ, в которых по принципу

сочинительной конструкции образовано сложное слово (*a cat-and-dog existence, bread-and-butter issue*). Ближняя периферия состоит из полипредикативных паремий с союзом, соединяющим части сложного предложения (*lend your money and lose your friend; fools make feasts and wise men eat them; the spirit is willing but the flesh is weak*). К дальней периферии принадлежат монопредикативные паремии с сочиненными однородными членами (*between the cup and the lip a morsel may slip; early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise, all cats love fish but fear to wet their paws*) [Подскребалина, Складорова 2015: 25-26; Складорова, Косоножкина 2017: 148] (некоторые примеры взяты также из: [Киселева 2015; Лебедева, Складорова 2018]).

Особой стороной рассмотрения английских УССС в функционально-семантическом аспекте является их прагматический потенциал. Лингвистическая прагматика включает в себя «комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [ЛЭС 1990: 390].

Другим исследовательским фокусом в рамках функционально-семантического подхода к изучению УССС стал анализ формирования оценочного знания, репрезентируемого данными единицами. Если общие положения о структуре оценки и ее типах были разработаны в исследованиях Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф [Арутюнова 1988; Вольф 1985], то особенности этого явления во фразеологии были рассмотрены в аспекте разграничения рациональной и эмоциональной оценки [Телия 1996: 176-186], а также с учетом связи оценочного компонента со значением языковой единицы были выделены ингерентная и адгерентная оценки. В ингерентно-оценочных ФЕ оценка содержится во фразеологическом значении и получает отражение в словарном определении ФЕ. Данный тип оценки иногда называют языковым. Адгерентно-оценочные ФЕ приобретают и/или создают оценку за счет смысловой структуры контекста, в связи с чем такую оценку еще называют речевой [Дайнеко 1988: 125-127].

Необходимо отметить также, что фразеологическое значение отличается от лексического превалированием в большинстве случаев коннотативного аспекта над денотативным [Иванова 2011: 215; Солодуб 1997: 48]. Многие исследователи фразеологии также говорят о том, что назначение ФЕ заключается не столько в назывании объектов действительности, сколько в выражении связанных с ними социально значимых характеристик и личностного отношения к именуемому объекту [Алефиренко 2018: 80; Эфендиева 2003: 6]. Согласно наиболее распространенной точке зрения в коннотативный макрокомпонент значения ФЕ входят четыре компонента: экспрессивный, эмоциональный (эмотивный), оценочный и стилистический [Артемова 2009: 81]. Фразеологи далее отмечают, что все компоненты коннотации «могут выступать вместе в разных комбинациях или отсутствовать» [Кунин 1996: 178], а их разграничение условно, так как только совокупность компонентов коннотации «формирует неповторимую семантику каждого фразеологизма» [Рыжкина 2003: 83]. Взаимообусловленность первых трех аспектов коннотации нередко затрудняет вычленение и разделение их в структуре фразеологического значения. Рассмотрим с данных позиций исследуемый языковой материал.

Среди английских УССС с ингерентной положительной оценкой часто встречаются единицы, характеризующие человека и различные аспекты с ним связанные: *bright-eyed and bushy-tailed* (*As usual, the new interns are bright-eyed and bushy-tailed – just watching them is exhausting* [FISD]), неодушевленные объекты и явления: *spick and span* (*I plan to spend the day cleaning so that this place is spick and span when my mother-in-law arrives.* [FISD]). Среди УССС с отрицательной оценкой можно выделить те же группы. К первой группе относится, например, УССС *airs and graces* (*She's always putting on airs and graces because she wants to impress other people.* [FISD]), ко второй – *gloom and doom* (*The situation isn't all doom and gloom – here are still plenty of good schools that did accept you!* [FISD]).

Среди английских УССС, по мнению В.В. Дайнеко, выделяется группа сочетаний, которые содержат одновременно как положительную, так и отрицательную оценку: *ups and downs*, *Jekyll and Hyde* [Дайнеко 1988: 127], например: *Like most married couples we've had our ups and downs, but life's like that* [CD]. *The professor was a real Jekyll and Hyde – sometimes kind and charming, and at other times rude and obnoxious* [CD]. Отмечается, что подобных языковых единиц с отрицательной оценкой больше, чем с положительной [Артемова 2009: 87-88; Девкин 1979: 160; Кунин 1996: 182-183]. Такое положение вещей В.В. Дайнеко наблюдает и среди идиоматичных УССС [Дайнеко 1988: 126]. Объяснение этой статистической закономерности лежит в плоскости человеческой психологии. Слова и ФЕ с положительной оценочностью воспринимаются как норма, как само собой разумеющееся. Отклонения от нормы в отрицательную сторону рассматриваются как преграды, которые подлежат преодолению, для чего человек затрачивает значительные силы. Такие усилия являются более значимыми, в связи с чем они и получают количественно преобладающее выражение в языке.

В научной литературе отмечаются также случаи, когда экспрессивно-оценочное значение может передаваться в английском языке сочинительной синтаксической конструкцией, относительно свободно заполняемой одинаковыми существительными, которые не имеют оценочного значения в языковой системе. При этом данная конструкция функционирует как средство реализации оценочных фокусов «положительный – отрицательный»: *There are teachers and teachers* (\approx «good and bad teachers»). *You can find doctors and doctors* (\approx «good and bad doctors») [Дайнеко 1988: 131; Quirk et al 1985: 981].

Ученые обращают внимание и на УССС адъективного типа, которые обладают эмоционально-усилительным значением. Первый компонент в данном случае оказывается десемантизирован и сближается по значению с обстоятельством степени, указывая на высокую степень проявления признака, обозначаемого вторым прилагательным. Самыми распространенными сочетаниями являются *nice and Adj* и *good and Adj*. Еще два сочетания, выделяемые в

основном отечественными учеными (*fine and Adj, rare and Adj*) [Кунин 1984: 274, 620; Медведева, Дайнеко 1989: 70, 145], менее частотны: *The examination was nice and easy* [LDEI: 232]. *I meant to get up good and early and take a walk before breakfast* [ODEI: 244]. *I was fine and startled when I saw you at our door, Mr Cannon* [Кунин 1984: 274]. *We got a good supper and grew rare and sleepy* [Медведева, Дайнеко 1989: 145]. В первом компоненте данных УССС имеется сема положительной оценки. Однако в зависимости от специфики второго компонента оценка всего сочетания может быть и отрицательной: *I'm getting good and angry over this matter* [LDEI: 133]; *It's 10 o'clock – you're nice and late getting to work today!* [там же: 232].

Особо необходимо отметить группу междометных УССС в английском языке, функционирующих, как правило, в эмотивно-оценочных речевых актах. Как пишет А.В. Кунин, «междометия относятся к эмотивным и, следовательно, оценочным образованиям». В результате экспрессивного переосмысления междометные ФЕ (и УССС в частности) «превращаются в обобщенные выразители эмоций и волеизъявления, а иногда и того, и другого вместе», вследствие чего значение подобных междометных языковых единиц является немотивированным, идиоматичным [Кунин 1996: 331]. Н.В. Скорик, обобщая определение междометных ФЕ английского языка, указывает, что они «служат для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [Скорик 2013: 10]. Выражение того или иного чувства, состояния или реакции междометной ФЕ зависит от конкретной речевой ситуации. От контекста экстралингвистической ситуации зависит и выражаемая междометной ФЕ оценка, которая соответствует передаваемой эмоции:

- удивление, недоверие: *Surely, my dear sir, you must have heard the expression meaning that something is not a true picture, or has it quite died out nowadays: “All my eye and Betty Martin!” (A. Christie)* (цит. по: [Медведева, Холден 2003: 30]);

- гнев, раздражение: "Blood and thunder!" roared the other gentleman. With this he whipped his sword out and made a lunge at my uncle without further ceremony (Ch. Dickens) (цит. по: [Медведёва, Холден 2003: 62]); "Oh, damn and blast! What on earth did you do to my car?" – "I'm so sorry, I swear I'll pay to have it fixed" [FISD];

- неодобрение, несогласие: «Did you see him?" cried Thomas delightedly. "Why, he knows me already". "Stuff and nonsense", said Mrs Coombe. "Why, the poor babe can't even see yet" (D. du Maurier) (цит. по: [Кунин 1984: 734]);

- удивление, изумление: Lo and behold, who should I meet but you! [Медведёва, Холден 2003: 203]; As I live and breathe! I haven't seen you in years! [FISD].

Таким образом, в русле функционально-семантического подхода к исследованию английских УССС лингвистами рассматривались реализуемые в разных контекстах функции данных единиц, а также оценочные смыслы, интерпретируемые на основе контекста. Более того, были предприняты попытки построения функционально-семантического поля с включением как свободных сочетаний с сочинительной связью, так и устойчивых. Однако вопросы, связанные с процессами формирования комплексного знания, как правило, оценочного типа, репрезентируемого данными единицами, не были рассмотрены. Это ставит вопрос о необходимости изучения когнитивной основы английских УССС для раскрытия механизмов формирования комплексного знания оценочного типа, для репрезентации которого данные единицы и предназначены.

1.3. Когнитивный подход к изучению английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью

Когнитивный подход предполагает изучение языковых явлений с позиций объяснения взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессах репрезентации знаний. Такая методологическая установка была дана Дж. Лакоффом, отметившем, что наряду с описанием общих принципов организации естественного языка (Generalization Commitment) необходимо учитывать

и данные о работе сознания человека, полученные в смежных науках (Cognitive Commitment) [Lakoff 1990: 40; Lakoff 1991: 53-54]. На междисциплинарный характер когнитивной лингвистики неоднократно указывается в работах исследователей [Болдырев 2020: 60; Тимофеева 2010: 12; Dabrowska 2016: 479-480; Evans, Green 2006: 27-44 и др.].

Важность учета междисциплинарной составляющей применительно к фразеологии подчеркивает Д.О. Добровольский, считая, что в этой области необходимо принимать во внимание как корпусные данные, так и результаты психолингвистических экспериментов [Dobrovol'skij 2018: 154, 168].

Показательно, что в зарубежной лингвистике внимание исследователей было сфокусировано на такие векторы изучения английских УССС, как соотношение различных факторов, влияющих на линеаризацию компонентов сочинительных конструкций, а также формы представления сочинительных словосочетаний в ментальном лексиконе человека.

Так, в рамках первого направления был составлен список фонологических и семантических факторов, определяющих порядок слов в сочинительных конструкциях [Cooper, Ross 1975; Malkiel 1959 и др.]. В экспериментах проводилось, в частности, обоснование «психологической реальности» фонологических принципов организации компонентов [Bolinger 1962] и установление приоритета одних принципов над другими [Benor, Levy 2006; Green 2016; Green, Birdsong 2018; Mollin 2014; Pinker, Birdsong 1979; Renner 2014].

Исследования обработки человеком информационного потока привели Г. Фэнк-Оцлон к мысли о необходимости введения дополнительного критерия, определяющего порядок слов в рассматриваемых сочетаниях, – частотности употребления компонентов: более частотный компонент предшествует менее частотному. На основе анализа 400 английских и немецких УССС исследователь утверждает, что предложенный ею принцип имеет в процентном отношении большую объяснительную силу, чем фонологические и семантические показатели. Например, УССС *bride and groom* нарушает семантический

принцип «мужское перед женским», а *horse and rider* – «относящийся к человеку перед относящимся к животному или неодушевленному предмету». Порядок следования компонентов в этих сочетаниях автор объясняет частотным принципом, т.е. тенденцией располагать в начальной позиции в УССС более частотный компонент [Fenk-Oczlon 1989]. Следствием большей частоты употребления языковых единиц является большая осведомленность (*familiarity*) с ними и меньшие когнитивные затраты (*cognitive cost*) для их воспроизведения и восприятия [Fenk-Oczlon 2001: 432]. В терминах теории информации высокая частотность означает низкую информативность. Элемент, который несет меньший объем информации, обрабатывается за более короткое время [там же: 436]. Для УССС автором была определена тенденция располагать информационно менее нагруженные компоненты в начале сочинительного ряда, что означает расположение чаще употребляемых слов перед реже употребляемыми. Тем самым человек избегает «информационных пиков», которые сложнее в плане ментальной обработки [Fenk-Oczlon 1989: 537]. Объяснительная сила данного принципа по данным Г. Фэнк-Оцлон равняется 84%, что выше, чем у других принципов, включая набор семантических правил и «короткое перед длинным» [там же: 517]. Выведенное для УССС правило – «более частотное перед менее частотным» – обеспечивает относительную равномерность потока лингвистической информации: высокая частотность компонента предполагает большую осведомленность о нем, большую предсказуемость (*predictability*) и меньшую информационную нагрузку [Fenk-Oczlon, Fenk 2008: 242]. Как отмечает Г. Фэнк-Оцлон, исключениями к этому правилу служат сочинительные словосочетания, которые подчиняются принципу иконичности и репрезентируют, в частности, пространственно-временные отношения [Fenk-Oczlon 1989: 537].

Исследование соотношения различных факторов, влияющих на линейризацию компонентов сочинительных конструкций находится в фокусе внимания А. Ломанна [Lohmann 2012, Lohmann 2014]. Им была предпринята попытка объяснить порядок следования компонентов в английских устойчивых

и переменных сочинительных сочетаниях на основе принципа концептуальной доступности. Данный термин был обоснован также в работах К. Бок и ее коллег при разработке модели речепорождения. Концептуальная доступность, согласно этим ученым, – это «легкость, с которой ментальная репрезентация потенциального референта может быть активирована или извлечена из памяти» [Bock, Warren 1985: 50]. Авторы далее поясняют, что более доступными являются те концепты, чьи ментальные репрезентации узнаются человеком раньше в онтогенезе и которые более детально проработаны в системе знаний уже взрослого человека [там же].

С опорой на принцип концептуальной доступности А. Ломанн объясняет линейризацию компонентов сочинительных конструкций следующим образом: живое перед неживым; позитивное перед негативным; конкретное перед абстрактным; вертикальное перед горизонтальным; верхнее перед нижним; прототипичный компонент первый; компонент, соответствующий базовому уровню категоризации перед компонентом, соответствующим субординатному или суперординатному уровням; ближнее перед дальним; свое перед чужим и относящееся к сегодняшнему поколению перед относящимся к другим поколениям [Lohmann 2014: 36-40]. Однако под понятие концептуальной доступности нельзя подвести все сочинительные конструкции. Так, А. Ломанну приходится ввести еще две группы факторов, которые относятся им к семантическим: иконической последовательности (*wait and see, kiss and tell*) и экстралингвистической (в том числе социокультурной) иерархии (*husband and wife, dollars and cents*) [там же: 31, 33-36].

В русле второго направления, сконцентрированного на исследовании формы представления сочинительных сочетаний в ментальном лексиконе человека, выполнены работы, опирающиеся на психолингвистические методы в комбинации с корпусными данными и нейролингвистическими методами [Arcara et al 2012; Lohmann 2014; Mollin 2014; Siyanova-Chanturia et al 2011]. Отметим, что ментальный лексикон в данной работе трактуется вслед за Е.С.

Кубряковой как система, являющаяся составной частью языковой способности и «отражающая <...> знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического (энциклопедического) знания» [КСКТ 1996: 96]. Устройство ментального лексикона определяется тем, что, «с одной стороны, это своеобразный аналог системы лексики определенного национального языка, а с другой – часть общей организации человеческого мозга, его интеллекта, часть общего пространства памяти человека» [Кубрякова 2004: 379]. Теория ментального лексикона строится Е.С. Кубряковой, исходя из признания центральности слова для всей его организации, и из того, что весь комплекс проблем, относящихся к устройству и объединению структур знания о языке внутри человека, можно разрешить, исследуя природу слова и его статус в системе языка. При этом ученый подчеркивает условность самого термина «лексикон», замечая, что в памяти индивида хранится, помимо слов, много готовых синтаксических конструкций, клише, фразеологических оборотов [там же: 381-382]. То, что ментальный лексикон состоит не только из слов, но и фразеологизмов (*idioms, multi-word units*), поддерживают и зарубежные ученые [Bybee 2010; Croft, Cruse 2004; Jackendoff 1995; 2002].

Существует несколько экспериментальных исследований, обосновывающих возможность репрезентации УССС в ментальном лексиконе. Дж. Аркара и его коллеги выдвигают гипотезу о холистическом (целостном) хранении необратимых идиоматических биномов, типа *hit and run*. В их эксперименте участвовали люди с диагнозом дислексия пренебрежения (*neglect dyslexia*). У пациентов с данным заболеванием повреждено правое полушарие головного мозга, что приводит к тому, что они плохо опознают левую часть слов и словосочетаний при чтении и делают в этой части ошибки (пропуски или замены). В ходе эксперимента испытуемые прочитали необратимые биномы с правильным порядком слов с меньшим количеством ошибок по сравнению с биномами с обратным порядком слов или с одним замененным словом. Тем

самым, авторы предположили, что испытуемые приравнивают такие стимулы к лексическим единицам. На основании этих результатов ученые сделали вывод о том, что первая группа биномов имеет холистическую репрезентацию в ментальном лексиконе испытуемых [Arcara et al 2012].

Объектом второй группы экспериментов А. Сияновой-Чантурии и ее коллег были обратимые биномы английского языка типа *bride and groom*, *profit and loss*, которые отличаются частотностью одной формы при неизменности значения в бинOME с реверсированным порядком слов. В этих экспериментах использовался метод айтрекинга (технология отслеживания движения глаз). В них испытуемым предлагалось прочитать предложения, содержащие биномы как в наиболее частотной форме (*bride and groom*), так и в реверсированном виде (*groom and bride*). В результате биномы в наиболее частотной форме были прочитаны испытуемыми быстрее их реверсированных форм. Ученые сделали выводы о том, что люди чувствительны к частотности не только той или иной фразы, но и частотности самой формы этой фразы (в нашем случае – наиболее частотный порядок слов в УССС). Частота употребления языковой единицы способствует укоренению (*entrenchment*) конкретной единицы в памяти [Siyanova-Chanturia et al 2011]. Авторы этого исследования напрямую не указывают на холистическое хранение исследованных сочинительных биномов в ментальном лексиконе. В других работах А. Сияновой-Чантурии [Siyanova-Chanturia 2015], а также в работах И. Арнон и ее коллег [Arnon, Cohen Priva 2014; Arnon, Snider 2010] высказывается мнение о том, что ФЕ (*formulaic sequences*) не хранятся в ментальном лексиконе в неразложимом виде. По мнению этих ученых, та или иная форма устойчивого словосочетания становится более укорененной (*entrenched*) в памяти за счет многократного повторения в речевом опыте человека. За счет этого возрастает предсказуемость (*predictability*) появления той или иной формы в речи и в целом выделенность (*prominence*) целой формы в памяти с сохранением доступа к частям устойчивого сочетания [Siyanova-Chanturia 2015: 297].

В настоящее время ученые с осторожностью подходят к вопросу о целостном хранении ФЕ в ментальном лексиконе. Большое количество ученых согласны, что люди чувствительны к частотности не только слов, но и сверхсловных единиц. Из этого следует, что информация о частотности хранится в ментальном лексиконе [Mollin 2014: 212]. То, что время реакции испытуемых на устойчивые словосочетания значительно короче, чем на непривычные сочетания или менее частотные формы обратимых УССС, еще не свидетельствует о хранении первых в холистическом виде [Arnon, Cohen Priva 2014: 394; Arnon, Snider 2010: 76] (ср. иную позицию в: [Буб 2019]). В свою очередь А. Ломанн предлагает, как нам представляется, более взвешенную формулировку. Он полагает, что единица хранения ментального лексикона – это градуальная сущность, выстраиваемая постепенно в процессе частого использования того или иного устойчивого словосочетания [Lohmann 2014: 177].

В отечественной когнитивной лингвистике отмечается несколько исследований, в которых предпринимается попытка описания процесса формирования значения английских УССС. В частности, значение идиоматических УССС объясняется на основе понятия «внутренняя форма», интерпретируемого как определенная образ-схема (ментальная структура). Схема формирования фразеологического значения представляется в виде цепочки: вначале в мозге человека возникает некий образ (ментальная картинка), который при объективации определенной языковой формой, определяет семантику и функционирование данной языковой единицы. В процессе функционирования у этой языковой единицы формируются различные коннотации – семантические составляющие, накладывающиеся на буквальное значение словосочетания, что позволяет использовать его для обозначения нового явления, новой ситуации или ее фрагментов. В результате значение исходного словосочетания меняется и происходит его переосмысление [Гурочкина 2008: 172-173; Иванова 2008: 68].

Созвучна этой точке зрения и позиция С.А. Валуевой о том, что как идиоматические, так и неидиоматические УССС в английском языке представ-

ляют собой сложную когнитивную структуру – внутреннюю форму, хранящую конкретное представление о каком-либо факте, событии, явлении, которые когда-то были актуальными [Валуева 2013: 63]. По мнению ученого, исследование внутренней формы «важно для когнитивной лингвистики в плане изучения лингвокреативных процессов мышления». При этом внутренняя форма «выступает как квазистереотип или эталон некоторой ситуации, ассоциируясь с лексическими или фразеологическими пресуппозициями» [там же: 65-66]. С.А. Валуева приводит пример с УССС *stocks and stones* «бесчувственные люди», которое обладает внутренней формой, ассоциирующейся с лексической пресуппозицией каждого из элементов УССС: *In the old days men used to worship stocks and stones and idols, and prayed to them to give them luck. (Aesop), What have stocks and stones got to do with the matter?* (Т.А. Shippey). Известно, что языческих идолов изготавливали из древесины или камня. На этой основе в сознании говорящего возникает образ, основанный на метонимическом переносе и словосочетание перестает пониматься дословно [там же: 66].

Еще один ракурс исследования УССС дает теория аутопоза (У. Матурана, Ф. Варела). Данное биокогнитивное течение постулирует тесную связь языковых явлений с телесным опытом человека как биологического организма (Наблюдателя) и живой системы. Так, в работах [Gurochkina, Shchirova 2020; Гурочкина 2021] предпринимается попытка проанализировать и дать описание механизмам образования и интерпретации фразеологического значения с позиций данной теории на материале идиоматических и неидиоматических английских УССС. Согласно теории аутопоза значение не содержится в лингвистических знаках, а является ассоциативным потенциалом, который в общем виде представляет собой память человека о предыдущих использованиях того или иного знака. В сознании говорящего или слушающего воспроизводятся предшествующие употребления знака вместе с лингвистическим и экстралингвистическим контекстами, физическим и коммуникативным поведением партнера по общению. Таким образом, значение (фразеологическое в

том числе) – это смысловой потенциал, который формируется в памяти в результате развития познавательных способностей [Gurochkina, Shchirova 2020: 108].

В качестве другой основы для когнитивного анализа английских УССС Т.В. Иванова выбирает теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконые и М. Тернера. Концептуальная интеграция, которая определяется авторами как базовая когнитивная операция, осуществляется в процессе построения значения. В общем виде предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства, общее пространство и смешанное пространство (бленд). Структуры исходных ментальных пространств отображаются на вновь конструируемое ментальное пространство (бленд). Бленд частично наследует свойства исходных пространств, но все же представляет собой новое ментальное пространство, не тождественное ни одному из исходных пространств и не сводимое к сумме их элементов [Fausconnier, Turner 2002: 40-50]. На этой основе Т.В. Ивановой рассматривается значение УССС *cakes and ale* «веселая, праздная жизнь» «как результат проекции двух исходных ментальных пространств – первое структурируется фреймом ДЕСЕРТ, второе – фреймом ПРАЗДНИК, на котором пьют эль». А УССС *babes and sucklings* «совершенно неопытные люди» представляет бленд как «итог слияния двух пространств (РЕБЕНОК и ГРУДНОЙ МЛАДЕНЕЦ), восходящих к общему когнитивному пространству (НЕОПЫТНЫЕ, ДОВЕРЧИВЫЕ ЛЮДИ)». При этом структура каждого из участвующих пространств определяется входящими в них фреймами [Иванова 2008: 71]. Исследователь подчеркивает, что «создание нового значения представляет собой активный процесс становления разнообразных связей между ментальными пространствами», а приведенные примеры демонстрируют, что «в процессе речевого творчества даже несложные структурные комбинации языковых единиц могут стать стимулом к перестройке языкового значения» [там же].

Заслуживает внимания исследование линеаризации компонентов сочинительной конструкции на основе действия механизма когнитивного фокусирования и принципа диаграмматической (схематической – по терминологии автора) иконичности, выполненное И.Н. Петровой на материале русского и английского языков. Механизм когнитивного фокусирования связан с концентрацией внимания говорящего на аспекте действительности, который релевантен с его точки зрения для описания ситуации.

Изменение позиции компонентов сочинительной конструкции «является сознательным выбором говорящего, обусловленным интенцией акцентировать внимание на актуальном элементе, описывающем действительность» [Петрова 2021: 317]. На примере фразы «небо и земля/ земля и небо» отражаются разные характеристики концептуализации внеязыковой действительности». Для сравнения приводятся два примера: «...смешалось все, **земля и небо** покрылись пеплом и огнем, враг нежеланным гостем стал...» и «Смотри, не обманись снова, как тогда с Олегом. -- Что ты! Ничего похожего. Олег и он – это **небо и земля**». По мнению И.М. Петровой, в первом случае иконически отражается бытие человека, живущего на земле, тогда как при нарушении иконичности создается яркий метафорический образ в силу того, что «на первое место выносятся сущность, концептуализация которой заставляет рассматривать фразу под другим углом» [там же: 11-12].

Привлечение корпусных данных позволяет И.М. Петровой обосновать когнитивную выделенность разных гендерных компонентов сочинительной конструкции в русском и английском языках. Так, фраза «жених и невеста» имеет 14400 вхождений, «невеста и жених» – 2010, что означает выделенность концепта «мужской» в русском языке. В английском языке фраза *a groom and a bride* имеет 4000 вхождений, а *a bride and a groom* – 7580, что означает доминирование концепта «женский». Анализ других гендерных биномов в двух языках показал ту же тенденцию, что, по мнению автора, подтверждает направленность в английском языке когнитивного фокуса в сторону концепта

«женский», тогда как в русском языке концепт «мужской» сохраняет ведущую позицию [там же: 137].

На материале ФЕ английского языка, передающих знания о человеке, Л.В. Бабина и Е.В. Долгова рассматривают метод когнитивного моделирования в процессах формирования семантики ФЕ [Бабина, Долгова 2020; Бабина, Долгова 2021].

Таким образом, в рамках когнитивного подхода к исследованию языковых единиц внимание ученых было направлено на такие аспекты изучения английских УССС, как соотношение различных факторов, влияющих на линейризацию компонентов сочинительных конструкций, а также способы представления сочинительных словосочетаний в ментальном лексиконе человека и процессы формирования семантики таких конструкций. Однако комплексное исследование когнитивных основ английских УССС не было проведено, что подчеркивает актуальность данной диссертационной работы.

1.4. Когнитивные принципы формирования смысла, репрезентируемого английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью

Центральным понятием когнитивного подхода к языку является когниция, которая, согласно В.З. Демьянкову, представляет собой «разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [Демьянков 2005: 5]. Как отмечает Л.А. Фурс, в данном определении отражена тесная связь когниции с конструированием знания [Фурс 2021: 52]. Для познания особенностей когнитивной деятельности человека, по мнению ученого, необходимо описание специфики этих «мыслительных операций», характерных для сознания человека в процессах обработки знания [там же]. Как правило, подобные описания включают определение когнитивных принципов и механизмов, лежащих в основе формирования смысла.

Когнитивные принципы определяются как установки и ограничения на организацию информации в дискурсе/тексте, основания или ограничения прагматических принципов построения текста, а также способы распределения и последовательность подачи информации в тексте [КСКТ 1996: 78]. В данном случае подчеркивается линейный характер объективации мысли в ходе формирования смысла, что является важным для исследования английских УССС.

Как показал фактологический анализ, основным когнитивным принципом, отражающим организацию знаний в области УССС, является принцип парности. Когнитивный смысл принципа парности был достаточно точно описан В.В. Дайнеко. По словам ученого, в этом принципе «находит отражение природная склонность человеческого мышления как процесса осознания объективного мира к объединению, сопоставлению, противопоставлению мыслей о явлениях и предметах внешнего мира, непосредственно или опосредованно связанных друг с другом» [Дайнеко 1988: 15]. В результате раскрываются наиболее существенные связи и отношения между познаваемыми предметами или явлениями. Наиболее приспособленной для передачи таких отношений является сочинительная конструкция.

Разнообразный характер типов отношений, свойственных соединяемым в английских УССС компонентам, таких как отношения синонимии, антонимии, причинно-следственные отношения, гипо-гиперонимические отношения, отношения семантической дополнительности подчеркивается в ряде работ (см.: [Дайнеко 1988: 12; Иванова 2008: 91-97; Молодцова 2002: 86-91; Корасзык, Sauer 2017: 12; Malkiel 1959: 125-129]). Наиболее подробно описанным типом связи является оппозитивная связь, которая признается многими учеными универсальным средством познания мира [Иванов 1978; Леви-Стросс 2001; Уваров 1996 и др.]. Оппозитивная связь является проявлением принципа парности. В качестве примера приводятся следующие оппозиции: верх – низ, мужчина – женщина, белое (красное) – черное, чет – нечет, небо – земля, огонь – влага, день – ночь, солнце – луна и др. [Иванов 1978; Иванов

1980; Иванов, Топоров 1980]. При этом отмечается, что бинарная оппозиция обусловлена, в том числе, физиологическими причинами: наличием парных органов (рук, ног, глаз и т.д.), а также наличием двух больших полушарий головного мозга с присущими им различными функциями [Руднев 1999: 38].

В рамках когнитивной парадигмы бинарная оппозиция рассматривается как один из важных инструментов структурирования и моделирования познаваемой реальности [Григорьева 2019: 79], как один из основных принципов категоризации, а также как когнитивный механизм мышления человека, оказывающий большое влияние на формирование концептуальной и языковой картин мира человека [Галиева 2014: 58]. Формируемые в сознании человека оппозиции находят свое выражение в том числе и в исследуемых нами английских УССС: *day and night, up and down, sooner or later* и др.

Как показывает анализ языкового материала, именно принцип парности отражает многообразие типов семантических отношений между компонентами УССС. Указанный принцип задействован в формировании смысла всех рассматриваемых в этом исследовании УССС.

Другим общим принципом, активизируемым в формировании смысла всех английских УССС, является принцип когнитивной экономии. Данный принцип – «максимум результата при минимуме затрат» – применим в отношении широкого круга языковых, речевых и ментальных явлений, изучаемых как в синхронии, так и в диахронии (подробнее см.: [Коровкин 1996: 127]).

Отметим, что вопросы экономии мышления начали разрабатываться в рамках эмпириокритицизма: «принцип наименьшей меры сил (в умственной деятельности)» Р. Авенариуса и «экономия мысли» у Э. Маха (цит. по: [Алпатов 2018: 19]). В исследовании лексиконов различных языков Дж. Ципф сделал выводы о том, что более частотные слова оказываются короче менее частотных. Это позволило ученому сделать общий вывод о том, что большая частотность языковых единиц является причиной их меньшего размера [Zipf 1965: 29], что в свою очередь ведет к экономии произносительных сил [Bybee 2011: 145]. К подобным выводам пришел чуть позднее и А. Мартине, который

писал, что у обладающего большой частотностью сочетания налицо тенденция к уменьшению физического объема [Мартине 1960: 192].

Более продуктивным является диалектический подход к экономии и избыточности в языке [Коровкин 2004: 64-66]. При таком подходе одно и то же языковое явление может интерпретироваться на разных уровнях лингвистической абстракции одновременно как избыточное и как экономное. Например, парносинонимическое УССС в английском языке *part and parcel* можно формально счесть избыточным как в плоскости синтагматики (семантический повтор), так и в плоскости парадигматики (увеличение инвентаря языковых единиц). Так, *parcel* до середины 16 века означало то же, что и *part*, т.е. «часть чего-либо», и в этом значении сохранилось в современном языке в приводимом УССС, а также в сочетании «*to parcel out*» («делить на части, дробить») [ODWO]. Однако подобные языковые единицы экономнее отдельных слов или развернутых пояснительных словосочетаний за счет содержащегося (и зачастую превалирующего) в ФЕ коннотативного аспекта, а также спецификации значения. Действительно, аллитерированное УССС *part and parcel* означает не просто какую-то часть, а «неотъемлемую составную часть чего-либо» [Кунин 1984: 564] («a necessary feature of something» [LDOCEO]).

ФЕ рассматриваются как мощное средство компрессии, благодаря которому они передают в сжатом виде информацию о познаваемом объекте [Рыжкина 2003: 18]. Таким образом, идиоматичность можно рассматривать как фактор, обуславливающий действие когнитивного принципа экономии. Действительно, идиоматизация подразумевает компрессию информации в плане содержания – «появления семантической целостности у языковых единиц» и в плане выражения – «регрессии языковых единиц по структурным и функциональным уровням, то есть превращения единиц более высоких уровней в единицы более низких уровней» (предложений – в словосочетания, словосочетаний – в слова и так далее) [Молчкова 2012: 127-128].

По мнению А.Э. Левицкого, экономия средств выражения того или иного понятия служит главным проявлением оптимизации процесса коммуникации, участники которой стремятся выбрать наиболее конкретные и емкие языковые средства категоризации или перекатегоризации действительности, а также четкого, «прозрачного» структурирования высказывания [Левицкий 2018: 149-150].

Справедливым является также утверждение, что принцип когнитивной экономии – это «возможность говорящего выразить максимум информации с использованием минимальных затрат по ее обработке» (to provide the greatest amount of information at the lowest processing cost) [Evans, Green 2006: 216]. В свою очередь, для слушающего – это означает возможность принять минимальные инференциальные усилия для экспликации смысла, что обусловлено наличием в его сознании когнитивных структур, обеспечивающих подобную экспликацию [Козлова 2019: 43].

Что касается английских УССС, то они демонстрируют когнитивную схему (когнитивно-речевой шаблон), способную объективировать сложную структуру знания. В ходе этого процесса осуществляется экономия когнитивных усилий человека. Это проявляется в том, что человеку не нужно тратить когнитивные ресурсы на линейное связывание компонентов словосочетания в соответствии с правилами языка для объективации комплексных структур знания, достаточно лишь воспроизвести готовые схемы из ментального лексикона.

В качестве частных когнитивных принципов формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, определены принципы иконичности и выделенности. Принцип иконичности считается одним из главных когнитивных принципов организации текста и/или дискурса [КСКТ 1996: 78]. Для разъяснения сути этого принципа обратимся к вопросу соотношения формы знака и его содержания. Согласно Ф. де Соссюру, «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, <...> языковой знак произво-

лен» (курсив оригинала – С.К.) [Соссюр 1999: 68]. Под знаком подразумевается некая цельная двусторонняя сущность, вытекающая из ассоциации означающего и означаемого, при этом его произвольность немотивирована, т.е. связь между означающим и означаемым не зависит от свободного выбора говорящего субъекта, между ними «нет в действительности никакой естественной связи» [там же: 69]. Знаки, в которых произвольность не столь очевидна, например, оноματοпы и иные случаи звукописи, признавались Ф. де Соссюром в лучшем случае исключениями, либо случайным результатом фонетической эволюции [там же: 70].

В противовес теории произвольности языкового знака Ч.С. Пирс предложил трехчастную типологию знаков: знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы [Пирс 2000: 200-217]. Сущность знака по Ф. де Соссюру примерно соответствует понятию символических знаков у Ч. Пирса: они образованы по соглашению и установленной смежности означающего и означаемого. Индексальные знаки образованы на основе фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого. В естественном языке таким типам знаков соответствуют личные и указательные местоимения, а также дейктические наречия времени и места (например, *here, there, now, then*). Иконические знаки обладают определенным естественным сходством (подобием) с объектами, к которым они относятся. По определению А.Е. Кибрика, иконичностью называют «свойство языкового знака, проявляющееся в наличии между его двумя сторонами (означающим и означаемым) некоторого материального (изобразительного, звукового и т.д.) или структурного подобия» [Кибрик: электронный ресурс]. В рамках когнитивной парадигмы научного знания иконичность определяется как «такой тип отношений между двумя сторонами знака, который основан на сходстве между формой и ментальным образом объекта действительности, сформированном в сознании человека» [Козлова 2018: 50]. Иконичность представляет собой один из фундаментальных процессов, лежащих как в основе языковой организации, так и человеческой комму-

никации в целом [Белицкая 2014] и проявляется на различных языковых уровнях: от морфологического до уровня текста и дискурса [Кибрик: электронный ресурс; Якобсон 1983: 109; Ungerer, Schmid 2006: 302 – 311].

Важным для понимания явления иконичности является признание ее относительного и градуального характера. Еще Ч. Пирс писал о том, что границы между иконами, индексами и символами прозрачны, и что идеальные знаки – те, в которых «иконические, индексальные и символические характеристики спаяны как можно более равномерно» (цит. по [Nöth 2001: 26]). В связи с этим, задача лингвистов заключается скорее в установлении степени или меры иконичности того или иного знака, нежели в поиске в них исключительно иконических черт.

Знаки-иконы подразделяются на два типа: образы и диаграммы. К первому типу (образам) – знакам, в которых наблюдается определенное подобие референту, – в естественном языке обычно относят звукоподражательные слова (ономатопы) (*bow-wow*, *meow*) и иные виды звукосимволизма (фонестемы) (*fl-* в словах *flutter*, *flow*, *flake* иконически отражает явление движения [Bolinger 1950], *sw-* в словах *swing*, *sway*, *sweep*, *swirl*, *swagger* иконически передает качательные и колебательные движения и звук такого движения [Ungerer, Schmid 2006: 306]). Суть диаграмматической иконичности заключается в установлении (экспликации) подобия между структурой языка и структурой некоего события, явления и т.п. во внеязыковой действительности. Развивая мысль Ч.С. Пирса, Дж. Хайман пишет о том, что разница между образами и иконами не имеет жестких границ, т.е. иконичность градуальна. Образ – это икона простого объекта (например, фотографии), в свою очередь диаграмма имеет сложную структуру. Однако, отмечает далее Дж. Хайман, как не существует абсолютно простых объектов, так и ни один иконический знак не воспроизводит все детали соотносимого с ним (знаком) объекта [Haiman 1985a: 10].

Основными принципами иконического кодирования смысла являются иконичность последовательности, иконичность близости и иконичность количества [Ungerer, Schmid 2006: 301]. Принцип количества (больше формы – больше содержания) заключается в том, что более длинное языковое выражение отражает больший объем концептуальной информации и зачастую маркируется дополнительными языковыми формами. Например, форма множественного числа существительных чаще оказывается длиннее формы единственного числа: *language – languages*. Принцип близости означает, что чем теснее связь между предметами или явлениями в мире, тем ближе друг к другу в речевой цепи обозначающие их слова. Так, в словосочетании *the famous delicious Italian pepperoni pizza* все его компоненты расположены в соответствии с указанным принципом. Слово *pepperoni* непосредственно примыкает к существительному, так как этот ингредиент (американская разновидность салями) является неотъемлемым компонентом данного типа пиццы. На втором месте расположено слово, обозначающее место происхождения продукта (*Italian*), а оценочные характеристики (*delicious, famous*) располагаются в наибольшем отдалении от существительного [Ungerer, Schmid 2006: 302]. Суть принципа последовательности заключается в том, что порядок следования событий в действительности оказывается зафиксирован в том же порядке в языковой форме. Классическим примером является высказывание, приписываемое Цезарю, «*Veni, vedi, vici.*» («Пришёл, увидел, победил.»), в котором глагольные формы воспроизводят ход событий так, как это обычно имеет место в реальности [Якобсон 1983: 107].

Представляется, что реализация принципа иконичности в исследуемых УССС имеет свои особенности, в том числе благодаря двучленной структуре сочинительного словосочетания. Так, принципы близости и количества утрачивают объяснительную силу применительно к УССС, так как в них компоненты расположены контактно (если не считать союз, которого может и не быть в бессоюзной конструкции), а основных компонентов в УССС, как пра-

вило, два. В связи с этим, вслед за Р. Якобсоном, правомерной является тенденция зеркально отражать порядок повествуемых событий либо по времени, либо по степени важности [Якобсон 1983: 107; Givon 2001: 35; Haiman 1985b: 92]. Необходимо отметить также, что на материале русского языка К.Я. Сигал обосновал выделение двух видов синтаксической иконичности, задействованных в линеаризации компонентов сочинительной конструкции: иконичность последовательности и иконичность выделенности [Сигал 1999: 90]. Первый вид основан на диаграмматическом соответствии последовательности компонентов реальной (временной и/или пространственной) упорядоченности предметов, явлений и т. д. Второй вид – на выдвигании в начальную позицию сочинительной конструкции компонента, который считается говорящим приоритетным (выделенным) в той или иной иерархии [Сигал 2005:13].

Принимая во внимание проанализированные работы, под принципом иконичности применительно к исследуемым единицам понимается подобие порядка следования компонентов английских УССС естественному порядку следования событий или явлений в пространственно-временной или причинно-следственной плоскости (*cut and run, kiss and tell*), либо логической, последовательной организации внеязыковой действительности (*alpha and omega, give chapter and verse*).

Отмечаемая учеными иконичность выделенности рассматривается в данном исследовании в качестве отдельного принципа – принципа выделенности, особенности которого описаны в когнитивной лингвистике в виде отношений выдвигания определенной информации по типу «профиль – основание» [Langacker 1991b], «фигура – фон» [Talmy 2000: 311-344]. Когнитивную основу данного принципа составляет свойство восприятия как психического процесса разделять действительность на части и осознавать значимость, приоритетность одного предмета или явления относительно другого. При этом одна или несколько из вычленяемых сущностей оказывается на переднем плане и выступает в качестве выделенных элементов (фигур), другие остаются

на заднем плане, образуя для первых фон. Соотношения фигуры и фона, описанные в гештальт-психологии, были перенесены в лингвистические исследования (см.: [Talmy 2000: 311-344]). Выделенность как универсальное свойство концептуальной системы человека пронизывает все уровни языковой организации: от синтагмы до целого текста [Армеева 2001: 4; Станчуляк 2016: 150; Скребцова 2019: 107].

Активизация принципа выделенности непосредственно связана со структурными и когнитивными особенностями самой сочинительной конструкции. С точки зрения структуры, два (или более) ее компонента располагаются последовательно в речевой цепи. В сочинительную конструкцию включаются синтаксически и зачастую семантически равноправные компоненты. С когнитивной точки зрения у сочинительной связи есть две главные функции: классифицирующая и ранжирующая. Первая связана с тем, что человек выстраивает наблюдаемые явления действительности в определенные мысленные классификации. В частности, однопорядковые явления объединяются в один класс (например, *rain, snow, thunder, sunshine* – это «атмосферные явления»). Внутри и между классами возникают иерархические отношения. Вторая функция связана с тем, что сочинительная связь способствует выстраиванию семантических приоритетов между отражаемыми в сознании явлениями действительности [Норман 2013: 176-178]. При этом первая (инициальная) позиция закрепляется сознанием за более важной информацией [Норман 2013: 178; Givon 2001: 35]. Таким образом, в сознании человека выстраиваются постоянные или ситуативные иерархии и ранжирование, основанное на прагматической ценности того или иного явления, например, по дейктическим (*here and there, here and now*) или социокультурным (*husband and wife, rich and poor*) основаниям, которые находят выражение в порядке следования компонентов сочинительного ряда.

Очевидно, что в случае с английскими УССС наличие выделенного концепта оказывается представленным в начальной позиции, так как в большин-

стве случаев в исследуемых нами языковых единицах обратимость ограничена. Выделенность и ее когнитивное обоснование, в данном случае, определяется на основе лингвистического анализа компонентов УССС. Для переменных же сочинительных словосочетаний возможно изменение порядка следования компонентов в связи с чем становится возможным и изменение когнитивного фокуса за счет выведения на первое место наиболее прагматически значимого для говорящего слова.

Таким образом, когнитивные принципы парности, экономии, иконичности и выделенности позволяют раскрыть характер организации информации в ходе формирования смысла, репрезентируемого исследуемыми нами языковыми единицами.

Обратимся далее к рассмотрению когнитивных механизмов, значимых для сознания человека в ходе формирования смысла, объективируемого УССС.

1.5. Когнитивные механизмы формирования смысла, репрезентируемого английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью

В когнитивных исследованиях языка когнитивные механизмы определяются как сложные способы мыслительной обработки информации, пополнения, модификации структур знания, которые используются субъектом с целью формирования и организации концептуального содержания и передачи конкретных смыслов [Болдырев, Маховикова 2012: 7; Болдырев 2018: 189-190]. Тем самым, подчеркивается, что когнитивные механизмы отвечают за формирование конкретных смыслов, и их специфика зависит от того, какие конкретно механизмы (например, метафора или метонимия) задействованы в их формировании.

Как показал фактический материал, в основе формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, лежат механизмы когнитивной мета-

форы, метонимии и метафтонимии, а также механизмы конкретизации, генерализации, рекуррентности и противопоставления. Рассмотрим данные когнитивные механизмы подробнее.

Механизмами образного структурирования смысла являются механизмы когнитивной метафоры, метонимии и метафтонимии. В рамках традиционного подхода метафора и метонимия понимались и изучались как языковые и речевые явления – тропы (стилистические и риторические приемы) – и определялись как перенос наименования с одного объекта на другой по сходству (метафора) или по смежности (метонимия). Системный анализ метафоры и метонимии как феномена мышления и деятельности человека был представлен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980]. В понимании ученых основная идея в разрабатываемой ими теории когнитивной метафоры заключается в том, что в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний. Знания, в свою очередь, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром. К этому явлению обращаются также Дж. Лакофф и М. Тернер. Они подчеркивают естественность когнитивной метафоры. Ученые отмечают, что на концептуальном уровне метафора представляет собой устоявшийся, автоматический, не вызывающий усилий при продукции способ объективации мысли среди членов определенного языкового сообщества. Так, метафора СМЕРТЬ – ЭТО УХОД (DEATH IS DEPARTURE) глубоко укоренена (conventionalized) на концептуальном уровне и знакома, по-видимому, всем англоговорящим [Lakoff, Turner 1989: 50] (также см.: [Лакофф, Джонсон 2004: 27; Kövecses 2005: 21]).

Потребность в метафоре возникает, как правило, когда необходимо раскрыть абстрактные понятия и явления. Оказывается, что их проще всего выразить посредством ассоциативного сравнения с конкретными, воспринимаемыми органами чувств объектами окружающего мира. Процесс метафоризации заключается во взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target do-

main). Метафорический перенос представляет собой структурирование определенной части области цели по образцу источника. Обобщенный опыт практической жизни человека составляет содержание области источника. Знания в данной области организованы в виде «образных схем» (image schemas) – относительно простых когнитивных структур, которые постоянно задействованы в процессе взаимодействия человека с окружающим миром. Типичными примерами образных схем являются понятия «путь», «вместилище», «верх – низ», «перед – зад», «часть – целое».

Дж. Лакоффом и М. Джонсоном выделено три типа метафор: 1) структурные (когда один концепт структурирован в терминах другого), например, СПОР – ЭТО ВОЙНА; 2) ориентационные (связанные с ориентацией человека в пространстве: «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «на поверхности – с поверхности», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный»), например, БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, МЕНЬШЕ – ВНИЗ; 3) онтологические (основанные на опыте обращения с материальными объектами, особенно с собственным телом), например, РАЗУМ – ЭТО МАШИНА [Лакофф, Джонсон 2004].

Приведем некоторые примеры когнитивных метафор из корпуса изучаемых нами языковых единиц. Среди УССС в английском языке существует значительное количество единиц, которые сконструированы по схеме «верх – низ» и являются средствами репрезентации ориентационных метафор. Так, УССС *on the up and up* («getting better, becoming more successful»), употребляющееся в отношении людей и явлений, связано с областью положительной оценки того, что направлено наверх (ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, ПЛОХОЕ – ВНИЗ). Например, *Her health is on the up and up. Soon she'll be out of hospital* [FISD]. В УССС *high and mighty* («behaving as if you are much more important than other people») задействована другая когнитивная метафора – СИЛА/ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ, ПОДЧИНЕНИЕ СИЛЕ – ВНИЗ. Например, *He was acting all high and mighty* [CD] (см. также

более подробный анализ когнитивных метафор, построенных по схеме «верх – низ», в области лексики у Дж. Тэйлора в: [Taylor 2003: 339-341]).

Следующий механизм – когнитивная метонимия, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, также имеет концептуальную природу и является инструментом познания мира [Лакофф, Джонсон 2004]. В отличие от когнитивной метафоры в процессе метонимизации задействована только одна область знания, в которой один ее элемент (источник или средство) замещает другой (цель). Типичными моделями когнитивной метонимии являются: часть вместо целого; целое вместо части; причина вместо следствия; производитель вместо продукции; используемый объект вместо пользователя; контролирующий вместо контролируемого; учреждение вместо ответственных лиц; место вместо учреждения; место вместо события и т.п. [Лакофф, Джонсон 2004: 62–66; Evans, Green 2006: 312–314; Kövecses 2010: 172]. Метонимический процесс не является простым замещением одного концепта другим. По мнению З. Кевечеша, который развивает мысль Р. Лэнгекера [Langacker 1993: 30], метонимия представляет собой когнитивный процесс, в котором концепт-средство (vehicle) предоставляет ментальный доступ к концепту-цели (target) в рамках одной области знаний (domain) или, по Дж. Лакоффу, идеализированной когнитивной модели (ИКМ) [Kövecses 2010: 173]. Иными словами, метонимия выполняет роль точки доступа к определенному аспекту концептуальной области (домену) и, таким образом, обеспечивает доступ к концепту-цели. При этом каждый концепт-средство представляет свой собственный путь к необходимой концептуальной области [Evans, Green 2006: 315].

Сочинительная конструкция, построенная по принципу парности, часто отражает отношения метонимии по модели «часть – целое», так как в УССС зачастую соединяются слова, обозначающие части какого-либо целого, в результате чего формируется комплексный знак, объективирующий целое. Компоненты УССС при этом могут обозначать наиболее типичные или специально акцентированные части такого целого. Например, в УССС *bread and butter* в значении «someone's basic income; someone's livelihood – the source of

one's food» компоненты словосочетания обозначают типичных представителей класса «основная еда». Путем метонимического переноса возникает значение «базовая необходимость»: *I can't miss another day of work. That's my bread and butter* [DAIPV]. В другом случае, как, например, в УССС *alpha and omega* в значении «the sum or essence of something», компонентами словосочетания становятся две крайние точки одного целого: *He was forced to learn the alpha and omega of corporate law in order to even talk to the lawyers* [DAIPV]. В данном случае также имеет место метонимическая схема «части вместо целого».

Несмотря на четкое разграничение метафоры и метонимии, языковая реальность оказывается более сложным феноменом. В настоящее время все чаще принимается точка зрения о наличии метафоро-метонимического континуума. С позиции Г. Раддена прототипические случаи метафоры и метонимии находятся на разных полюсах данного континуума, а случаи их взаимодействия – в центральной зоне [Radden 2003: 94-95].

Для описания взаимосвязей между метафорой и метонимией Л. Гуссенсом был предложен специальный термин – метафтонимия [Goossens 1990]. В результате исследований возможных вариантов сочетаний «метафоры из/внутри метонимии» или наоборот [Goossens 1990; Goossens 1995; Goossens 2003] ученый пришел к выводу, что наиболее частыми случаями метафтонимии среди рассмотренных им ФЕ являются два типа: «метафора из метонимии» и «метонимия внутри метафоры» [Goossens 2003: 369].

Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо признать метафтонимию сложным когнитивным механизмом, в котором обнаруживается наложение метонимических и метафорических механизмов. Рассмотрим действие механизма метафтонимии на материале английских УССС. Так, УССС *Darby and Joan* (an ideal elderly married couple living in domestic harmony [CollD]) обязано происхождением популярным в XVIII-XIX веках песням (балладам), в которых упоминались эти имена [ODEI: 130]. Формирование смысла данного УССС, как показывает О.К. Ирисханова, носит многоярусный

характер. В данном случае реализуются метонимические модели «носитель свойства вместо свойства» («Дарби и Джоан» вместо «пожилые и любящие люди») и «типичный представитель категории вместо категории» («Дарби и Джоан» вместо «пожилые пары»). Метафорические проекции устанавливаются между культурной моделью песни, как источником ФЕ, и моделью «развлечения, свободное время» [Ирисханова 2014: 161-162].

Другими когнитивными механизмами, имеющими отношение к формированию смысла, репрезентируемого английскими УССС, являются механизмы конкретизации, генерализации, рекуррентности и противопоставления.

В процессах конструирования значения, по мнению Р. Лэнккера, важным является уровень точности и детализации (*level of specificity*), с которым описывается та или иная ситуация [Langacker 1991a: 7; Langacker 2008: 55]. Ученый вводит понятия «конкретизация» (*specificity*) и «схематизация» (*schematicity*) как два разнонаправленных процесса категоризации действительности (в лексиконе они коррелируют с известными уровнями категоризации: субординатным, базовым и суперординатным) [Langacker 2008: 56]. При формировании значений комплексных языковых знаков, коими являются УССС, происходит разнородное взаимодействие импульсов, направляемых компонентами сочинительного словосочетания. Когнитивный механизм конкретизации имеет место в том случае, когда вторым компонентом УССС является репрезентант более низкого уровня категоризации по сравнению с первым. В случае с УССС *aid and abet* (*act as an accomplice in some criminal activity; help, encourage somebody to do something undesirable, antisocial, foolish etc* [ODEI]), глагол *aid* имеет более широкую семантику (*aid – to help someone do something* [LDOCEO]), тогда как *abet* конкретизирует характер данной помощи (*abet – to help or encourage someone to do something wrong or illegal* [CD]).

При действии механизма генерализации наблюдается обратный вектор: второй компонент УССС относится к более высокому уровню категоризации, либо обозначает абстрактную сущность, в то время как первый – конкретную. Так, в УССС *name and shame* (*identify wrongdoers by name with the intention of*

embarrassing them into improving their behaviour [ODI]) компоненты сочетания соотносятся по принципу приоритета конкретного над абстрактным.

Анализ УССС, в формировании смысла которых задействованы механизмы конкретизации и генерализации, показывает, что слово, репрезентирующее базовый уровень категоризации, обычно занимает первую позицию в английских УССС. Это аргументируется тем, что базовый уровень является когнитивно наиболее важным [Lohmann 2014: 39] и наиболее информативным [Evans, Green 2006: 261], что, в свою очередь, обеспечивает большую концептуальную доступность для его представителей [Lohmann 2014: 39]. Размещение в инициальной позиции более концептуально доступных единиц соответствует принципу когнитивной экономии (о когнитивном принципе экономии см. Раздел 1.4).

Когнитивные механизмы конкретизации и генерализации описаны в когнитивной лингвистике применительно к различным языковым явлениям [Болдырев, Алексикова 2010; Панасенко 2014; Степаненко 2013 и др.].

Другим когнитивным механизмом, значимым для формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, является механизм рекуррентности. Этот механизм отражает такую особенность фразеологической системы английского языка, как наличие так называемых «парных синонимов», то есть соединение двух близкозначных слов при помощи сочинительного союза *and*. К примеру, в УССС *moan and groan* (complain; grumble [ODEI]) оба компонента имеют германское происхождение, разница в их значениях практически отсутствует, а ситуации употребления этих слов идентичны. В результате объединения компонентов в сочинительную конструкцию происходит дублирование смысла, что, наряду с рифмой, добавляет всему сочетанию экспрессивности и способствует усилению негативной оценочности (подробный анализ см. в Разделе 2.1.6). Примером семантического повтора без участия эвфонических средств может служить УССС *by/in leaps and bounds* (very quickly

[LDEI]). Соединение данных компонентов также создает эффект дублирования смысла, что усиливает экспрессивность и положительную оценку быстрого развития (подробнее см. Раздел 2.4).

Фактический материал позволяет выделить еще один когнитивный механизм в области формирования смысла, репрезентируемого УССС. Так, в ряде случаев демонстрируются антонимические отношения между компонентами этих единиц. По мнению ряда исследователей, эти отношения подразделяются на градуальные (контрарные) (*young and old*), комплементарные (*men and women*), конверсивные (*back and forth*), выражающие концептуально противопоставленные объекты или явления (*heaven and hell*), реляционные (*master and servant*) [Гурочкина 2021:147; Корасzyk, Sauer 2017:12]. В соотнесении подобных компонентов УССС задействован механизм противопоставления. Характерно, что действие механизма противопоставления рассматривается Р. Лэнекером и на примере причинно-следственных и целевых отношений между компонентами словосочетания (например, *forgive and forget*) [Langacker 2008: 411].

Таким образом, в качестве когнитивных механизмов формирования смысла, репрезентируемого УССС, определены механизмы когнитивной метафоры, когнитивной метонимии и когнитивной метафтонимии, а также механизмы конкретизации, генерализации, рекуррентности и противопоставления.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ научной литературы по теме диссертации позволяет сделать следующие выводы относительно характеристики английских УССС:

1. В рамках структурно-семантического подхода к анализу английских УССС были установлены их ритмико-эвфонические, лексические, грамматические и стилистические характеристики. Были выявлены их основные типы и характер связей между компонентами. В отечественной лингвистике английские УССС изучались с точки зрения структурно-семантических особенностей в русле более широкой области знаний – фразеологии.

2. Функционально-семантические исследования позволили проследить динамику употребления английских УССС в различных типах контекстов, а также определить их прагматический и, в частности, оценочный потенциал. Была продемонстрирована гетерогенность группы УССС путем представления их в виде ядерно-периферийной структуры.

3. Привлечение английских УССС в качестве материала для психолингвистических и нейролингвистических экспериментов подготовило почву для когнитивного осмысления данной группы языковых единиц. В ходе данных исследований уточнялось не только устройство и функционирование ментального лексикона человека, но и возможные способы хранения фразеологизмов (и в частности УССС) в нем. Другим важным направлением, реализуемым в рамках междисциплинарных исследований, было изучение порядка следования компонентов в сочинительных конструкциях, в том числе в УССС. Применение подходов современной когнитивной лингвистики позволило ученым рассмотреть английские УССС с позиций теории концептуальной интеграции, а также предложить объяснение способа формирования значения УССС в рамках биокогнитивного направления в лингвистике.

4. В ходе теоретического осмысления когнитивных основ исследуемых языковых единиц были проанализированы особенности когнитивных принципов и механизмов, предположительно участвующих в формировании смысла, репрезентируемого английскими УССС. Когнитивные принципы регулируют характер обработки знаний в процессе конструирования смысла, а когнитивные механизмы отвечают за конфигурирование непосредственного концептуального содержания языковых единиц. Значимыми в формировании смысла, репрезентируемого английскими УССС, представляются когнитивные принципы парности и экономии, квалифицируемые как общие принципы, а также такие частные когнитивные принципы, как принцип иконичности и выделенности.

5. Анализ когнитивной основы формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, позволяет предположить, что система когнитивных

механизмов включает механизмы когнитивной метафоры, метонимии и метафтонимии, а также механизмы конкретизации, генерализации, рекуррентности и противопоставления. Активизация механизмов когнитивной метафоры, метонимии и метафтонимии приводит к созданию ассоциаций оценочного характера. Механизмы конкретизации и генерализации описывают взаимоотношения компонентов УССС относительно уровневой категоризации входящих в УССС компонентов. Механизмы рекуррентности и противопоставления активизируются для уточнения взаимоотношений между соположенными компонентами, которые находятся на одном уровне категоризации – это слова с близким или противопоставляемым значением.

Данные положения представляют собой теоретическую базу для проведения анализа фактического материала в практической главе и подтверждения выдвинутой гипотезы исследования.

ГЛАВА II. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМОГО АНГЛИЙСКИМИ УСТОЙЧИВЫМИ СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ

В ходе анализа английских УССС в практической части исследования с целью избежания повтора мы не будем констатировать действие общих когнитивных принципов, регулирующих характер организации знаний в процессе формирования смысла и активизируемых во всех без исключения примерах фактического материала. Это такие когнитивные принципы, как принцип парности и принцип экономии. Частные когнитивные принципы, такие как принцип иконичности и выделенности, с учетом вариативности их активизации будут определяться в каждом конкретном случае.

2.1. Концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК

2.1.1. Концептуальная область ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Физическое состояние человека определяются как минимум тремя факторами: здоровьем (соответствием показателей жизнедеятельности возрастной норме и степенью устойчивости организма к неблагоприятным внешним воздействиям), телосложением и состоянием физиологических функций. Поскольку физическое состояние определяется морфологическими и функциональными показателями, отражающими состояние основных систем жизнеобеспечения организма, то вполне оправдано обращение к нему с позиции оценки физического здоровья человека [Ситдииков, Зиятдинова, Зефирова 2019: 23]. Обращение к словарным дефинициям дает нам следующие результаты: *health* – the overall condition of an organism at a given time; soundness, especially of body or mind; freedom from disease or abnormality; a condition of optimal well-

being [АНДЕЛ]. В свою очередь слово *condition* по отношению к здоровью человека может означать как хорошее, так и плохое его состояние (if you talk about the condition of a person or thing, you are talking about the state that they are in, especially how good or bad their physical state is [CollD]). На основе данных дефиниций можно вычлениить следующие значимые характеристики рассматриваемой концептуальной области: 1) общее физическое состояние человека; 2) нормальное состояние организма; 3) отклонение физического состояния от нормы; 4) прекращение функционирования физиологических систем организма.

Рассмотрим далее, как репрезентируются различные аспекты данной концептуальной области на материале изучаемых нами УССС:

(1) *I thought for sure that old dog wouldn't survive the winter, but he's still **alive and kicking!*** [FISD].

(2) *The search party was overjoyed to find all of the stranded hikers **alive and well** after enduring the cold for eight days* [FISD].

(3) *It's true that she was in the hospital a few weeks ago, but she's **hale and hearty** now* [FD].

(4) *I told my mother to stop complaining about the pains of old age and to be thankful that she was still **sound in wind and limb*** [LDEI].

(5) *Yes, I was sick a few days ago, but I'm **all oak and iron bound** now* [FISD].

Примеры (1-5) репрезентируют характеристику «нормальное состояние организма» (*alive and kicking/well* «active and healthy» [FISD]; *hale and hearty* «strong and healthy» [FD]; *sound in wind and limb* «physically healthy» [LDEI]; *all oak and iron bound* «in good health» [FISD]). В формировании смысла УССС в примерах (1-2) задействован механизм конкретизации: первый компонент указывает на общую жизнеспособность организма, а второй описывает одну из функциональных характеристик этого организма. В примере (1) дополнительно задействован механизм когнитивной метафоры. Большинство словарей отмечают, что данное УССС возникло в среде продавцов рыбы, которые спе-

циально обращали внимание покупателей на то, что их рыба судорожно дергалась (*kicking*), что было свидетельством исключительной свежести товара. Создаваемая ассоциация «движение – это жизнь» подчеркивает оценку нормального состояния организма. В примере (2) механизм конкретизации реализуется путем акцентирования того, что живой организм функционирует нормально (*well*).

В формировании смысла УССС в примере (3) задействован целый комплекс когнитивных механизмов. Оба компонента имеют значение «healthy» [DOC]. *Hale* в настоящее время является устаревшим словом и употребляется в основном в этом словосочетании. Значение «здоровый» появилось у него в результате метафорического переосмысления древнеанглийского слова со значением «целый». Слово *hearty* имеет прямое отношение к сердцу как одному из главных органов человеческого организма, с функционированием которого напрямую связано здоровье человека. В данном случае также имел место метафорический перенос. Помимо этого, в УССС *hale and hearty* можно выделить действие механизма конкретизации, так как второй компонент сочетания не утратил мотивировку с конкретным органом – сердцем, а первый указывает на общую цельность, невредимость организма. В результате объединения аллитерированных переосмысленных значений компонентов сочетания устанавливается определенный добавочный смысл. Данное УССС часто употребляется по отношению к людям старшего возраста, которые недавно оправились от болезни, что иллюстрирует контекст примера (3).

Смысл УССС в примере (4) сформирован на основе механизма метафоричности (*physically healthy* [LDEI]). Метафорическая проекция формируется при сравнении здоровья человека с нормальным функционированием отдельных систем организма лошади. Метонимические ассоциации задействованы при обозначении респираторной системы словом *wind*, и опорно-двигательной системы лошади – словом *limb* по принципу «часть – целое».

В примере (5) смысл УССС *all oak and iron bound* сконструирован при помощи механизма когнитивной метафоры. Знание о прочности дуба и железа проецируется на здоровье человека.

(6) *The surgery went very well, and the doctor is optimistic that she'll be **up and about** soon* [FISD].

(7) *I saw Mrs Neve in town this morning. I was pleased to see her **out and about** again* [OIDL].

Примеры (6-7) репрезентируют характеристику «нормальное состояние организма». Оба УССС построены с помощью механизма когнитивной метафоры. В примере (6) первый компонент УССС – *up* – проецирует ассоциацию «подняться с постели (например, после болезни) – встать на ноги». Второй компонент сочетания не просто описывает перемещение человека в разные стороны (*in many different directions* [CD]), а указывает на его активность. В результате формируется положительная оценка нормального состояния организма (*active again, especially after an illness or rest* [AHDI]).

В примере (7) представлена метафора КОНТЕЙНЕР. Компонент *out* указывает на выход человека из изоляции, нахождение среди людей. Второй компонент – *about* – обозначает общее положительное состояние человека, как и в примере (6). В результате формируется оценка состояния организма, которое является нормой (*of a person, especially after an illness*) *engaging in normal activity* [ODI]).

(8) *Their father is **dead and buried**, but they still complain about him daily* [FD].

(9) *The old man was very lonely because many of his friends were now **dead and gone*** [LDEI].

(10) *I wouldn't get too close to the edge of that cliff if I were you, you'd have a pretty **quick drop and a sudden stop*** [FD].

(11) *Today we pay our respects as a nation for **the quick and the dead** who have fought, and continue to fight, for our freedom and safety* [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «прекращение функционирования физиологических систем организма». В примере (8) представлены два последовательных события: смерть и похороны, что свидетельствует о принципе иконичности. В данном УССС задействован когнитивный механизм конкретизации: указание на очевидные действия по захоронению умершего усиливает экспрессивность словосочетания. В примере (9) представлена когнитивная метафора: компонент *gone* объективирует метафору «СМЕРТЬ – ЭТО КОНЕЦ ПУТИ». Данное УССС конструируется в соответствии с механизмом генерализации, так как первый компонент описывает состояние ухода человека в иной мир напрямую, а второй эвфемистически.

Аналогичные метафорические ассоциации репрезентируются и в примере (10). УССС *quick drop and a sudden stop* (death from either falling from a great height or from hanging [FD]) указывает на стадию падения – либо с высоты, либо до момента затягивания петли на шее повешенного. Данное словосочетание соответствует принципу иконичности в представлении последовательных действий.

Формирование смысла в примере (11) осуществляется на основе механизма противопоставления (*the quick and the dead – those alive and dead alike* [FD]), так как первый компонент репрезентирует устаревшее значение «живой». В данном УССС также задействован принцип иконичности, подчеркивающий логическую последовательность жизненных циклов. Соединение противоположных понятий в сочинительной конструкции создает эффект всеохватности: дань уважения отдается всем людям, сражавшимся за свободу родины, независимо от того, остались они живы или погибли, однако за счет принципа иконичности фокус внимания направлен именно на второй компонент.

(12) *I know the merger has been stressful, but have you been eating? Because you're **all skin and bones** these days* [FISD].

(13) *I'm **all fingers and thumbs** today. That's the second plate I've dropped this morning* [CD].

Примеры (12-13) репрезентируют характеристику «отклонение физического состояния от нормы». За счет соматизмов в структуре первого УССС *all skin and bones* (extremely thin [FISD]) объективируется знание о явно выраженной худобе человека. За счет механизма когнитивной метонимии проецируется ассоциация по смежности «человек – кожа и кости», за счет которой оценивается отклонение физического состояния человека от нормы.

Смысл УССС *all fingers and thumbs* (be clumsy or awkward in your actions [FD]) конструируется схожим способом. Обратимся к истории данного УССС. Идея неловкости, состояния, когда все валится из рук, зафиксирована в английском языке в XVI веке в форме «*each finger is a thumb*». Здесь прослеживается имплицитное сравнение или приписывание четырем пальцам руки характеристик субъективно менее функционального (противопоставленного остальным) большого пальца руки. В XIX веке в результате метонимического переноса появляется форма «*somebody is all fingers and thumbs*». Некоторые исследователи отмечают определенную бессмысленность данного выражения, так как в том, что у человека есть *fingers* и *thumbs*, нет ничего необычного [PF]. С когнитивной точки зрения объединение этих двух слов можно объяснить действием механизма конкретизации. *Finger*, в данном случае, можно считать гиперонимом слову *thumb* (*thumb* – the short, thick finger on the side of your hand [CD]). Нельзя также игнорировать диахроническое изменение синтаксической конструкции на сочинительную. Взаимосвязь между компонентами сочетания в таком случае становится имплицитной. Исходя из смысла выражения, можно предположить семантический перенос функциональной недостаточности больших пальцев рук на остальные пальцы. В результате соединения компонентов УССС формируется смысл об определенных отклонениях от естественной нормы, когда человек пытается делать что-то руками или удерживать что-либо в них, но ему это не удается. Так как в рассматриваемых УССС в примерах (12-13) акцентируется внимание именно на подобных отклонениях от жизненных норм, данные УССС функционируют в качестве средств репрезентации негативно-оценочного знания.

(14) *I'd describe your skin tone as **peaches and cream*** [CD].

(15) *I'm probably going to be **black and blue** after falling down the steps this morning* [FISD].

УССС в примерах (14-15) объективируют характеристику «общее физическое состояние человека», которая осмысляется метонимически «состояние человека – внешний вид». В первом примере УССС употребляется в функции сравнения, за счет которого здоровый цвет лица сравнивается с цветом десерта, который готовится из нарезанных персиков и взбитых сливок (*peaches and cream* – of skin (especially on the face), very fair, clear, and soft, especially with a rosy hue [FISD]). Показателем хорошего физического состояния является персиковый цвет кожи. Во втором случае репрезентировано знание о цвете, который приобретает кожа человека в результате удара, полученного намеренно или в результате несчастного случая. В примере (15) активизируется механизм когнитивной метонимии, который проецирует причинно-следственные отношения «удар – цвет кожи человека» (*black and blue* – badly bruised [АНДИ]). Компонент *black* задает общий негативный фон всей ситуации. В результате формируется отрицательная оценка внешнего вида человека.

(16) *I can't stand coming to this bar – it's full of college kids who are **all mops and brooms** for the first time* [FISD].

(17) *Do you remember last night at the bar at all? You were **cork high and bottle deep!*** [FISD].

Данные УССС репрезентируют характеристику «отклонение физического состояния от нормы». В примере (16) сочетание однотематических слов *mops* и *brooms* акцентирует метонимический перенос «орудие – действие». На это указывают и исторические данные о ярмарках найма, которые начались в XIV веке с целью регулирования рынка труда. В некоторых городах они проходят до сих пор. Каждый год, обычно осенью, на таких ярмарках наниматели искали работников на следующий сезон. Соискатели носили с собой предмет,

указывающий на род их деятельности: пастухи держали посох или пучок шерсти, молочницы несли табурет для доения или ведро и так далее. Швабры или подобный предмет носили девушки, которые хотели работать горничной, отсюда название ярмарок – *top fairs* или *mops*. Заключение устного договора о найме символически скрепляли монетой, обычно шиллингом, который тут же тратился, так как подобные ярмарки заканчивались массовыми попойками. Конструирование смысла УССС завершается метафорическим проецированием ситуации попойки на состояние человека. Таким образом, в данном случае формирование смысла основано на механизме когнитивной метафтонимии.

В УССС в примере (17) компоненты *cork* и *bottle* метонимически обозначают употребление алкоголя (*very drunk* [FD]). Затем осуществляется метафорическая проекция из области конкретного события на область состояния человека. Таким образом, в формировании смысла данного УССС также задействован механизм когнитивной метафтонимии. Помимо этого, компоненты *high* и *deep* отражают вертикальную шкалу, обозначая ее крайние точки, что сигнализирует о крайней степени проявления состояния опьянения.

Таким образом, в процессах формирования смысла на основе концептуальной области ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА репрезентируются такие характеристики, как нормальное состояние организма, отклонение физического состояния от нормы, прекращение функционирования физиологических систем организма и общее физическое состояние человека.

В конструировании смысла задействован принцип иконичности, а основными когнитивными механизмами являются механизмы когнитивной метафоры, когнитивной метонимии, когнитивной метафтонимии, конкретизации, генерализации и противопоставления.

2.1.2. Концептуальная область СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА

Социальный статус человека рассматривается на основе следующих аспектов: 1) соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование и т.п.), природными признаками (пол, возраст и т.п.), а также престижем и местом в структуре власти; 2) совокупность прав и обязанностей индивида или социальной группы, связанная с выполнением ими определенной социальной роли; 3) положение индивида в системе межличностных отношений, зачастую обусловленное его психологическим влиянием на членов группы [СЭС].

Данное определение социального статуса человека задает его характеристики, которые являются значимыми в процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС.

Обратимся к конкретным примерам:

(1) *Binyomin and Tsila had not only kissed but were on the verge of becoming man and wife in earnest* [LDCEO].

(2) *They were husband and wife for almost 60 years* [MWD].

В примерах (1-2) репрезентирована характеристика «положение индивида в системе межличностных отношений». Представлены два варианта одного УССС: *man and wife* – более ранний вариант. На фразеологизацию данного сочетания повлияло в том числе и то, что оно входит в состав заключительных слов священника на свадьбе: «*I now pronounce you man/husband and wife*». Формируемый целостный смысл «a married couple» (the implication usually being the stability, closeness etc. associated with marriage [ODEI]) репрезентирует характеристики «положение индивида в системе межличностных отношений». В данных УССС задействован механизм противопоставления по гендерному признаку. Принцип выделенности реализуется за счет соблюдения приоритетной тенденции порядка слов «мужское – женское».

(3) *I'd like to hang out with you guys, but I need to go into town to pick a few things up for my **lord and master*** [FD].

(4) *We could tell Jimmy was joking when he called his wife the old **ball and chain**, but I think he does feel a bit like he doesn't get out enough* [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «положение индивида в системе межличностных отношений». В первом примере компонент *lord* в составе УССС является исконно английским словом и происходит от древнеанглийского *hlaford* «master of a household, ruler, feudal lord, superior; husband». Второй компонент романского происхождения, в среднеанглийский период имел значение «one who has power to control, use, or dispose (of something or some quality) at will» [EtymO]. С учетом этих данных выявляется механизм генерализации, так как второй компонент имеет более общее значение, указывающее на превосходство и контроль над людьми. Вместе с тем реализуется и механизм когнитивной метафоры, за счет которого властные характеристики землевладельца, хозяина прислуги и рабочих спроецированы на мужа, как главного в семье (a husband as the dominant partner in a marriage [ODEI]).

В примере (4) также активизируется механизм когнитивной метафоры «БРАЧНЫЙ СОЮЗ – ЭТО ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ». Образ кандалов в виде цепи и прикрепленного к ней металлического шара (*ball and chain*) метафорически обозначает препятствие в виде ограничения свободы, которое проецируется на жену. Данное УССС также, как и предыдущее, репрезентирует характеристику «положение индивида в системе межличностных отношений».

(5) *She's our **flesh and blood**, so let's all try to get along with her while she's in town* [FD].

(6) *It must be difficult for him here, living so far away from his **nearest and dearest*** [OIDL].

(7) *I was delighted to find all my **kith and kin** waiting for me at the airport to welcome me home* [DAIVP].

Примеры (5-7) также репрезентируют характеристику «положение индивида в системе межличностных отношений» с той лишь разницей, что характер межличностных отношений определяется как родственный или дружеский. В формировании смысла УССС из примера (5) задействован механизм когнитивной метонимии. Источником данного сочетания считается Библия: в ней плоть (тело) и кровь обозначали живого человека с теми ограничениями, которые накладывает на него физическая оболочка. На основе понимания связи между людьми посредством кровного родства возникло рассматриваемое здесь значение сочетания *one's own flesh and blood*. В результате сочетания наименований одних из наиболее важных составляющих организма человека формируется смысл «one's family member(s)» [FD]. Включение данного УССС в структуру предложения позволяет выразить положительное отношение говорящего к данному индивиду несмотря на некоторые недостатки, с которыми приходится мириться.

В примере (6) сочетаются прилагательные *nearest* и *dearest*. Первое указывает на пространственную семантику, объективируя смысл «незначительная протяженность по горизонтальной оси», а второе – уточняет характер межличностных отношений (*closely related or intimately associated* [MWD]). В результате метафорического переноса, реализуемого первым прилагательным, подчеркивается близость отношений между людьми. Степень этой близости усиливается за счет второго рифмующегося компонента *dear*, а также грамматического показателя – превосходной степени сравнения. В результате формируется смысл о дружеской или любовной привязанности к человеку (*loved or liked very much* [CD]).

УССС в примере (7) датируется XIV веком. Первоначально оно буквально обозначало «countrymen and family members» [АНДИ]. Значимым в формировании смысла этого УССС является механизм конкретизации: первый компонент сочетания относится к более широкой группе людей, а второй – к более узкой. В настоящее время слово *kith* употребляется только в этом аллитерированном сочетании, а само УССС приобрело более узкий смысл «friends

and family» [FD] для обозначения любых знакомых людей независимо от степени привязанности к ним или родства.

(8) *Sam always wants to show off his money when he comes to visit us in the city, but he can't fool me – I know he's really just a **butter-and-egg man!*** [FD].

(9) *I met a man the other day who now runs a metal scrap yard with his father. His grandfather started out with a truck as a **rag and bone man**, collecting all kinds of scrap* [iWeb].

Данные примеры репрезентируют характеристику «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование)». Эти УССС являются исторически и культурно нагруженными и связаны с жизнью США и Великобритании XIX и начала XX веков. УССС *butter-and-egg man* (a prosperous businessman from a small town or a farmer who spends his money ostentatiously on visits to a big city [CollD]) получило распространение в 20-х годах XX века в США, в период так называемых «ревущих двадцатых». Тогда властями страны были предприняты определенные шаги, позволившие многим фермерам разбогатеть. Целью визита этих богатых, но простодушных людей в большой город было обычно посещение увеселительных заведений, в которых они оставляли много денег. С учетом энциклопедической информации о том, что значительное количество этих новых богачей заработали состояния на производстве и продаже продуктов, в частности молочных продуктов и яиц, понятным становится механизм формирования смысла сочетания – механизм когнитивной метонимии. Метонимический перенос основан на отношении «источник дохода – его обладатель». Контекст указывает на реализацию негативной оценки (*always wants to show off his money*).

В примере (9) УССС объективирует низкий социальный статус человека. Старьевщики (*rag and bone man* – a man who went round the streets of a town to buy old clothes, furniture, and other unwanted things cheaply [CD]) появились в Англии в начале XIX века. Эти люди ходили по улицам и собирали любой му-

сор и ненужные вещи, которые потом можно было продать или сдать на переработку. В частности, они собирали тряпичный утиль, который шел на переработку для получения шодди (низкосортной регенерированной шерсти, из которой делали соответствующую ткань), и кости, которые шли на производство клея [PF]. При формировании смысла данного УССС, как и в предыдущем случае, задействован механизм когнитивной метонимии: объект труда – человек.

(10) *The Nationalist leadership recognizes the need to increase taxation, but knows that this will be deeply unpopular with **the rank and file** of the party* [LID].

(11) *This scholarship intends to show that, given the right tools and opportunities, the people in this region are destined to become more than **hewers of wood and drawers of water*** [FD].

Примеры (10-11) репрезентируют аналогичную с предыдущими случаями характеристику – «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование)». В формировании смысла, репрезентируемого УССС в примере (10), активизируется механизм когнитивной метафтонимии. Изначально в XVI веке рядовой и сержантский состав в армии был представлен метонимически в виде стоящих в шеренгах (*rank*) и рядах (*file*) людей. С конца XIX века данное УССС в результате метафорической проекции перешло из военной области в гражданскую и стало обозначать обычных людей в какой-либо организации (*the ordinary members of a group, not the leaders* [DAIVP]).

В конструировании значения УССС в примере (11) задействован механизм когнитивной метафоры. В результате сочетания названий двух профессий – рубщик дров и водонос – формируется знание о людях, которые по тем или иным причинам вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом (*those who are used solely for manual labor or menial tasks at the behest of others* [FD]). История появления данного УССС связана с библейским сюжетом, в котором гаваонитяне за обман были прокляты Иисусом Навиным и обречены

на вечное рабство у израильтян [Joshua 9: 21]. В приводимом примере акцентируется внимание на том, что люди живущие в этом районе, при предоставлении определенных возможностей и с учетом стипендий просто обязаны добиться большего (*destined to become more than*), чем быть простыми рабочими. При такой формулировке высказывания данное сочетание приобретает оттенок уничижительного отношения к людям, занимающимся подобным трудом. В некоторых словарях при данном УССС встречается помета (derogatory) [LDEI], что свидетельствует о его ингерентной отрицательной оценочности.

(12) *Because so many people have left our department recently, I'm the **chief cook and bottle washer**, doing every little task that comes up* [FD].

(13) *We'll never finish this project if everyone keeps trying to give orders. There are **too many chiefs and not enough Indians*** [DAIPV].

В данных примерах репрезентируется характеристика «совокупность прав и обязанностей индивида или социальной группы, связанная с выполнением ими определенной социальной роли». Общим компонентом в структуре этих УССС является слово *chief*, которое обозначает главного человека в какой-либо группе или общности людей. Формирование смысла УССС в примере (12) базируется на механизме противопоставления: в сочетании соединяются две социальные роли – высокая (*chief cook*) и низкая (*bottle washer*). Тем самым формируется обобщенный смысл, обозначающий человека, который (зачастую вынужденно) выполняет работу как ответственного лица, так и простого исполнителя (*the person in charge of practically everything* [DAIPV]). Причина этого объясняется в контексте (*because so many people have left our department recently*). В данном случае задействован также механизм когнитивной метонимии, за счет которого конструируется ассоциация по смежности «характер работы – социальная роль».

В формировании смысла УССС в примере (13), как и в предыдущем сочетании, задействован механизм противопоставления. Наряду с ним активизируется и механизм когнитивной метафоры. Метафорический перенос основан на проецировании знания об устройстве племен индейцев Северной Америки

на структуру распределения ролей в обычной организации. В результате противопоставления различных социальных статусов – вождей и обычных индейцев – формируется знание о том, что в какой-то организации слишком много людей, отдающих приказы, и недостаточно людей, которые могут выполнять все их указания (too many bosses and not enough workers [DOC]).

(14) *Rich and poor live side by side but in conditions of extraordinary disparity* [ODEI].

(15) *You can see the haves and the have-nots in this city – the millionaires in their huge houses and the homeless sleeping on the streets* [OIDLE].

Примеры (14-15) репрезентируют характеристику «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование)». В обоих примерах реализуется противопоставление по экономическому положению. Однако во втором случае наряду с механизмом противопоставления активизируется также и механизм когнитивной метонимии на основе отношений по смежности «благосостояние – человек». В результате формируется смысл «имущие и неимущие» как социальные позиции в обществе.

Необходимо отметить также, что в конструировании смысла, репрезентируемого УССС в примерах (12-15) задействован принцип выделенности, в соответствии с которым слова, обозначающие более влиятельных людей, оказываются в УССС на первом приоритетном месте.

(16) *In the 1950s, the great and the good – the people who really knew what was in the best interests of the lower orders – decided to bulldoze the slums and decant people into tower blocks* [Lexico].

(17) *He is one of the principle movers and shakers in the political arena* [OIDLE].

Примеры (16-17) репрезентируют характеристику «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая престижем и местом в структуре власти». УССС в примере (16) указывает своей семантикой на людей, которые,

по мнению британского правительства, могли участвовать в королевских комиссиях. Королевские комиссии назначаются монархом из числа наиболее авторитетных лиц для изучения какого-либо вопроса и представления рекомендаций правительству (a group of people chosen by the British government to examine a particular topic or issue and recommend changes in the law [MWD]). В формировании смысла данного сочетания задействован механизм конкретизации, так как компонент *good* уточняет основания для признака авторитетности (*great* – famous, powerful, or important as one of a particular type [CD]; *good* – morally right or based on religious principles [CD]). В результате образуется обобщенный смысл «distinguished and worthy people collectively» [ODI]. УССС может употребляться по отношению к любым публичным людям с шутливо-ироническим оттенком [LDOCEO; WDC], который подчеркивается и в данном контексте (*the people who really knew what was in the best interests of the lower orders*).

УССС в примере (17) также подчеркивает влияние оцениваемого человека (people with a lot of power and influence [CD]). Данное сочетание было создано поэтом Артуром О’Шонесси в конце XIX века: «Yet we are the movers and shakers / Of the world for ever, it seems». В произведении «Ода» автор восхваляет труд музыкантов и поэтов, которые, по мнению автора, силой своего таланта и воображения переворачивают шаблонное мышление. Таким образом, в формировании смысла данного УССС явно прослеживается действие механизма когнитивной метафоры. Помимо этого, реализуется механизм конкретизации. Производящий глагол для первого компонента имеет более общее значение (*move* – to (cause to) change position [CD]). Глагол, от которого образован второй компонент УССС, имеет более узкое значение и определяется посредством глагола *move* с уточнением характера и направления движения (*shake* – to move backwards and forwards or up and down in quick, short movements [CD]).

(18) *It must be terrible to be **down and out** in this cold weather* [OIDL].

(19) *There’re lots of **waifs and strays** living on the streets here* [OIDL].

(20) *You must be joking – a person of my social status can't eat with the ragtag and bobtail at a fast food place!* [FD].

УССС в примерах (18-20) репрезентируют характеристику «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование)» с акцентом на позиции бедных, бездомных людей, которые зачастую оказываются отвергнутыми обществом. Формирование смысла во всех примерах опирается на механизм когнитивной метафоры.

В первом примере данной группы областью-источником метафорического переноса является вид спорта – бокс. Согласно правилам, побежденный отправляется в нокаут [DOC]. В формировании смысла данного УССС задействована метафора ПЛОХО – ВНИЗУ. Данное сочетание также соответствует принципу иконичности: подобно тому как спортсмен сначала оказывается лежащим на ринге (*down*), а затем после требуемого отсчета времени бой заканчивается его полным поражением (*out*), аналогично и в жизни – человек сначала теряет заработок и средства для существования, а затем становится бездомным. УССС объективирует негативную оценку (*having no home or job and living on the streets of a city; very poor* [OIDL]), которая усиливается и за счет контекста (*It must be terrible*).

УССС в примере (19) образовано от юридического термина *waif and stray*, существовавшего в средние века в англо-норманском законодательстве. Согласно ему любой предмет, оставленный на частной территории (*waif*), или заблудшее на нее животное (*stray*), которые не были востребованы в течение определенного срока, становились собственностью владельца этой земли. В результате метафоризации знание об отсутствии постоянного места для содержания домашних животных или хранения вещей проецируется на людей, утративших место для проживания (*waifs and strays – people with no home, especially children in a big city* [OIDL]).

Происхождение УССС *ragtag and bobtail* относится к XVI веку. В то время сочетание *tag and rag* означало «низшие слои общества» [Funk 1955: 57].

Изначальное сочетание было образовано при помощи механизма рекуррентности: *tag* – «small, hanging piece from a garment» (XV век), *rag* – «torn or worn scrap of cloth» (XIV век) [EtymO]. К тому же выявляется и метафорический перенос: бедность соотносится с образом порванной одежды. В XVII веке в состав УССС был введен дополнительный компонент *bobtail* (tail of a horse cut short [EtymO]), указывающий на механизм конкретизации и усиливающий смысл ненужности, что соотносилось с бесполезностью статуса нищих и бездомных. Этот компонент значения способствовал усилению отрицательной оценочности. В XIX веке первые два компонента поменялись местами, как утверждают исследователи, для большего благозвучия [Funk 1955: 57] и был утрачен соединительный союз. В настоящее время УССС сохраняет исходное значение и пейоративную оценочность («the lower classes generally»), но помимо этого означает «the ordinary members of a community, profession etc. who are of no individual importance» [ODEI].

(21) *There used to be friction between **town and gown** but the new parking lots have eased it* [АНДИ].

Данный пример репрезентирует аналогичную характеристику – «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование)». В средние века между жителями населенных пунктов, близ которых строились британские университеты, и студентами и преподавателями этих заведений имели место физические столкновения и постоянная вражда. В настоящее время такая ситуация нехарактерна, однако исторический факт получил отражение в семантике этого УССС. Формирование смысла (*town and gown* – the inhabitants of a college or university town and the students and personnel of the college [АНДИ]) опирается на механизм когнитивной метонимии. Первый компонент (*town*) метонимически обозначает городских жителей, а второй (*gown*) – студентов и преподавателей университета (по названию традиционной мантии, которую носят там). Примечательно, что в формировании смысла этого УССС представлены два метонимических переноса, сконструированных по

разным моделям: в первом случае – «место жительства – люди», а во втором – «тип одежды – люди». Представляется, что объединяющим фактором в данном случае является рифма, которая «разрешает» и поддерживает соединение таких разнородных переосмыслений.

(22) *Bill is definitely **the life and soul of the party** – he's currently trying to get everyone up to dance!* [FD]

(23) *I hope to happily grow old with my husband, like a modern-day **Darby and Joan*** [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «положение индивида в системе межличностных отношений, обусловленное его психологическим влиянием на членов группы». В первом случае УССС *the life and soul of the party* (someone who is energetic and funny and at the centre of activity during social occasions [CD]) репрезентирует метонимический перенос «человек – его жизнь» и «человек – его душа», а также метафорическую ассоциацию «социально активный и коммуникабельный человек – душа компании», что свидетельствует о значимости механизма метафтонимии. Во втором случае УССС *Darby and Joan* (an ideal elderly married couple living in domestic harmony [CollD]) описывает супружескую пару, прожившую долгое время вместе в полной гармонии. В качестве механизма формирования смысла в этом случае также определена когнитивная метафтонимия (этот пример подробно описан в Разделе 1.5). Дополнительно отметим, что в УССС *the life and soul of the party* задействован механизм генерализации, а УССС *Darby and Joan* построено в соответствии с принципом выделенности «мужское – женское». Оба словосочетания реализуют положительную оценку.

Таким образом, в процессах формирования смысла, соотносимого с концептуальной областью СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, наиболее частотными характеристиками являются: позиция индивида/социальной группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование) и положение индивида в системе

межличностных отношений. Помимо этого, репрезентированы характеристики совокупности прав и обязанностей индивида/социальной группы, связанная с выполнением ими определенной социальной роли и позиция индивида или группы, определяемая престижем и местом в структуре власти.

Основными когнитивными принципами, задействованными в конструировании смысла, являются принципы выделенности и иконичности. В качестве когнитивных механизмов определены механизмы когнитивной метафоры, метонимии, метафтонимии, а также противопоставления, конкретизации и генерализации.

2.1.3. Концептуальная область ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Под психоэмоциональным состоянием человека понимается особая форма его психических состояний с преобладанием эмоционального реагирования. При этом эмоциональные проявления в реагировании на действительность необходимы человеку для регуляции его самочувствия и функционального состояния [Психофизиология-2006]. Эмоции же представляют собой особый класс психических процессов и состояний индивида, связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т. д.) значимость действующих на него явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности [БПС]. Основными видами эмоций являются настроения, простейшие или биологические эмоции, аффекты, чувства, страсти и стрессы [Немов 2007: 490]. Эмоции включены в структуру сознания и мышления и, соответственно, сопряжены с когнитивными процессами человека. Они также тесно связаны со знаниями: изменение знаний и мыслей влечет за собой изменение эмоций человека [Шаховский 2008: 16].

Эмоциональные состояния включают в себя три основных взаимосвязанных компонента: 1) физиологический – представляет собой изменения физиологических систем организма, возникающие при появлении различных

эмоций; 2) психологический – собственно эмоциональное переживание (например, грусть, радость); 3) поведенческий – проявляется в виде мимики, жестов или различных действий (бегство, борьба) [Психология 2010: 88]. Анализ научной литературы позволил выявить основные характеристики эмоциональных состояний человека. Наиболее существенной их характеристикой является субъективность, что выражается в том, что одна и та же ситуация может быть причиной возникновения у разных людей разных эмоциональных состояний [Маклаков 2001: 394; Ильин 2001: 56]. Следующая значимая характеристика эмоций – полярность. С получением желаемого результата действия связана положительно окрашенная эмоция, а с неудачей при достижении цели – отрицательная [Маклаков 2001: 394]. Существуют и смешанные типы состояний, которые сложно отнести к какому-то определенному классу эмоций (например, печаль – сладостная печаль и печальная скорбь) [Скорик 2013: 19]. В таких случаях говорят об амбивалентности, как характеристике эмоций [Ильин 2001: 57]. Динамичность эмоций заключается в фазовости (или этапности) их протекания, то есть в нарастании напряжения и его угасании при его разрешении [там же: 54]. Эмоции различаются по глубине, интенсивности и длительности переживания [Костерина 1999: 4]. Выделяется и несколько других характеристик эмоций: доминантность (сильные эмоции могут подавлять противоположные себе эмоции); суммация (переживания, связанные с одним и тем же объектом, могут суммироваться, что приводит к усилению интенсивности эмоций); адаптация (эмоциональным состояниям свойственно притупление, снижение их остроты при долгом повторении одних и тех же впечатлений); иррадиация (возможность распространения эмоционального фона с обстоятельств, его первоначально вызвавших, на все, что человеком воспринимается); заразительность (человек может передавать свои переживания другим людям, общающимся с ним) и некоторые другие [Ильин 2001: 54-58].

Эмоциональные состояния человека подразделяются на следующие группы: эмоциональные состояния, связанные с прогнозом и ожиданием (тре-

вога, страх); эмоции, связанные с достижением или недостижением цели (удовлетворение, радость, гордость, фрустрация, обида, разочарование, печаль, уныние); коммуникативные эмоциональные состояния (веселье, смущение, стыд, презрение, влюбленность, ревность); интеллектуальные (когнитивные) эмоциональные состояния (удивление, интерес); эмоциональные состояния, возникающие в процессе деятельности (стресс, скука, отвращение, утомление) [Ильин 2001: 139-223; Ильин 2005: 111-281]. Данная классификация эмоций связана с выявлением причин, вызвавших ту или иную эмоцию, что позволяет рассматривать эмоциональные состояния в комплексе причинно-следственных отношений. Необходимо учитывать также поведенческий компонент в проявлении эмоций (см. выше), что соотносится с характером отношений по принципу «эмоция – внешнее проявление». Данный аспект рассматривается в виде отдельной характеристики концептуальной области ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Эта классификация положена в основу дальнейшего анализа УССС:

(1) *After that nap, I am **bright-eyed and bushy-tailed*** [FD].

(2) *She was a very **bright and breezy** sort of girl, always laughing* [LDEI].

Данные примеры репрезентируют характеристику «внешние проявления эмоций». В формировании смысла УССС *bright-eyed and bushy-tailed* (lively and cheerful [OIDLE]) задействована когнитивная метафора, посредством которой реализуется ассоциация со зрительным образом животного (белки): глаза-бусинки и распушенный хвост. Стремительность и подвижность животного проецируется на человека, за счет чего формируется оценка психоэмоционального состояния человека. Контекст указывает на причину оживленности и веселья (*after that nap*).

В основе формирования смысла УССС в примере (2) (*bright and breezy – very lively, cheerful, or happy; free from worry* [LDEI]) также активизируется механизм когнитивной метафоры. Знание о характеристиках природных явлений переносится на область эмоциональных проявлений человека (*breezy – happy, confident and relaxed* [LDOCE], *bright – happy and full of energy* [LDOCE]). На

внешнее проявление беззаботности, а также ощущение света и энергии от переполнявшего человека счастья указывает характерное поведение (*always laughing*).

(3) *I'm pretty sure I did well on that last exam, so it looks like I'm **home and dry** for this semester* [FD].

(4) *We were **bloody but unbowed** after the board rejected our first proposal – we just resolved to make a better pitch next time* [FD].

(5) *I know it's a bit of a cliché, but my children truly are my **pride and joy*** [FD].

Примеры (3-5) репрезентируют характеристику «эмоциональное состояние, связанное с достижением или недостижением цели». Сочетание компонентов конструкции *home* и *dry* приводит к установлению причинно-следственных отношений «быть дома – ощущать себя защищенным». Это знание переносится на область эмоциональных переживаний, связанных с успешной сдачей экзамена (*home and dry – completely successful in achieving an objective, especially one that has been demanding* [ADEP]), что свидетельствует о действии механизма когнитивной метафоры. Значимым является и принцип иконичности, указывающий на последовательность реальных действий.

В следующем примере, сконструированном также по принципу иконичности, репрезентируется сложное психоэмоциональное состояние, заключающееся в решительности продолжать работу, несмотря на временный неуспех. В формировании смысла данного УССС задействован механизм когнитивной метафоры «ЖИЗНЬ – ВОЙНА». В результате сочетания метафорически переосмысленных компонентов, указывающих на сохранение жизни несмотря на потерю здоровья, конструируется оценочный смысл (*proud or resolute despite suffering losses or difficulties* [ADEP]).

В примере (5) формирование смысла словосочетания базируется на механизме когнитивной метонимии, когда создается ассоциация по смежности «состояние – человек» (*pride – a feeling of satisfaction at your achievements or the achievements of your family or friends, joy – a feeling of great happiness* [CD]).

В результате сочетания этих компонентов происходит усложнение смысла в сторону усиления выражаемого качества, что можно подтвердить словарными дефинициями (*especially proud of or devoted to* [ADEP], *very proud of* [DAIPV], *one's great pleasure* [AHDI]).

(6) *Once the exams are over, I'll finally be **free and easy** once again!* [FD].

(7) *I was petrified to take the stage, but Alice was **cool, calm, and collected*** [FD].

(8) *He was **on pins and needles**, waiting for the test results* [AHDI].

Данные примеры репрезентируют характеристику «эмоциональное состояние, связанное с ожиданием и прогнозом». В первом случае акцентируется внимание на прогнозировании ощущения спокойствия и снятия напряжения после экзаменов (*free and easy – calm and relaxed* [FD]). В формировании смысла данного УССС задействован механизм конкретизации (*free – not affected or restricted by a given condition or circumstance; not controlled by obligation or the will of another; easy – free from worry, anxiety, trouble, or pain* [AHDEL]).

В примере (7) в формировании смысла УССС *cool, calm, and collected* (*calm and composed* [FD]) также задействован механизм конкретизации. Указание на отсутствие у человека эмоциональных проявлений беспокойства, испуга, волнения уточняется за счет указания на контролируемость внутренних переживаний, в результате подчеркивается чувство самообладания перед выходом на сцену (*cool – calm, not emotional; calm – relaxed and not worried, frightened, or excited; collected – showing control over your feelings* [CD]). Объединение этих компонентов в трехчленную конструкцию можно объяснить желанием усилить экспрессивность сочетания не только за счет дублирования смысла, но и аллитерации. Словарные данные свидетельствуют о существовании также двучленных форм данного сочетания: *cool and collected; calm and collected* [ODEI].

В формировании смысла УССС в примере (8) задействован механизм когнитивной метафоры, за счет которого знание о состоянии человека, сидящего на иголках, проецируется на эмоциональное состояние (*on pins and needles – in a state of suspense or agitation [ADEP]*). Человек находится в ожидании результатов экзамена и испытывает нервозность, проявлением которой является то, что он может ходить из стороны в сторону, то садиться, то вставать со стула, словно что-то мешает ему спокойно сидеть.

(9) *I'm **sick and tired** of doing my boss's errands. If something doesn't change soon, I'm going to quit!* [FD].

(10) *Ministers are getting all **hot and bothered** about official secrets getting out* [OIDLE].

(11) *I **go hot and cold** all over when I think of that train accident. It was so terrible* [OIDLE].

Данные примеры репрезентируют характеристику «эмоциональное состояние, возникающее в процессе деятельности». В формировании смысла первого УССС задействован механизм когнитивной метафоры, за счет которого знание об ощущениях, испытываемых усталым или больным человеком, переносятся на эмоциональную сферу. В результате конструируется оценка эмоционального отношения человека к рабочим поручениям (*sick and tired – annoyed about or bored with something and unwilling to put up with it any longer [ODI]*).

В примере (10) задействован механизм когнитивной метафоры. Метонимическая основа переосмысления основана на физиологическом факте того, что различные состояния возбуждения сопровождаются повышением кровяного давления, что, в свою очередь, представлено визуальными проявлениями такого состояния – покраснением лица и шеи. Такие выводы согласуются с общим метонимическим принципом Дж. Лакоффа: «физиологический эффект эмоции замещает саму эмоцию» [Лакофф 2004: 494]. Вместе с тем, метафорическое переосмысление осуществляется на основе метафоры ВОЗБУЖ-

ДЕНИЕ – ЭТО ЖАР. В результате взаимодействия этих структур знания усиливается степень передаваемой эмоции (*hot and bothered* – used in order to say that someone is behaving in a way that shows how annoyed, worried, or upset they are about something, especially when you think they are reacting too strongly [LID]).

В последнем случае представлен механизм когнитивной метонимии в виде отношений ассоциации по смежности «эмоция – внешнее проявление». Следует отметить также механизм противопоставления, в рамках которого изменение температуры тела, давления или цвета кожи выражается посредством соединения анонимов (*hot – cold*), что указывает на амбивалентность выражаемых эмоций и усиливает степень вовлечения человека в испытываемые эмоциональные состояния (*go hot and cold* – suddenly feel very worried, upset or frightened» [OIDLE]).

(12) *Carrie's been in fear and trembling waiting for the doctor to call with her test results* [FD].

Этот пример объективирует характеристику «эмоциональное состояние, связанное с прогнозом и ожиданием». В конструировании смысла данного УССС задействован механизм метафтонимии. Когнитивная метафора «ЭМОЦИЯ – ЭТО КОНТЕЙНЕР» позволяет образно оценить эмоциональное переживание человека, его полное погружение в это эмоциональное состояние. Отметим, что второй компонент УССС репрезентирует показатели внешнего проявления страха – дрожь тела, конечностей, что указывает на метонимическую основу: ЭФФЕКТ ОТ ЭМОЦИИ ВМЕСТО ЭМОЦИИ (см. в частности [Kövecses 2014: 22]). В результате взаимодействия этих структур знания усиливается степень проявления страха (*in fear and trembling* – experiencing great fear and worry [FD]).

(13) *Darren has been in sackcloth and ashes ever since his girlfriend broke up with him for cheating on her* [FD].

Этот пример объективирует характеристику «коммуникативное эмоциональное состояние». Основные компоненты сочетания отсылают к древнееврейскому обычаю, отраженному в Ветхом Завете, по которому участники религиозных церемоний в знак смирения и покаяния надевали грубые одежды и посыпали себя пеплом [Daniel 9:3]. Это знание проецируется на ощущения человека. В формировании смысла этого УССС (*in sackcloth and ashes* – manifesting grief or repentance [ODI]) задействована метафора КОНТЕЙНЕР.

(14) *Ever since I lost the election for school president, I only feel **gall and wormwood** when I think of my unworthy opponent* [FD].

Данный пример репрезентирует характеристику «эмоциональное состояние, возникающее в процессе деятельности». В формировании смысла данного УССС (*gall and wormwood* – strong feelings of bitterness and resentment [OIDL]) выявлен механизм когнитивной метафоры. Как и в предыдущем случае, знание из области-источника восходит к Ветхому завету, в котором при обозначении наказания, которое неминуемо постигнет каждого грешника, употреблены образы желчи и полыни, являющиеся горькими на вкус. В результате образно создается ассоциация о горечи поражения.

(15) *When buffed regulars see a shy, slightly bewildered, fat or old person come to their gym for the first time, they generally feel all **warm and fuzzy** about it. They think it's great that you're there and they admire your bravery* [COCA].

(16) *I know you have a lot going on, but the least you can do is offer Hannah a little **tea and sympathy** during her time of grief* [FD].

В данных примерах репрезентируется характеристика «коммуникативное эмоциональное состояние», связанное со состраданием и сопереживанием другим людям. В формировании смысла, репрезентируемого УССС *warm and fuzzy* (particularly sentimental, reassuring, and comforting, as of an emotional response [FD]), задействован механизм когнитивной метафоры. Метафорический перенос заключается в переносе знания о тактильных ощущениях от тепла и мягкости пушистого материала на область отношений между людьми. Добрые чувства и поддержка, которые люди готовы предоставлять друг другу

(*they think it's great; they admire your bravery*) создают ощущение теплоты в отношениях.

Механизм когнитивной метафоры представлен и во втором случае. Первый компонент в этом УССС *tea* метафорически проецирует образ дружеской атмосферы разговора, типичного для чайной церемонии, а второй компонент *sympathy* акцентирует чувство понимания и симпатии, характерного для всех, участвующих в чайной церемонии. В результате сочетания этих компонентов формируется смысл о выражении понимания и поддержки человеку, переживающему чувство утраты (*tea and sympathy – a supportive display of sympathy for one who is upset [FD]*).

Таким образом, в ходе проведенного анализа установлено, что с опорой на концептуальную область ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА в процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС, наиболее значимыми для говорящего являются такие характеристики, как эмоциональное состояние человека, связанное с прогнозом и ожиданием, и эмоциональное состояние, возникающее в процессе деятельности. Помимо этого, активизированы такие характеристики, как состояние, связанное с достижением или недостижением цели; коммуникативное эмоциональное состояние и внешнее проявление эмоций.

В процессах объективации данной концептуальной области задействован когнитивный принцип иконичности. Основным механизмом формирования смысла является механизм когнитивной метафоры. Помимо этого, задействованы механизмы когнитивной метонимии, когнитивной метафтонимии и конкретизации и противопоставления.

2.1.4. Концептуальная область ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Поведение человека – это совокупность его действий и поступков. Поведение человека формируется в процессе общественной жизни, то есть социально обусловлено. В нем проявляется личность человека, особенности его характера, темперамента, его потребности, взгляды, вкусы, проявляется отношение к предметам и явлениям окружающего мира [БСЭ-33: 334].

Поведение человека представляет собой целенаправленную систему последовательных действий, осуществляющих контакт организма с внешними условиями, подготавливающих удовлетворение потребностей организма, а также обеспечивающих достижение им определенных целей. При этом моменты неподвижности человека также являются значимыми для определения данного понятия. Поведение человека общественно обусловлено и имеет характер сознательной, коллективной, целеполагающей, произвольной и созидательной деятельности [БПС]. Оно рассматривается также в аспекте соблюдения человеком общепринятых правил взаимоотношений с другими людьми или с предметным миром, с учетом норм нравственности и права. В этом смысле говорят о высоконравственном, легкомысленном, девиантном, делинквентном и ином подобном поведении или, обобщенно говоря, об удовлетворительном или неудовлетворительном поведении [БПС; Степанов 2003: 453]. Единицами поведения являются поступки, в которых формируются и в то же время выражаются позиция и моральные убеждения личности человека [БПС].

Учет вышеотмеченных аспектов научного знания, а также обращение к концептуально-дефиниционному анализу лексемы *behaviour* (manner of behaving or conducting oneself; the aggregate of all the responses made by an organism in any situation; a specific response of a certain organism to a specific stimulus or group of stimuli; the action, reaction, or functioning of a system, under normal or specified circumstances [CollID]) позволяет установить характеристики, значимые для анализируемой концептуальной области: 1) поведение в соответствии с общественными нормами; 2) реакция на стимулы; 3) поведение в конкретной ситуации.

Рассмотрим, какие характеристики концептуальной области ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА лежат в основе формирования смысла, репрезентируемого УССС.

(1) *I want you here **booted and spurred** for the school walk at 9 o'clock exactly!* [LDEI].

(2) *We have the new program, but we can't use it until we get the right hardware. It's a case of being **all dressed up and nowhere to go*** [LID].

Данные примеры репрезентируют характеристику «поведение в конкретной ситуации». В первом случае демонстрируется физическая готовность к действию – школьной прогулке. В формировании смысла УССС *booted and spurred* (fully dressed and ready to go [LDEI]) задействован механизм когнитивной метафтонимии. Специальная обувь метонимически обозначает верховую езду по принципу «предмет – назначение предмета». Сапоги со шпорами предназначались для верховой езды. Такая экипировка указывает на готовность действовать в конкретной ситуации. Это знание переносится на область подготовки к школьной прогулке.

В примере (2) описывается ситуация, в которой готовность к действию осложнена отменой ранее запланированного действия (ready for something that has been postponed or has failed to materialize [DAIPV]). В конструировании смысла данного УССС задействован механизм когнитивной метафоры. Готовность к действию в конкретной ситуации описывается посредством образа полностью одетого человека.

(3) *We'll be there, ornaments in hand, **ready and willing** to help you decorate!* [FD].

(4) *The senator has inspired a huge number of volunteers who are **ready, willing, and able** to campaign for her presidential election bid* [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «реакция на стимулы». В первом примере сообщается о готовности помочь в виде ответной реплики на призыв, а во втором – стимул к действию представлен глаголом

inspire. В результате сочетания компонентов *ready* и *willing* в данных примерах репрезентируется знание о готовности человека действовать как реакция на внешние стимулы. В качестве когнитивного механизма выявлен механизм рекуррентности за счет дублирования компонента смысла «prepared» (*ready* – prepared and suitable for fast activity; *willing* – prepared to do something, or having no reason to not want to do it [CD]). Необходимо отметить, что УССС в примере (4) за счет третьего компонента выражает большую экспрессивность.

(5) *As soon as I finish what I am doing here, I'm going to **cut and run**. I've got to get home by six o'clock [DAIPV].*

(6) *The burglars **turned tail and ran** at the sound of our security alarm [FD].*

Данные примеры репрезентируют характеристику «поведение в конкретной ситуации». Оба УССС сконструированы по принципу иконичности, так как компоненты сочетаний находятся в последовательности, соответствующей естественному ходу событий, а в качестве когнитивного механизма задействован метафорический перенос. В основе первого сочетания лежит морской образ, когда при серьезной опасности кораблю требовалось срочно и быстро уплыть, зачастую необходимо было обрубить канат, удерживающий якорь, так как времени на его подъем уже не было. Во втором случае основу для метафорического переноса составляют наблюдения за животными (в частности, собаками), которые при опасности поджимают хвост и убегают. В первом УССС акцентируется идея быстрого покидания места, особенно при какой-либо угрозе говорящему (*cut and run* – make a speedy or sudden departure from an awkward or hazardous situation rather than confront or deal with it [ODI]). Аналогичный смысл репрезентируется и в примере (6), с той лишь разницей, что указывается также на сопутствующее эмоциональное состояние (*turn tail and run* – to run away or flee, usually in fear [FD]).

(6) *Feel free to **come and go** as you please [OIDLE].*

(7) *Every night, it seems like I have to **toss and turn** for 15 minutes before I get comfortable, and then there's my wife, who falls asleep as soon as her head hits the pillow [FD].*

(8) *My flatmates were having a bit of **slap and tickle** in the sitting room when I came home last night. It was awkward, to say the least [FD].*

Данные примеры репрезентируют характеристику «поведение в конкретной ситуации». В формировании смысла первого УССС задействован механизм противопоставления и принцип иконичности. В результате сочетания глаголов, обозначающих разнонаправленные действия, смысл УССС может распространяться на самые разнообразные действия, помимо физического перемещения (to occur, exist, enter, or appear and then subside or disappear quickly or suddenly [FD]).

УССС *toss and turn* (to move around restlessly while sleeping or trying to sleep [CD]) употребляется для характеристики действий человека, когда он пытается заснуть. В контексте уточняются обстоятельства такого поведения (*before I get comfortable*). В значении глаголов *toss* (to move about continuously in a violent or uncontrolled way [LDOCEO]) и *turn* (to move your body so that you are looking in a different direction [LDOCEO]) выявляется дублирование компонента смысла «to move», что указывает на активизацию механизма рекуррентности.

В последнем случае сочетание глаголов *slap* (a quick hit with the flat part of your hand) и *tickle* (to move your fingers gently over someone's body in order to make them laugh [LDOCEO]) позволяет акцентировать не только характер поведения, но и существующие между людьми отношения (playful and not very serious lovemaking [WDI]). В формировании смысла задействован механизм когнитивной метонимии на основе отношений «жест – отношение».

(9) *The lobbyists **wined and dined** the senators one by one in order to influence them [DAIPV].*

(10) *It will be a more expensive to take them out but, on the other hand, I don't like to think of you **toiling and moining** in the kitchen all day to produce a dinner for twelve [ODEI].*

(11) *There will be much **blood, sweat, and tears** before we have completed this project [DAIPV].*

Данные примеры репрезентирует аналогичную характеристику – «поведение в конкретной ситуации». В первом примере активизируется механизм когнитивной метонимии. Отношения «часть – целое» репрезентируются глаголами *to wine* и *to dine*, указывающими соответственно на прием напитков как части общего приема пищи (*to dine* – *to eat the main meal of the day, usually in the evening* [CD]). В результате формируется значение извлечения выгоды как следствие угощения (*to entertain someone with lavish meals, typically in order to gain their favor in some way, either personally or professionally* [FD]). Данное значение усиливается и за счет контекста (*to influence them*).

УССС в примере (10) содержит устаревший компонент *moil*, который синонимичен первому компоненту и употребляется только в этом сочетании. За счет дублирования смысла усиливается экспрессивность выражения. В формировании смысла этого УССС лежит механизм рекуррентности, о чем свидетельствует повторение смысла за счет сочетания синонимов (*work hard and long* [ODEI]; *to work hard with little pleasure and for little profit* [LDEI]).

В примере (11) задействован механизм когнитивной метонимии. Аналогия по смежности конструируется в виде причинно-следственных отношений типа «кровь, пот и слезы как реакция на тяжелый труд» (*blood, sweat, and tears* – *very hard work; a lot of effort* [OIDE]).

(12) *Tom has put his heart and soul into passing his examinations* [LDEI].

В данном примере репрезентируется характеристика «реакция на стимулы». Побудительной причиной действовать с максимальной отдачей (*to do something with one's maximum effort and passion* [FD]) является сдача экзамена. Когнитивная метафора КОНТЕЙНЕР, задействованная в формировании смысла данного УССС, позволяет образно подчеркнуть те усилия, которые были вложены в подготовку и сдачу экзамена.

(13) *She's prepared to fight tooth and nail to get the job* [OIDE].

(14) *His friends moved heaven and earth to free him from prison* [OIDE].

Данные примеры также репрезентируют характеристику «поведение в конкретной ситуации». В первом примере представлена зооморфная метафора, основанная на наблюдении за отношениями между животными, которые во время схваток используют клыки и когти как инструменты борьбы. Это знание переносится на человека, в результате подчеркивается готовность использовать любые возможности для достижения цели (to fight, battle, or compete with great ferocity, vigor, and intensity [FD]).

В примере (14) за счет механизма когнитивной метафоры гиперболизированный образ передвижения неба и земли проецируется на усилия человека (do everything you can in order to help somebody, achieve something, etc. [OIDL]). Соединение компонентов сочетания восходит к древнейшим формам осознания и моделирования мира и связано с архетипическим противопоставлением «верх – низ». Через компоненты *heaven* и *earth* рассматриваемое УССС объективирует часть природно-ландшафтного кода культуры, элементы которого выступают как источник осмысления человеком окружающего мира [БФСРЯ: 309]. Механизм противопоставления (*heaven and earth*) усиливает образ, лежащий в основе сочетания, и подчеркивает широкое разнообразие используемых способов достижения цели.

(15) *I feel like we had to go through fire and water to get here, since all of our flights were either delayed or canceled* [FD].

Данный пример репрезентирует характеристику «реакция на стимулы». В контексте имеется указание на стимул, побуждающий к такому поведению (*all of our flights were either delayed or canceled*). В формировании смысла УССС *go through fire and water* (to face many challenges in the process of doing or accomplishing something [FD]) активизируется механизм когнитивной метафоры. Образная основа сочетания восходит к мифологической форме сознания мира, для которой характерно «почитание явлений природы как магически-божественных существ» [БФСРЯ: 263]. Испытание огнем и водой неоднократно упоминается в Библии, например, «We went through fire and through water; But You brought us out to rich fulfillment» [Psalms 65:12]. Прохождение через

огонь и воду ассоциируется с тяжелыми жизненными испытаниями. Как и в предыдущем примере, в формировании смысла данного УССС задействован также механизм противопоставления. Сочетание компонентов, указывающих на две противоположные природные стихии, подчеркивает не только суровость испытаний, но и стойкость физических и духовных сил того, кто им подвергается [БФСРЯ: 566].

(16) *This is a cutthroat business, and you must **do or die** if you wish to survive* [FD].

(17) *When the new director takes control it will be **kill or cure** for the struggling company* [LDEI].

В этих примерах репрезентируется характеристика «поведение в конкретной ситуации». В формировании смысла УССС *do or die* (to put forth the utmost energy and effort or else fail altogether [FD]) задействован механизм противопоставления, когда посредством глаголов *do* и *die* указывается на противоположные аспекты «активность – отсутствие активности» как крайние точки проявления деятельности человека. Тем самым подчеркивается необходимость прилагать все возможные усилия при выполнении стоящих задач, иначе человека ждет неудача, которая обозначена метафорой «НЕУДАЧА – ЭТО СМЕРТЬ».

В примере (17) подчеркивается, что действия нового директора компании, у которой и так дела идут плохо, приведут либо к улучшению ситуации, либо к полному провалу (extreme action which will either be a complete success or a complete failure [OIDL]). В формировании смысла этого УССС задействованы механизмы противопоставления и когнитивной метафоры. Провал деятельности образно представлен метафорой «НЕУДАЧА – ЭТО СМЕРТЬ», а благоприятный исход событий – метафорой «УСПЕХ – ЭТО ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ».

Соединение в сочинительной конструкции противоположных понятий в обоих УССС подчеркивает неустойчивость ситуации, в которой происходит деятельность человека. Сопоставление примеров (16) и (17) показывает также,

что не во всех случаях формирования смысла УССС реализуется принцип когнитивной выделенности «положительное перед отрицательным». УССС *do or die* соответствует данному принципу, в то время как в УССС *kill or cure* данный принцип не реализован. Фонетические особенности в этом случае преобладают над семантическими.

(18) *I've warned you about turning up to work late for the last time you need to **shape up or ship out!*** [FD].

(19) *There's been enough discussion. It's time for the government to **fish or cut bait*** [АНДИ].

Аналогичная характеристика объективируется и в этих примерах – «поведение в конкретной ситуации». В примере (18) аллитерация способствовала фразеологизации словосочетания. Оба компонента УССС объективируют метафорический перенос: ВЕРХ – ЭТО ХОРОШО (*shape up* – to improve your behaviour or performance [CD]), а метафора КОНТЕЙНЕР (*ship out* – to leave a situation [CD]) подчеркивает вторую поведенческую альтернативу – уход, в связи с чем активизируется механизм противопоставления. В процессе формирования смысла подчеркивается необходимость изменения поведения человека в соответствии с обстоятельствами ситуации (to either improve behavior, performance, or attitude, or else (be forced to) leave (a job, relationship, living situation, etc.) [FD]). Задействование принципа когнитивной выделенности позволяет реализовать оценочный смысл – улучшение поведения является для говорящего наиболее приоритетным.

Во втором примере задействованы аналогичные принципы и механизмы формирования смысла УССС – механизм противопоставления, механизм когнитивной метафоры и принцип выделенности. Знание о распределении действий между участниками рыбалки для достижения хороших результатов проецируется на деятельность правительства. В результате формируется оценочный смысл – пора переходить от слов к делу, что подчеркивается в контексте (*enough discussion*).

(20) *She has lost so many of her friends because of her **airs and graces*** [LDEI].

(21) *He was scolded for **aiding and abetting** the boys who were fighting* [DAIVP].

В данных примерах репрезентируется характеристика «поведение в соответствии с общественными нормами». В конструировании смысла первого УССС задействован механизм конкретизации, так как первый компонент является более широкозначным и означает манеру поведения в целом (*air* – *manner or appearance* [CD]), во втором компоненте сочетания уточняются характеристики поведения (*graces* – *the skills needed to behave in a way that is considered polite and socially acceptable* [LDOCEO]). Первый компонент во множественном числе приобретает отрицательную оценочность (*airs* – *a way of behaving that shows someone thinks they are more important than they really are* [LDOCEO]). При сочетании со вторым компонентом происходит иррадиация негативной оценки на все УССС в целом. Напыщенное поведение человека (*airs and graces* – *affected manners intended to give an impression of fastidious refinement (but provoking an opposite effect on the observer)* [ODEI]) не является нормой, так как одобряется, как правило, естественность.

В примере (21) УССС возникло как юридический термин, обозначающий различную помощь и подстрекательство к преступлению. В современном языке употребляется не только по отношению к противоправным, но и к иным общественно порицаемым действиям или поступкам, как это продемонстрировано в примере. В этом случае также активизируется механизм конкретизации (*aid* – *to help someone do something*; *abet* – *to help someone do something wrong or illegal* [LDOCEO]). Отрицательная оценка усиливается и за счет контекста (*He was scolded*).

(22) *Working in a big store means being at the customers' **beck and call** all day* [OIDL].

(23) *I think that management sees us all as lowly workers who should **bow and scrape** to them* [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «поведение в конкретной ситуации». В формировании смысла первого УССС задействован механизм когнитивной метонимии (*completely compliant or obedient to another person; catering to one's every need [FD]*). Аналогия по смежности «действие – способ» указывает на тип коммуникации между покупателем и работником низшего звена (устаревшее слово *beck* означает кивок головы или жест руки).

В примере (23) представлен аналогичный метонимический перенос с той лишь разницей, что невербальное поведение человека характеризуется как расшаркивание, означающее заискивание перед другими людьми. Значение УССС *bow and scrape* (*behave in an obsequious way to someone in authority [ODI]*) указывает на реализацию отрицательной оценки, которая усиливается в контексте за счет указания на более низкий социальный статус подчиненного (*as lowly workers*).

(24) *I hate having to **fetch and carry** for my husband all day. Why can't he do more for himself? [OIDL].*

(25) *I don't mind bringing you your coffee, but I don't intend to **wait on you hand and foot** [DAIPV].*

Данные примеры репрезентируют характеристику «поведение в конкретной ситуации». В первом случае активизируется механизм когнитивной метафоры, за счет которого знание о поведении животных (собак) в ситуации их обучения находить предмет и приносить его инструктору переносится на поведение человека (ср.: русской команде «Апорт!» соответствует английское «Fetch!»). В результате формируется смысл о выполнении человеком различных мелких поручений или желаний другого, зачастую помимо воли исполнителя (*go backwards and forwards bringing things to someone in a servile fashion [ODI]*). Контекст подчеркивает отрицательную оценочность высказывания (*I hate*).

В формировании смысла УССС в примере (25) использован механизм когнитивной метафтонимии. Часть этого сочетания *hand and foot* имеет мето-

нимическое переосмысление по принципу «действие – инструмент». Фразовый глагол *wait on* (serve, minister to, especially for personal needs or in a store or restaurant) [АНДИ]) является средством метафорического переноса «действовать по аналогии с официантом». Взаимодействие метонимии и метафоры позволяет подчеркнуть манеры поведения человека в конкретной ситуации (do everything for someone, serve someone's every need [АНДИ]). Отрицательная конструкция указывает на неготовность человека вести себя подобным образом.

Таким образом, активизация концептуальной области ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА сопровождается объективацией характеристик: поведение человека в конкретной ситуации, поведение человека как реакция на стимулы и поведение в соответствии с общественными нормами.

В конструировании смысла, репрезентируемого УССС, задействованы когнитивные принципы выделенности и иконичности. Наиболее часто востребованными являются механизмы когнитивной метафоры и противопоставления. Другими значимыми механизмами в обработке знаний выступают механизмы когнитивной метонимии, рекуррентности, метафтонимии и конкретизации.

2.1.5. Концептуальная область ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Интеллектуальная (ментальная) деятельность человека представляет собой ту часть жизнедеятельности, которая связана с познавательными (когнитивными) способностями (восприятием, памятью, мышлением, воображением) и проявлением разнообразных свойств и особенностей личности [Сираева 2014: 25]. Иначе можно сказать, что это специфическая активность человека по познанию и преобразованию окружающей действительности, связанная с его умственными способностями [Павленко, Зайцева 2012: 65]. Как правило, понятия «интеллектуальный» и «ментальный» считаются синонимичными: ментальный – умственный, относящийся к сознанию и интеллекту че-

ловека [Немов 2007: 210]. Интеллект понимается в психологии как «устойчивая совокупность общих умственных способностей человека, определяющих его возможности в выполнении различных видов деятельности» [Немов 2007: 153], как «общая способность к познанию и решению проблем, определяющая успешность любой деятельности и лежащая в основе других способностей» [БПС]. В психологии также подчеркивается связь интеллекта и мышления, заключающаяся в том, что они отражают различные стороны одного и того же явления. «Человек, наделенный интеллектом, способен к осуществлению процессов мышления. Интеллект — это способность к мышлению, а мышление — процесс реализации интеллекта» [Психология 2009: 207].

Обращение к концептуально-дефиниционному анализу лексем *intellect*, *intelligent* и *intelligence* позволяет с учетом фактов отмеченного выше научного знания определить характеристики описываемой концептуальной области (*Intellect* – the ability to understand and to think in an intelligent way; *intelligent* – showing intelligence, or able to learn and understand things easily; *intelligence* – the ability to learn, understand, and make judgments or have opinions that are based on reason [CD]). Значимыми характеристиками признаются 1) способность к пониманию и мышлению, 2) способность к обучению (усвоению знаний), 3) способность к принятию решений и 4) формирование мнений на основе здравого смысла.

Обратимся к конкретным примерам:

(1) *I am **bound and determined** to lose weight, so please don't bring any sweets into the house* [FD].

Данный пример репрезентирует характеристику «способность к принятию решений», заключающееся в решимости выполнить какое-либо действие. В УССС *bound and determined* сочетаются близкие по значению слова, отличающиеся лишь тем, что во втором компоненте акцент ставится на определенность принятого решения и решимость его выполнять (*bound* – certain to do something, or certain to happen [CD]; *determined* – having made a definite decision to do something and not letting anyone prevent you [OLD]). В результате действия

механизма конкретизации подчеркивается решительный настрой человека как продуманный, мотивированный шаг к осуществлению деятельности (very focused and devoted to completing a particular task or goal [FD]).

(2) *It's time **to wake up and smell the coffee**: you're not going to pass this course unless you start working harder [OIDLE].*

(3) *A loud noise from the front of the room caused everyone to **sit up and take notice** [DAIPV].*

В данных примерах активизируется характеристика «способность к пониманию», выражающаяся в том числе в сознательном контроле внимания. Из контекста примера (2) следует, что слушающего побуждают обратить внимание на положение вещей и направить свою деятельность на преодоление сложностей. В формировании смысла данного УССС задействован механизм когнитивной метафоры. Осознание действительности сравнивается с пробуждением человека ото сна и активизацией всех органов чувств. Порядок следования компонентов сочетания организован в соответствии с принципом иконичности последовательности действий. В результате конструируется смысл «become aware of the realities of a situation, however unpleasant» [ODI].

В примере (3) причиной изменения фокуса внимания стал громкий шум. В формировании смысла УССС также прослеживается действие механизма когнитивной метафоры: поведение человека описывается по аналогии с поведением собаки, которая реагирует на шум (to become suddenly attracted to or interested in something and start paying attention to it, especially after being previously unconcerned [ADEP]). Порядок следования компонентов, как и в предыдущем примере, соответствует принципу иконичности.

(4) *Ever since high school, I've been **living and breathing** literature [FD].*

В данном случае репрезентирована характеристика «способность к усвоению знаний». В представленном контексте литература обозначена как смысл жизни человека. УССС сконструировано на основе механизма когнитивная метонимия. Понятие о жизненной необходимости чего-либо (*live*) усиливается

за счет компонента *breathe*, указывающего на метонимический перенос «дыхание как функция организма, обеспечивающая жизнь». Эти отношения свидетельствуют также и об активизации механизма конкретизации. В результате формируется оценочный смысл «be extremely interested in or enthusiastic about a particular subject or activity» [ODI].

(5) *He keeps **blowing hot and cold** on the question of moving to the country* [DAIPV].

(6) *The president spent most of his speech **backing and filling** on the question of taxation* [DAIPV].

(7) *In the old days you went into a job at sixteen and you stayed there for life – you didn't **chop and change** like they do nowadays* [LID].

Данные примеры репрезентируют характеристику «способность к принятию решений». Особенность принятия решения заключается в постоянном изменении своего мнения. Основным когнитивным механизмом формирования смысла в этих примерах является когнитивная метафора. В первом случае источником возникновения УССС обычно называют басню Эзопа, в которой человек в зимний день сначала дул на руки, чтобы согреть их, а затем, на горячий суп, чтобы охладить его. Можно предположить, что басня послужила лишь литературным стимулом для создания сочетания, так как знание о том, что таким способом можно согреть руки и охладить что-то горячее, известно человеку из опыта. За счет механизма противопоставления подчеркивается отсутствие уверенности в правильном принятии решения. В результате формируется смысл о постоянном колебании человека в принятии нужного решения (*keep changing your opinions about somebody/something* [OIDL]).

Во втором примере задействована морская метафора. Изменение мнения, неопределенность в принятии решения сравнивается с движением судна назад и вперед. Компонент *back* означает такое положение парусов, чтобы ветер дул в них спереди и тем самым прижимал их к стеньгам, тогда корабль получает задний ход. Компонент *fill* означает наполненные ветром паруса (ве-

тер дует в паруса сзади и судно движется вперед). Механизм противопоставления в этом случае указывает на широкий разброс возможных решений, принимаемых человеком (to temporize or vacillate [DOC]). Данное сочетание сконструировано по принципу иконичности, так как в нем отражены переменные осуществляемые действия человека по управлению судном и парусом.

В последнем примере представлено соединение исконно английского слова и французского заимствования (OE *seapian* «to bargain»; Old French *change* «exchange» [EtymO]) с идентичными значениями, означающими «торг, обмен», что свидетельствует об активизации механизма рекуррентности. Со временем торговое значение слова *shop* ушло из языка, а форма УССС сохранилась благодаря аллитерации и построению по принципу «короткое слово – длинное слово». Метафорический перенос конструируется за счет первого компонента. Знание о том, как изменяется форма объекта вследствие нарезания переносится на ситуацию принятия решения (to keep changing your opinions or your way of doing things, especially in an annoying way or without any good result [LID]).

Все УССС данной группы реализуют негативную оценку, так как неспособность определиться в принятии решения обычно считается отрицательным качеством личности.

(8) *There are so few jobs in banking at the moment that you're not really in a position to **pick and choose*** [OIDL].

В данном примере репрезентируется аналогичная характеристика. В формировании смысла данного УССС задействован механизм рекуррентности, так как имеет место сочетание двух синонимов (*pick* – to choose a person or thing, for example because they are the best or most suitable; *choose* – to decide which one of a number of things or people you want [LDOCEO]). Принятие решения заключается в выборе лучшего варианта из возможных (select only the best or most desirable or appropriate from among a number of alternatives [ODI]).

(9) *He's truly **between Scylla and Charybdis** this time, so he'd better get some good advice* [CCID].

(10) *I was **between the devil and the deep blue sea**, for if I didn't take out another loan – and go deeper into debt – I could not pay off the debts I already owed [FD].*

(11) *The workers now feel that they are caught **between a rock and a hard place**. They don't agree with the new terms and conditions, but if they go on strike they may lose their jobs altogether [OIDLE].*

(12) *The police knew with certainty he had drugs in his car, so he became trapped **between the hammer and the anvil**: either lie to the police, or admit that the drugs belonged to him [FD].*

Примеры (9-12) также репрезентируют характеристику «способность к принятию решений». Все четыре УССС образованы по одной синтаксической модели. В конструировании смысла этих УССС активизируется механизм когнитивной метафоры, указывающей на ассоциацию «выбор между двух зол – это отсутствие выбора». Сочетание *between Scylla and Charybdis* является интернациональным и восходит к древнегреческим мифам о чудовищах Сцилле и Харибде, которые обитали по обе стороны Мессинского пролива между Италией и островом Сицилия. Сцилла – шестиголовое существо, жившее на скале со стороны Италии, – пожирало проплывавших мимо мореплавателей. Харибда – морское чудовище, обитавшее у берегов Сицилии, – устраивало водовороты и поглощало таким образом корабли. Пролив был настолько узким, что была большая вероятность стать жертвой либо одного, либо другого монстра.

УССС *between the devil and the deep blue sea* появилось в XVII веке. Процедура законопачивания и/или смоления шва на корпусе корабля у ватерлинии в открытом море была опасной из-за труднодоступности места и неудобств при выполнении работы. Считается, что слово *devil* означало тот самый шов, который надо было заделывать [CollID; WPO].

Сочетание *between a rock and a hard place* подчеркивает опасность для кораблей, так как любое столкновение может привести к кораблекрушению.

В примере (12) метафора связана с кузнечным делом. Попадание между молотом и наковальней опасно, так как приводит к серьезным повреждениям.

В результате создаваемых ассоциаций формируется знание о трудности в выборе решения, так как любое решение может быть опасным (caught in a dilemma; trapped between two equally dangerous alternatives [ODI]). В приводимых контекстах содержится указание на ситуации, в которых перед человеком встает сложный выбор: между выплатой долга и взятием еще одного кредита; между забастовкой и возможным увольнением; между ложными показаниями полиции и признанием вины.

(13) *We came through the economic disaster **sadder but wiser**, hopefully better prepared for such disasters in the future* [FD].

(14) *I left my bike unlocked for five minutes and it was stolen. You **live and learn** I suppose* [FD].

В примерах (13-14) репрезентирована характеристика «способность к усвоению знаний». В обоих УССС задействован принцип иконичности, так как человек делает выводы на основе уже произошедших неприятных событий. Жизненный опыт при этом понимается как следствие интеллектуальной деятельности человека – «совокупность знаний, представлений, умений и навыков, получаемых или самостоятельно приобретаемых человеком в процессе жизни» [Немов 2007: 259]. В формировании смысла первого УССС активизируется механизм противопоставления, усиленный противительным союзом, между получаемым знанием и сопровождающими этот процесс негативными чувствами. Сочетание форм прилагательных в сравнительной степени усиливает степень развития указанной способности (more knowledgeable or experienced after having gone through something unpleasant or unfortunate [FD]). Во втором примере за счет конструирования отношений «часть – целое» на основе механизма когнитивной метонимии подчеркивается, что получение знаний является жизненной необходимостью. Уместно будет привести русскоязычный аналог – «век живи, век учись», подчеркивающий постоянную необходимость усвоения знаний.

(15) *After spending hours working with the new piece of software, I still could **not make head or tail out of it*** [FD].

(16) *There seems to be **no rhyme or reason** for the changes and contradictions in government policy* [LID].

Данные примеры репрезентируют характеристику «способность к пониманию». Оба УССС чаще используются в отрицательных контекстах для обозначения непонимания. В первом сочетании задействован механизм когнитивной метафоры, на основе которого начало и конец ассоциируются с частями тела животного (голова и хвост), образно представляя протяженность объекта. При этом соблюдается принцип иконичности (в случае с началом и концом чего-либо) и принцип выделенности (верхняя часть объекта обычно более выделена, так как концептуализация пространства чаще идет по принципу «верх – низ»). Необходимо отметить также и механизм противопоставления крайних точек некоторой шкалы, в рамках которой находится искомое содержание. В результате формируется оценочное знание о тотальном непонимании (*to fail to understand something* [DOC]).

УССС из второго примера представляет интерес, так как является аллитерированным сочетанием, в котором задействован механизм когнитивной метонимии. Оба компонента сочетания *rhyme* и *reason* указывают на такие частные характеристики речевого продукта, как рифма и правдоподобность. Отрицательная конструкция подчеркивает отсутствие данных характеристик, что, в свою очередь, приводит к трудностям в понимании постоянных изменений в политическом курсе правительства (*no particular logic, sense, method, or meaning of a given situation, action, person, thing, group, etc.* [FD]).

(17) *I think he **put two and two together** and realized that John had been stealing from him this whole time* [FD].

(18) *When my sister lost my favorite book, I was angry at her for weeks, but my mother finally convinced me to **forgive and forget*** [DAIPV].

В данных примерах отражена характеристика «формирование мнений на основе здравого смысла». В первом случае задействован механизм когнитивной метафоры. Несложное арифметическое действие «два плюс два» перенос-

сится на ситуацию, в которой человек на основе простых фактов делает логические умозаключения (to determine, guess, or infer something from the available evidence, especially something that is very obvious or easy to guess [FD]).

Во втором УССС за счет реализации принципа иконичности подчеркивается последовательность двух ментальных действий – простить и забыть, что позволяет подчеркнуть здравый смысл такого взгляда на ситуацию (decide to forget an argument, an insult, etc. [OIDL]). На основе дефиниционного анализа устанавливается причинно-следственная связь между последовательными действиями, что активизирует механизм противопоставления. В данном случае противопоставляется причина «простить» и следствие «забыть» (*to forgive* – to stop blaming or being angry with someone for something that person has done, or not punish them for something; *to forget* – to stop thinking about someone or something [CD]). Формирование этого мнения было обусловлено рядом убедительных аргументов (*my mother finally convinced me*).

Таким образом, как показал фактологический анализ, активизация концептуальной области ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА обеспечивается акцентированием таких характеристик, как способность к принятию решений, способность к пониманию, способность к усвоению знаний и формированию мнений на основе здравого смысла.

В процессах формирования смысла, объективируемого УССС, задействованы когнитивные принципы иконичности и выделенности. Наиболее часто востребованным механизмом является механизм когнитивной метафоры. Помимо этого, задействованы механизмы когнитивной противопоставления, метонимии, конкретизации и рекуррентности.

2.1.6. Концептуальная область РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Речь – это деятельность человека, в процессе которой язык используется в целях общения, оформления мыслей, познания окружающего мира, выражения эмоций, планирования своих действий и т.д. Под речью понимают как сам

процесс (речевую деятельность), так и его результат (устные и письменные тексты) [Евтюгина 2019: 47]. С учетом этого определения, а также результатов концептуально-дефиниционного анализа лексемы *speech* (the faculty or act of speaking; the faculty or act of expressing or describing thoughts, feelings, or perceptions by the articulation of words; what is spoken or expressed, as in conversation; uttered or written words; one's manner or style of speaking [АНДЕЛ]) выделяются следующие характеристики концепта SPEECH, на основе которых осмысливается концептуальной областью РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: 1) говорение как выражение мыслей; 2) говорение как выражение эмоций; 3) форма речи; 4) продукт речи; 5) манера речи; 6) цель речи.

Обратимся к анализу конкретных примеров:

(1) *We knew it must be bad news because Jane kept **hemming and hawing** and changing the subject [LID].*

(2) *We watched the fireworks, **oohing and aahing** with everyone else [CD].*

(3) *He dressed pretty well for a man who's always **moaning and groaning** about how little he earns [ODEI].*

В приведенных примерах репрезентируется характеристика «манера речи». В первом примере откладывается момент сообщения плохих новостей напрямую путем частой смены предмета разговора и использования пауз hesitation. Компоненты УССС обозначают звуки, которые издают люди для заполнения таких пауз *hum/hem and haw // um and aah*. За счет механизма когнитивной метонимии реализуется ассоциация по смежности «уклончивость – способ достижения» (to be evasive; to say "ah" and "eh" when speaking – avoiding saying something meaningful [DAIPV]).

Аналогичный процесс формирования смысла представлен и во втором примере. Разница заключается в том, что произносимые звуки *ooh* и *aah* указывают на способ выражения удивления (make sounds of astonishment, wonder, horror etc., esp. to show enjoyment and relish [ODEI]).

В третьем примере сочетаются лексемы *moan* и *groan*, которые имеют очень схожие значения и общее германское происхождение (*moan* – to complain in an annoying way, especially in an unhappy voice and without good reason [LDOCEO]); *groan* (to make a long deep sound because you are in pain, upset, or disappointed, or because something is very enjoyable; to complain about something [LDOCEO]). В формировании смысла задействован механизм когнитивной метонимии, за счет которого создается ассоциация по смежности «неудовлетворение – способ выражения», и механизм рекуррентности, так как происходит дублирование смысла за счет повтора компонента смысла «complain», что усиливает негативный характер оценки. Человек вечно жалующийся не вызывает сочувствия, что подтверждается в контексте (*always*).

(4) *You can't be so vague if you want to convince me. You'll have to **give chapter and verse*** [FD].

(5) *“The garden’s still a mess, as you can see.” “I dare say you’ve been kept too busy with other things.” “No; I’ll **tell the truth and shame the devil** – I’ve been not too busy, but too lazy”* [ODEI].

(6) *Plenty of people voice their opinion from the safe anonymity of the Internet, but very few will **stand up and be counted** when it matters* [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «продукт речи». В формировании смысла УССС в примере (4) задействован механизм когнитивной метафоры. Компоненты сочетания обозначают главы и строфы Священного писания, цитаты из которого на протяжении долгого времени служили истиной в последней инстанции. Привести конкретную цитату из Библии значило полностью доказать свою правоту. Необходимо отметить соблюдение принципа иконичности и механизма конкретизации, заключающиеся в логической последовательности указания на точное место в книге (сначала более значительный объем текста, затем более конкретное место в нем). В процессе формирования смысла конструируется оценка продукта речи (to provide full, specific, and authoritative information to support some quote, question, or issue at hand [FD]).

В примере (5) метафорическому переосмыслению подвергается второй компонент УССС – *shame the devil*. «Опозорить дьявола» в данном случае можно интерпретировать как «действовать вопреки соблазну». Таким образом, второй компонент УССС усиливает и придает экспрессивность значению всего сочетания. В результате формируется смысл «говорить правду в ситуации, где есть соблазн солгать» (*tell the truth, esp in circumstances where there seem to be good reasons or strong temptations not to do so [ODEI]*).

В примере (6) при формировании смысла задействован механизм когнитивной метафоры. Возникновение данного УССС на рубеже XX века в США связывают со способом подсчета голосов на каком-либо голосовании [DOC], когда человек, отдающий голос встает и его можно посчитать. Таким образом, произошел перенос с голосования путем вставания с места на высказывание своего мнения открыто, не боясь последствий (*to say something or make your opinion clear, even if this is dangerous or might cause problems for you [LID]*). Принцип иконичности проявляется в соблюдении временной последовательности событий (ведется подсчет тех, кто уже встал).

(7) *They effed and blinded at him and told him to go away [CD]*.

В данном примере репрезентирована характеристика «манера речи» (*used to say that someone is swearing a lot, especially when this offends you [LID]*). В формировании смысла эвфемистического УССС задействован механизм когнитивной метонимии. Компоненты сочетания обозначают начальные буквы известных нецензурных слов [ODI]. В результате конструируется смысл «употребление ненормативной лексики», в связи с чем сочетание имеет отрицательную оценочность.

(8) *The report names and shames companies that are not doing enough to fight industrial pollution [CD]*.

В этом случае репрезентирована характеристика «цель речи» (*identify wrongdoers by name with the intention of embarrassing them into improving their behaviour [ODI]*). УССС *name and shame* конструируется при помощи меха-

низма генерализации по принципу приоритета конкретного (*name*) над абстрактным (*shame*). К тому же, обличение человека (или организации) в неблагоприятных поступках обычно предполагает указание их имен, что подтверждается контекстом (*companies that are not doing enough*).

(9) *Everyone is demanding that the government **tar and feather** the bank executives behind the scandal, but I'd be willing to bet that all they'll receive is a slap on the wrist* [FD].

(10) *You should spend less time **ranting and raving** about how unfair your professor is and spend more time actually studying the material* [FD].

(11) *The company's decision to send thousands of jobs overseas started a real **hue and cry** as people threatened to boycott its stores* [FD].

В данных примерах репрезентирована характеристика «манера речи». В формировании смысла УССС в примере (9) задействован механизм когнитивной метафоры. Компоненты сочетания отсылают к старому типу наказания (самосуда), заключавшегося в том, что правонарушителей прилюдно намазывали смолой или дегтем и посыпали перьями. В частности, такие традиции существовали в XII веке на Британском флоте и во время Гражданской войны в США. Это знание переносится на область речевой деятельности человека. В результате создается образность в оценке манеры речи (*tar and feather – to severely criticize, reprimand, or excoriate someone, especially in a public and humiliating manner* [FD]). В этом примере также соблюдается принцип иконичности, указывающий на последовательность действий, репрезентируемых компонентами УССС.

В примере (10) сочетание двух синонимов с очень близким значением подчеркивает характер речевого действия (*to speak wildly and angrily about some circumstance or issue* [DOC]) и усиливает экспрессивность сочетания (*to rant – to speak, write or shout in a loud, uncontrolled, or angry way, often saying confused or silly things; to rave – to speak in an uncontrolled way, usually because you are upset or angry, or because you are ill* [CD]). Компоненты УССС своими значениями указывают на активизацию механизма рекуррентности.

УССС в примере (11) соотносится со средневековым законом, в соответствии с которым люди, услышавшие призыв гнаться за преступником (чаще всего, вором) должны были присоединиться к погоне и при этом кричать и шуметь. Компонент *hue*, употребляющийся только в этом ФЕ, имеет французское происхождение (Old French *huee* – outcry, noise, tumult; war or hunting cry [EtymO]). Второй компонент имеет то же происхождение, но более широкую семантику, что свидетельствует об активизации механизма генерализации. В формировании смысла сочетания задействован также механизм когнитивной метонимии по принципу «звуки вместо действия».

(12) *The **cut and thrust** of a debate sure gives me an adrenaline rush!* [FD].

(13) *They got into some heated debate about whether Star Wars or Star Trek is better. They've been **thrusting and parrying** like that for the last hour* [FD].

(14) *This meeting is shaping up to be a **knock-down, drag-out** fight between the two rival executives, who have each been trying to recruit allies* [FD].

В этих примерах репрезентируется характеристика «манера речи». В формировании смысла УССС в примере (12) задействован механизм когнитивной метафоры. Знание о фехтовании как системе владения ручным холодным оружием переносятся на речевое действие. В результате создается ассоциация «резкость и колкость речи как виды ударов в фехтовании». В результате сочетания компонентов УССС формируется оценка манеры, в которой проходил обмен мнениями (*lively debate or argument; an enthusiastic exchange of ideas* [FD]).

Характер формирования смысла в примере (13) является аналогичным предыдущему. Метафорический перенос заключается в том, что удары в фехтовании – выпад (колющий удар) и отбив – переносятся на речевое действие. В результате реализуется оценка манеры речи, которая была похожа на вербальную дуэль (*to engage in a verbal duel with someone, in which both parties continuously exchange arguments, quips, and retorts* [FD]). Соединение в УССС обозначений последовательно сменяющихся друг друга разнонаправленных

действий свидетельствует об активизации механизма противопоставления и принципа иконичности.

В примере (14) также представлен механизм когнитивной метафоры, когда знание о действиях в драке или боксе переносятся на речевые действия. В результате сочетания компонентов УССС также формируется оценка манеры речи (*fight, argument, or conflict that is lengthy, intense, and contentious* [FD]). Форма рассматриваемого УССС варьируется (*knock-down-drag-out* [CollID]) и может употребляться с соединительным союзом (*knock-down-and-drag-out* [CollID]). Компонент *fight* является переменным, то есть может заменяться другим подходящим словом или вовсе опускаться (ср. “Are we at peace?” “Yes, and I’m damn uncomfortable.” “We almost had our first real knock down and drag out.” (J.O’Hara, “From the Terrace”) [Кунин 1984: 428]).

Оценочность всех трех УССС определяется контекстом. В первом случае (*threatened*), в двух последующих примерах общение сравнивается с дебатами разной степени интенсивности (*the cut and thrust of a debate; some heated debate*). Прилив адреналина, о котором упоминается в примере (12), возможен как при положительных, так и при отрицательных эмоциях. Двоякая оценка возможна и в примере (13). В примере (14) оценка отрицательная в связи с тем, что примененный в сочетании образ предопределяет напряженный и острый характер протекания дискуссии.

Таким образом, в ходе активизации концептуальной области РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА значимыми являются характеристики «манера речи», «продукт речи» и «цель речи». В формировании смысла, репрезентируемого УССС, выявлен когнитивный принцип иконичности. Основными механизмами обработки знания являются механизмы когнитивной метафоры и метонимии, а также механизмы рекуррентности, генерализации и конкретизации.

2.2. Концептуально-тематическая область АРТЕФАКТ

Под термином «артефакт» понимается любой материальный объект (предмет или вещь), созданный или измененный человеком [Немов 2007: 28]. Понятие «артефакт» позволяет различать природные объекты (натурфакты) и объекты, созданные человеком (лат. *arte factum* – «искусственно сделанное»). Данное понятие широко используется в когнитивных исследованиях языка, хотя в толковых словарях дефиниции до сих пор сохраняют археологическую составляющую в виде отсылки к исторической ценности объекта, например, *an object produced or shaped by human craft, especially a tool, weapon, or ornament of archeological or historical interest* [АНДЕЛ]. Для данного исследования важным является понимание того, что любой артефакт – это объект, являющийся результатом труда и интеллектуальных усилий человека. Именно в тесной связи с человеком заключается лингвокогнитивная ценность артефакта и его имени. Знания об объектах действительности, с которыми человек относительно часто сталкивается или которыми он постоянно пользуется, становятся объектом для создания фразеологизмов. Употребление во фразеологизмах названий артефактов иллюстрируют, таким образом, антропоцентрическую направленность фразеологии. Создаваемые человеком объекты имеют определенную функциональную нагрузку: человек создает что-то с какой-то целью, часто для удовлетворения своих потребностей. Анализ языкового материала позволил выявить несколько групп УССС, включающих имена артефактов, связанных с физиологическими потребностями (потребность в пище) или с осуществлением социальных потребностей (необходимость в определенной одежде и ее описание). Описание быта человека связано с отражением во фразеологии наименований разнофункциональных жилых и нежилых помещений. Через описание артефактов человек объективирует свое отношение к ним с точки зрения их функциональной значимости.

Обратимся к примерам:

(1) *All graduates need to be here in cap and gown at 9 AM tomorrow* [FD].

(2) *Tell him that he doesn't need to get all dressed up for this event – a **coat and tie** is perfectly fine* [FD].

(3) *A few of the farm-workers, looking rather uncomfortable in their **collars and ties**, attended the funeral service* [ODEI].

(4) *The men were told to put on their **best bib and tucker** for the dinner dance* [AHDI].

В данных примерах репрезентируется характеристика «функциональное назначение одежды». Одежда человека играет значимую роль в осуществлении им социальной потребности общения и выполняет функцию определенного социального маркера. В формировании смысла УССС в представленных примерах задействован механизм когнитивной метонимии по принципу «человек – одежда». В первом случае УССС описывает одежду для официальных мероприятий в университете (особенно по случаю его окончания), основными элементами которой являются головной убор (берет с квадратным верхом) и мантия (плащ) – «ceremonial dress worn at graduation exercises» [AHDI].

Во втором примере акцентируется внимание на том, что мероприятие не слишком формальное, поэтому достаточно надеть пиджак и галстук (semi-formal attire for men that consists of a sports coat and tie [FD]).

В примере (3) на функциональное назначение одежды указывается в контексте (*the funeral service*). Непривычная для фермеров одежда *collars* и *ties* метонимически подчеркивает респектабельность внешнего вида (*collars and ties – a respectable appearance, or a proper sense of occasion* [ODEI]).

В последнем примере данной группы компонентами УССС являются наименования устаревших элементов одежды (*bib – frill at front of a man's shirt; tucker – ornament lace covering a woman's neck and shoulders* [AHDI]). Как и в предыдущих примерах на функциональное назначение одежды указывается в контексте (*the dinner dance*).

(5) *Finger-bowls and napkin rings and flowers! If she would cut out the **frills and furbelows** and learn to cook a decent meal she would make a better job of running a guest-house* [ODEI]

(6) *They're not like our children. Any picture books they're given are reduced to rags and tatters within a week* [ODEI].

(7) *I can never find what I need amongst all the odds and ends in this drawer!* [FD].

В приведенных примерах фокус на функциональное назначение артефакта специфицируется – в первом случае с акцентом на функцию деталей украшения одежды, во втором случае – на временной показатель функционального использования артефактов, а в последнем – на количественный параметр. Соответственно в формировании смысла УССС в данных примерах задействован метонимический перенос в виде следующих отношений: «одежда – детали украшения», «изношенность как следствие длительного использования артефакта» и «часть от целого». В результате в первом примере этой группы реализуется негативная оценка, указывающая на то, что излишество в использовании декоративных элементов не является показателем эффективной работы (*frills and furbelows* – any eye-catching finery or anything not essential to the main purpose or value of something [ODEI]). Сослагательное наклонение в контексте указывает на нереализованность данного показателя (*she would make a better job of running a guest-house*).

Во втором примере происходит соединение синонимов, имеющих скандинавское происхождение и пришедших в английский язык примерно в одно время [EtymO]. В формировании смысла помимо отмеченного выше задействован также механизм рекуррентности (*rags* – clothes that are old and torn [CD]; *tatters* – clothing that is old and torn [LDOCEO]), обеспечивающий сочетание дополнительную экспрессивность. Негативная оценочность репрезентируется семантикой УССС (*rags and tatters* – old, torn or worn-out clothes, soft furnishings, papers etc. [ODEI]).

Последний пример данной группы представляет особый интерес также и с точки зрения формы. Форма УССС в виде сочиненных компонентов *odds and ends* образовалась из подчинительного словосочетания *odd ends* (short left-

overs from bolts of cloth [DOC]). Дефиниционный анализ компонентов сочетания позволяет предположить, что мотивировкой сцепления слов на основе сочинительной связи стал общий компонент смысла – «небольшой остаток»: *odd* (*adj.*) – constituting a remainder; small in amount [AHDEL]; *end* (*n*) – a small part of something that is left after most of it has been used [CD]. В результате формируется смысл «an assortment of small, miscellaneous items, especially those that are not especially important or valuable» [FD].

(8) *Wilbur knew that if he got in trouble again it would be at least a year on bread and water* [DAIPV].

(9) *There wasn't much to eat; all they served was a chip and dip* [AHDI].

В данных примерах репрезентируется характеристика «функциональное назначение продуктов питания». В этих примерах также активизируется механизм когнитивной метонимии, за счет которого конструируются отношения «часть от целого». Целое представлено рационом питания, а часть в первом примере представлена такими продуктами, как хлеб и вода (the most minimal meal possible [DAIPV]), во втором примере – чипсы и соус (a snack food or an appetizer consisting of potato chips, crackers, or raw vegetables (like carrot sticks) that are used to scoop up a dip, a savory creamy mixture [AHDI]). В результате в первом примере формируется отрицательная оценка подобного рациона как недостаточного для полноценного питания. Причиной является бедственное положение человека (*in trouble again*). Аналогичная оценка представлена и во втором примере, контекст указывает на причину скудного рациона (*There wasn't much to eat*).

(10) *The new president of the college preferred to invest in new faculty members rather than bricks and mortar* [FD].

(11) *After a terrific performance, Katy is heading to the kiss and cry corner to wait with her coach while the judges tally their marks* [FD].

(12) *We had to start shopping at five-and-tens after my dad lost his job* [FD].

(13) *I'll go back to the mall tomorrow and check the lost and found for my glasses* [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «функциональное назначение зданий/помещений». В формировании смысла УССС в данных примерах задействован механизм когнитивной метонимии. В первом примере сочетание наименований строительных материалов – кирпичей и раствора – метонимически обозначают целое сооружение. За счет сравнительной конструкции в контексте подчеркивается значимость инвестирования в благосостояние преподавательского состава, а не в недвижимость.

В примере (10) речь идет о специальном месте в спортивном комплексе, где фигуристы ожидают оценок жюри после выступления (*an area in an ice skating rink where figure skaters rest while awaiting their results after a competitive performance [FD]*). Метонимические отношения «помещение – функция» образно указывают на доминирующую атмосферу в этом месте. Спортсмены после выступления испытывают массу эмоций, которые выражаются различным образом. Типичным является поцелуй с тренером и слезы радости или печали в зависимости от качества выступления.

В примере (11) УССС обозначает магазин низких цен (*a retail store selling a variety of items for very low prices [DOC]*). Другим вариантом этого УССС является *five-and-ten/dime*. Пяти и десятицентовые монеты метонимически обозначают фиксированные низкие цены на продаваемые в таком магазине товары. Порядок следования компонентов сочетания от меньшего к большему иконически отражает естественную последовательность счета. Цены на товары в таких магазинах уже давно гораздо выше, чем пять или десять центов, но название сохраняется, что свидетельствует о высокой степени идиоматизации УССС.

В последнем примере этой группы УССС *lost and found* обозначает специальное помещение, которое известно в нашей стране как «бюро находок» (*an office or department that handles items that someone has lost that have been found by someone else [DAIPV]*). За счет метонимических отношений «помещение – название» раскрывается функциональное назначение объекта. Сле-

дует отметить также принципом иконичности, в соответствии с которым построено это сочетание. Естественный ход событий представлен последовательностью действий – сначала вещь теряется, а затем ее находят.

Таким образом, опора на концептуально-тематическую область АРТЕФАКТ в процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС, сопровождается активизацией характеристик, указывающих на функциональное назначение различных материальных объектов – продуктов питания, одежды, зданий и помещений, а также функциональное назначение деталей украшения объектов.

Значимыми в процессах формирования смысла в концептуально-тематической области АРТЕФАКТ являются когнитивный принцип иконичности и механизмы когнитивной метонимии и рекуррентности.

2.3. Концептуально-тематическая область ПРОСТРАНСТВО

Пространство – это фундаментальное свойство бытия, которое фиксирует форму и протяжённость его существования. С концептуализацией пространства связано основное условие существования мира – наличие места, в котором (со)существуют предметы и явления [Пространство-2021]. В обыденном сознании под пространством подразумевается трёхмерное физическое пространство объективно наблюдаемого мира. Чаще всего оно интуитивно понимается как определённое место представленных в нём событий и действий, универсально вмещающее физические объекты и связанные с ними явления [там же]. Эти данные подтверждаются словарными дефинициями слова *space* (the infinite extension of the three-dimensional region in which all matter exists; an extent or expanse of a surface or three-dimensional area; an area provided for a particular purpose [АНДЕЛ]).

На уровне обыденного сознания пространство репрезентировано в нестрогих спецификациях, например, «верх– низ», «центр – периферия», «поверхность – глубина», «близость – удаленность». Таким образом эксплициру-

ется то, в каких именно координатах и векторах описывается динамика и статика человеческого существования, конструируется его онтология [Пространство-2021]. Эти положения дают основания выделить такие характеристики концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО, как 1) горизонтальный вектор в пространстве, 2) вертикальный вектор в пространстве, 3) вектор приближения и отдаления, 4) вектор движения внутрь или наружу.

Рассмотрим конкретные примеры:

(1) *I try to keep some cash **here and there** around the house in case of emergencies* [FD].

(2) *People ran **hither and thither** when the store opened its doors for the big sale* [FD].

(3) *We've been **here, there, and everywhere** looking for the cat, but no luck yet* [FD].

Данные примеры репрезентируют характеристику «горизонтальный вектор в пространстве». Эти УССС объединены общей системой координат: первая точка «здесь» – обозначает место, непосредственно связанное с говорящим, вторая – «там» – отсылает к удаленной точке в пространстве. Данные УССС сконструированы в соответствии с принципом выделенности, так как наиболее выделенным для наблюдателя является расположенное рядом с ним пространство, а менее выделенным отдаленное пространство. Соотнесение двух разных точек в пространстве указывает на значительный его охват. Это приводит к формированию смысла «повсюду, в разных местах или в разных направлениях». Если в примере (1) этот смысл подчеркивается и контекстом (*around the house*), то в примере (2) описание разнонаправленного движения людей по магазину во время большой распродажи профилируется посредством устаревших наречий, по значению близких наречиям *here* и *there*. Негативный оценочный фон, проецируемый данным УССС, – необоснованная, суетливая беготня, свойственная для данного типа шопинга – подчеркивается в контексте глаголом *ran*, так как подобное перемещение возможно только в большом пространстве. В первых двух примерах активизируется механизм

противопоставления, а УССС *here, there, and everywhere* в примере (3) сформировано на основе механизма генерализации, так как лексема *everywhere* обобщает значение двух предыдущих компонентов. В результате пространственные характеристики репрезентируются неоднократно, подчеркивая разнонаправленность поисков, а контекст указывает на отсутствие их результативности. За счет избыточности формы активизируется оценочный потенциал УССС – разочарование безуспешностью предпринятых действий.

(4) *We travel **back and forth** all the time between Canada and England* [LDOCEO].

(5) *I was pacing **backwards and forwards** in my room last night, worrying about this morning's exam* [FD].

(6) *She paced **to and fro** while she waited for the doctors to give her an update on her husband* [FD].

Данные УССС также репрезентируют характеристику «горизонтальный вектор в пространстве». Примеры (4-5) демонстрируют сначала направление назад, затем вперед, а в примере (6) сначала указывается направление к какому-то объекту, затем обратное направление («from one place to another and back» [FD]). За счет соотнесения разновекторных направлений формируется новое знание о периодической смене направления и, соответственно, регулярной повторяемости описываемых действий. Это подчеркивает также действие механизма противопоставления.

(7) *They were all jumping **up and down** and screaming excitedly* [LDOCEO].

(8) *I've searched **high and low** for that old photo album, but I can't find it anywhere* [FD].

(9) *I had to go **up hill and down dale** to find an open shop, but finally I found a tiny corner market in the hamlet* [FD].

Эти примеры объективируют характеристику «вертикальный вектор в пространстве». Оппозиция «верх – низ» в большинстве случаев зафиксирована в УССС именно в таком порядке, что говорит о задействовании принципа ко-

гнитивной выделенности верхней точки пространства и механизма противопоставления. В примере (7) иконически описывается порядок движения человеческого тела при подпрыгивании. В данном примере обращает на себя внимание кажущаяся избыточность УССС *up and down*, и в частности, второго компонента (человек не может зависнуть в воздухе). Соотнесение двух точек пространства в логической последовательности формирует оценку ритмичности действий человека. В примере (8) соотносятся верхняя и нижняя точки пространства, что подчеркивает полный его охват. Сформированный таким образом смысл усиливает значение тотальности поисков потерянной вещи, это же значение подчеркивается и в контексте (*anywhere*). В примере (9) представлен также механизм когнитивной метафоры. При помощи метафорического переноса знание о движении вверх, в гору, и вниз, под гору, проецируется на населенный пункт, что позволяет образно представить, насколько трудным был поиск нужного магазина.

(10) *Then I set off running at random down one of the avenues, looking to **left and right*** [ODEI].

(11) *A sudden breeze blew in, scattering the papers **right and left*** [ODEI].

(12) *We've been getting requests for these **left and right** – we can barely keep them in stock* [FD].

(13) *She was criticized **right, left and centre** for her views on education* [FD].

(14) *He was shouting orders **left, right and centre*** [FD].

В этих случаях значимость имеет характеристика «горизонтальный вектор в пространстве». Данные примеры представляют интерес с точки зрения последовательности компонентов УССС. В примерах (10-12) наблюдается варьирование позиций этих компонентов, однако значение устойчивого словосочетания от этого не изменяется (*left and right; right and left – to both sides; on all sides; everywhere* [FD]). Это объясняется важностью использования человеком как правой, так и левой руки в повседневной деятельности. Ориентирование в пространстве в данном случае связано с восприятием пространства на горизонтальной плоскости по принципу «справа – слева» или «слева – справа».

Человек способен одинаково контролировать обе стороны пространственного расположения. Позиционная вариативность формы УССС свидетельствует о том, что принцип выделенности в данном случае не задействован [Lohmann 2014: 37]. В примере (11) за счет контекста передается значение «в разные стороны» (*scatter* – to suddenly move apart in different directions [CD]). Ветер как природное явление не способен контролировать движение в строго определенной последовательности. В этом случае подчеркиваются компоненты смысла «внезапность» и «беспорядочность». Все примеры этой группы демонстрируют действие механизма противопоставления. В примерах (13-14) двучленная оппозиция становится триадой за счет добавления в УССС еще одной лексемы *centre*, которая всегда стоит на последнем месте. За счет механизма конкретизации осуществляется детализация пространства посредством включения еще одной точки – центра пространственной линии.

(15) *The boss has been **in and out** of office all day* [FD].

В данном примере представлена характеристика «вектор движения внутрь или наружу». Посредством соотнесения противоположных векторов движения внутрь и наружу формируется смысл о периодичности этих действий. Отметим, что в данном случае наряду с противопоставлением представлен также механизм когнитивной метафоры КОНТЕЙНЕР, на основе которого образно характеризуются действия руководителя компании.

(16) *I was so touched that family and friends came from **far and near** to attend my 40th birthday party* [FD].

(17) *People come from **far and wide** to visit the monument* [FD].

Примеры (16-17) объективируют характеристику «вектор приближения и отдаления» (*far and wide* – from many places [CD]; *far and near* – everywhere [CollD]). В этих примерах задействован механизм противопоставления – «далеко» и «близко» в первом случае и «вдаль» и «вширь» во втором. В результате акцент смещается на такую оценочную структуру знания, как «из разных мест – отдаленных и близких». В примере (16) позитивная оценка подчеркивается контекстом (*so touched*).

(18) *I've travelled **the length and breadth** of Europe, but I've never seen such beautiful scenery as here* [FD].

(19) *She knows **every nook and cranny** of the city, so she's the perfect guide* [FD].

Характеристика «горизонтальный вектор в пространстве» подчеркивается семантикой компонентов УССС, сочетание которых указывает на значение «повсюду, вдоль и поперек» (*the length and breadth* – in every part of a place; *every nook and cranny* – every part of a place [CD]). В примере (18) формирование смысла осуществляется за счет активизации механизма противопоставления: в УССС объединены слова, обозначающие «длину» и «ширину» обозреваемого пространства. В примере (19) конструирование смысла осуществляется за счет механизма когнитивная метонимия по принципу «часть – целое». В данном УССС соединены устаревшие слова: *nook* (14 век) имеет скандинавское происхождение и означает «angle formed by the meeting of two lines; a corner of a room», а *cranny* (15 век) пришло из старофранцузского и означает «small, narrow opening, crevice» [EtymO].

Характерно, что в примерах данного раздела в формировании смысла задействован механизм противопоставления. На языковом уровне это проявляется сочетанием слов с противоположным значением. В когнитивном плане данный механизм способствует формированию смысла тотальности, указывающем на трехмерность пространства и его охват по разнонаправленным векторам.

Таким образом, проведенный анализ фактического материала позволил установить, что в процессах активизации концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО значимыми для наблюдателя являются такие аспекты как горизонтальный вектор в пространстве, вертикальный вектор в пространстве, вектор приближения и отдаления и вектор движения внутрь или наружу.

В формировании смысла, объективируемого УССС, задействованы принципы выделенности и иконичности, а также механизмы противопоставления, когнитивной метафоры, конкретизации, метонимии и генерализации.

2.4. Концептуально-тематическая область ВРЕМЯ

Время – одно из фундаментальных понятий человеческого мышления. В нем отражается изменчивость мира, процессуальный характер его существования, наличие в мире не только объектов, но и событий [Философия-2004]. Иначе можно сказать, что время – это «всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире» [ФЭС 1983: 94]. Ощущение времени человеком всегда является относительным, так как зависит от концептуализации времени на основе переживания событий [Коннова 2012: 120]. Можно выделить определенные характеристики времени, основанные на его концептуализации человеком: однонаправленность и необратимость (все изменения происходят от прошлого к будущему), непрерывность и связность (человек воспринимает мир как непрерывную череду связанных между собой событий), делимость или относительная прерывность (периодические события имеют начало и конец) и измеримость (повторяющиеся события поддаются счету) [Коннова 2012: 119-120; ФЭС 1983: 94]. Эти положения дают основания выделить такие характеристики, как 1) длительность, 2) однонаправленность, 3) итеративность, 4) прерывность.

Рассмотрим далее конкретное преломление обозначенных характеристик на материале УССС:

(1) *I've told you **again and again** to pick your clothes up off the floor, and it's still a mess in here!* [FISD].

(2) *Her doctor warned her **over and over** about the dangers of smoking* [OIDL].

(3) *I can't stop singing this one verse **over and over again** in my head* [FD].

(4) ***Time and time again**, they have violated the rules, yet you have taken no action against them* [FD].

Данные УССС репрезентируют характеристику «итеративность» (*again and again* – many times [CD]). Формирование смысла в данных сочетаниях про-

исходит за счет редупликации смысла «снова, еще раз» в соответствии с принципом иконичности. Иконичность проявляется в демонстрации повторяемости действий и способствует созданию ритмичности высказывания. Соединение в сочинительной конструкции одних и тех же слов является проявлением механизма рекуррентности. В примере (1) говорящий раздражен беспорядком в комнате: восклицательный характер конструкции усиливает экспрессивно-оценочный потенциал высказывания.

Примеры (2-3) представляют собой количественные варианты одного сочетания *over and over (again)*, в котором компонент *over* объективирует итеративность (*over – again or repeatedly [CD]*).

В примере (4) УССС *time and time again* (often, over a long period [LDCEO]) репрезентирует длительность. В результате подчеркивается длительное нарушение правил, а инициальная позиция УССС фокусирует внимание на темпоральном аспекте негативной оценки, которая представлена в контексте всего предложения.

(5) *I've been working **day and night** to make sure that everything is perfect when your mom comes to visit [FD].*

(6) *I've been studying **night and day** to get ready for this test [FD].*

(7) *You've been playing video games **morning, noon, and night**. I think you should take a break to do some homework [FD].*

(8) *My mom has been gone for six months now, and I still think of her **all day and every day** [FD].*

Данные УССС также репрезентируют характеристику «длительность» (*day and night / night and day – all the time, continuously; all day and every day – all the time without change; morning, noon, and night – all the day, all the time [FD]*). Принцип иконичности представлен соединением последовательно сменяющихся друг друга частей суток. За счет механизма противопоставления разных временных периодов формируется целостное значение «сутки», что позволяет акцентировать длительность протекания действия. При этом форма *day and night* является более частотной. В примере (6) выдвигание компонента

night на первую позицию в менее частотном сочетании сигнализирует о значимости принципа выделенности. Для говорящего важно подчеркнуть, что подготовка к экзамену осуществлялась и ночью, когда при обычных условиях люди спят.

В примере (7) характеристика «длительность» подчеркивается за счет принципа иконичности и механизма противопоставления, как и в предыдущем примере.

В примере (8) наряду с характеристикой «длительность» (*all day*) репрезентируется также и характеристика «итеративность» (*every day*). В формировании смысла задействован механизм конкретизации, что подчеркивается словами *all* и *every*.

(9) *She sat by the window, looking out **now and then** to see if they were coming* [FD].

(10) ***Now and again** he shook his head, as if to clear it, like a boxer recovering from a knock-out* [ODEI].

(11) ***Ever and anon**, I find something on television worth watching. Mostly, though, I just prefer to read* [FD].

(12) *Now that she's married, Lady Evelyn only comes to her childhood home **ever and again*** [FD].

Представленные в примерах (9-12) УССС репрезентируют итеративность (*now and then/again* – occasionally; sometimes; *ever and anon/again* – occasionally [FD]). К тому же примеры (9, 11) репрезентируют также характеристику «однаправленность» за счет соотнесения временных точек настоящего и будущего (*then; anon* – soon or in the near future [CD]). В примерах (9-12) задействован механизм противопоставления.

Присутствие устаревшего слова *anon* в УССС из примера (11) ограничивает контексты его употребления до формальных, шуточных или иронических. В конце XIX в. появляется вариант УССС, в котором второй компонент заменен словом *again* (пример (12)). Внесение компонента с несколько иным смыс-

лом, не повлияло на общее значение УССС, что является подтверждением семантической устойчивости данного ФЕ. Последовательность точек на временной оси свидетельствует о реализации принципа иконичности.

(13) *He worked **off and on** as a bicycle messenger, but he never found permanent work* [CD].

(14) *I've had toothache **on and off** for the past three months* [CIDI].

(15) *The employment picture had been improving **in fits and starts** during the past several months* [CCID].

Данные примеры репрезентируют характеристику «прерывность». Форма УССС в примерах (13-14) *off and on* зафиксирована с XVI века, а реверсивная форма известна с середины XIX века [ADEP]. Механизмом формирования смысла данного УССС, помимо механизма противопоставления, является когнитивная метафора, за счет которой знание об удалении объекта в пространстве до его полного исчезновения за горизонтом проецируется на постепенное завершение события. Компонент *on* (continuing or not stopping [CD]) репрезентирует продолжение события с его направленностью в будущее. В результате сочетания этих компонентов подчеркивается прерывность действия (*off and on / on and off* – not regularly; not continuously [FD]). Так, в примере (13) нерегулярная работа курьером соотнесена с отсутствием у человека постоянной работы (*permanent work*). В примере (14) за счет сохраненной у УССС мотивированности (компоненты сочетания не утратили связь со значениями начала и конца чего-либо) подчеркивается, что зубная боль у говорящего то начиналась, то утихала. Вариативность порядка следования компонентов можно объяснить особенностям восприятия человеком периодических процессов, когда не важно четкое определение начала или конца события, а важно подчеркнуть его прерывистость.

В конструировании смысла УССС в примере (15) задействован механизм конкретизации, в соответствии с которым уточняется начальный период времени (*fit* – a sudden, uncontrolled period of doing something or feeling something; *start* – the act of beginning to do something [CD]). В конце XVI века данное

сочетание имело вид *by fits*, а спустя почти сто лет было добавлен компонент *starts* [АНДИ]. Множественное число указывает на периодические начинания каких-либо действий, подразумевая при этом, что эти действия быстро заканчивались и вновь начинались, что подчеркивает прерывность действий. В результате формируется оценочный смысл «with irregular movement; with much stopping and starting» [DAIPV].

(16) *I drive to work **day in, day out**, and I'm getting tired of spending so much time travelling* [FD].

(17) *We go to Mike's parents every summer – it's the same thing **year in and year out*** [CD].

Примеры (16-17) демонстрируют сочетание компонентов *day (week, month, year) in (and) day (week, month, year) out*, ((especially of something boring) done or happening every day for a long period of time [CD]) и употребляются в качестве средства репрезентации характеристик «итеративность» и «длительность». За счет механизмов противопоставления и когнитивной метафоры КОНТЕЙНЕР проецируется смена «входов» и «выходов» (... *in*, ... *out*) из этого «контейнера», что образно передает регулярную повторяемость событий. Данное УССС зачастую используется в отрицательно-оценочных высказываниях для описания скучных, надоедающих своей рутинностью действий или событий [CD]. В примере (16) негативная оценка подтверждается пояснением говорящего об усталости от долгой дороги на работу и обратно («*I'm getting tired of spending so much time travelling*»). В примере (17) негативную оценку можно вывести из общего знания о непривлекательности рутинных действий (*every summer; it's the same thing*).

(18) *You can't afford to run businesses inefficiently **in this day and age*** [CD].

(19) *Do you want any of these strawberries? Because **now or never** is the time. There won't be any left once the children get their hands on them* [ODEI].

Примеры (18-19) представляют интерес с точки зрения репрезентации характеристики «однаправленность», которая предполагает в этих случаях

фокусирование на точке настоящего времени и исключении из фокуса внимания точки будущего. Тем самым подчеркивается важность настоящего момента для успешного осуществления действия (*in this day and age* – at the present time; *now or never* – said when you must do something immediately, especially because you will not get another chance [CD]). В примере (18) использован механизм генерализации, так как второй компонент обозначает обобщение временной перспективы.

В примере (19) за счет механизма противопоставления акцентируется необходимость незамедлительного действия. В этом случае время сужается до момента произнесения высказывания, другой шанс исключается (*now or never* – said when you must do something immediately, especially because you will not get another chance [CD]). Порядок следования компонентов в данном УССС соответствует иконическому принципу организации событий во времени.

(20) *Sooner or later we'll need to start investing in the city's outdated infrastructure* [FD].

В данном примере также репрезентирована характеристика «однонаправленность», фокусирующая внимание на точке в будущем. В формировании смысла этого УССС также задействованы принцип иконичности и механизм противопоставления. Путем соотнесения ближайшей и отдаленной точек на временной оси описывается возможность совершения действия в будущем, при чем акцентируется неизбежность этого действия или события (*sooner or later* – used to say that you do not know exactly when something will happen, but you are certain that it will happen [CD]).

(21) *Once your child passes his second birthday, speech develops in leaps and bounds* [CCID].

В данном примере представлена характеристика «длительность». В формировании смысла УССС задействованы механизмы когнитивной метафоры и рекуррентности. Длительность действия оценивается на основе переноса знаний о продолжительности прыжка в область речевых действий. Рекуррентность представлена синонимическим повтором (*leap* – a large jump or sudden

movement; *bound* – a quick, long jump [CD]), что усиливает экспрессивность сочетания (*by/in leaps and bounds* – very quickly [LDEI]).

Таким образом, в процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС, значимыми для говорящего являются такие характеристики концептуально-тематической области ВРЕМЯ, как итеративность, однонаправленность, длительность и прерывность.

Основным когнитивным принципом, задействованным в конструировании смысла, является принцип иконичности. Значимость имеет также принцип выделенности. В качестве когнитивных механизмов формирования смысла определены механизмы противопоставления, рекуррентности, когнитивной метафоры, конкретизации и генерализации.

2.5. Совмещение концептуально-тематических и концептуальных областей

В области формирования смысла, репрезентируемого УССС, выявлены случаи совмещения активизируемых концептуально-тематических и концептуальных областей. На существование такого явления указывалось в науке неоднократно. Так, на невозможность проведения четких разграничительных линий в описании теории развития (в частности, в оценке процесса эволюции) указывал еще Ф. Энгельс, который при этом отмечал, что «все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов» [Энгельс 1961: 527]. Лингвисты акцентировали внимание на том, что в естественных человеческих языках нет резко очерченных границ между различными явлениями, и что «в живых семиологических системах, служащих средством общения, преобладают плавные переходы» [Назарова 1994: 69]. Из последнего утверждения следует признание того, что существуют промежуточные (переходные) зоны между языковыми явлениями [Иванова 2018]. Как указывает Л.А. Фурс, «так как язык является продуктом мыслительной деятельности, концептуальное пространство сознания имеет континуальный характер, обусловленный отсутствием

границ на уровне онтологии мира и на уровне онтологии человека» [Фурс 2004]. Вследствие отмеченного выше отсутствия четких границ в объективном мире и в познавательной деятельности человека, и с учетом сложности УССС как языкового знака, явление совмещения показателей разных концептуально-тематических и концептуальных областей, открывающих перспективы для интерпретации реальных объектов и событий, представляется неизбежным.

В результате анализа фактического материала выявлено совмещение концептуально-тематических областей ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, концептуально-тематической области АРТЕФАКТ и концептуальной области СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, а также концептуальных областей ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Рассмотрим конкретные примеры:

(1) *Most of our things have been moved to the new house, but there's still some **flotsam and jetsam** to sort* [АНДИ].

(2) *City council may have forgotten about our **flotsam and jetsam**, but some of us still make volunteering at the homeless shelter a priority* [FD].

В данных примерах одно и то же сочетание спроецировано на разные концептуально-тематические и концептуальные области, в первом случае – АРТЕФАКТ, а во втором – СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА. В формировании смысла УССС областью-источником метафорического переноса является знание о действиях экипажа во время крушения судна. Оба компонента УССС являются морскими терминами XVI века [DOC] и восходят к старофранцузскому языку: *flotsam* (wreckage or cargo that remains afloat after a ship has sunk); *jetsam* (goods thrown overboard from a ship in danger of sinking in order to give it more buoyancy [АНДИ]). В результате передается значение «остатки предметов домашнего обихода» (small or unimportant items that are found together, usually in an untidy way [CCID]).

Во втором примере это знание переносится в область социальных отношений и репрезентирует характеристику «позиция людей, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия и так далее)». В результате метафорического переноса создается ассоциация «как корабельный груз, выброшенный за борт, остается на плаву после крушения, так и жизнь бездомных людей зависит от обстоятельств» (*people who have no home or job and who move from place to place, often rejected by society [OIDLE]*), что подтверждается и контекстом (*some of us still make volunteering at the homeless shelter a priority*).

(3) *John came up the stairs **huffing and puffing*** [DAIPV].

(4) *After much **huffing and puffing**, he agreed to help* [OIDLE].

Данные примеры демонстрируют формирование смысла, репрезентируемого УССС, за счет совмещения концептуальных областей ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА. В примере (3) репрезентирована характеристика «отклонение физического состояния от нормы». Экспрессивность сочетания обеспечивается рифмой. В примере (3) задействован механизм рекуррентности (*to huff* – to breathe loudly, esp. after physical exercise; *to puff* – to breathe fast and with difficulty, usually because you have been exercising [CD]). В результате сочетания этих компонентов формируется оценочный смысл «breathe heavily with exhaustion» [ODI].

В примере (4) репрезентируется смысл «express your annoyance in an obvious or threatening way» [ODI], указывающий на характеристику «говорение как выражение эмоций». В формировании данного смысла задействован механизм когнитивной метонимии по принципу «учащенность дыхания вместо говорения».

(5) *You really should quit smoking – look at how you're **puffing and blowing** after a single flight of stairs!* [FD].

(6) *The boss likes to **puff and blow** when things don't go right, but don't pay too much attention to him* [FD].

В данных примерах также прослеживается совмещение концептуальных областей ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как основы формирования смысла. Так, в примере (5) репрезентирована характеристика «отклонение физического состояния от нормы». В конструировании смысла данного УССС задействован механизм генерализации: второй компонент имеет более обобщенное значение по сравнению с первым (дефиницию *to puff* см. выше; *to blow* – to send air out from your mouth [LDOCEO]).

В примере (6) репрезентируется характеристика «говорение как выражение эмоций». В формировании смысла УССС активизируется механизм когнитивной метонимии по принципу «учащенность дыхания вместо говорения» (to make an exaggerated show of one's anger, often by making empty threats [FD]).

(7) *I thought David and I would really get along well, but we had nothing to talk about at dinner – he's really **all fur coat and no knickers*** [FD].

(8) *Patty is beautiful but ditzy, truly **all vine and no taters*** [FD].

(9) *He may have been a good football player in high school, but he was **all brawn and no brains**, so he didn't get into any colleges* [FD].

В данных примерах в процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС, сознание человека апеллирует к совмещению концептуальных областей ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА. В приведенных примерах репрезентируются характеристики «внешний вид человека» и «способность к пониманию и мышлению» соответственно. В примерах (7-9) задействован механизм противопоставления (good-looking on the surface but lacking substance underneath [FD]). Наряду с этим механизмом значимость имеет также механизм когнитивной метафоры (примеры 7-8). В примере (7) шуба (*fur coat*) метафорически проецируется на привлекательную внешность человека, а контекстуальный анализ позволяет интерпретировать второй компонент этого УССС (*knickers*) на основе ассоциативного образа «отсутствие чего-то – отсутствие интеллекта». В примере (8) значение всего УССС повторяется в контексте (*beautiful but*

ditzy). Область-источник метафорического переноса включает названия частей растения – плети и клубни сладкого картофеля (батата). Батат – это травянистая лиана с длинными плетями, достигающими в длину нескольких метров. При неправильном уходе лиана сильно разрастается, а урожай клубней получается небольшим. Открытая для наблюдения ветвистая растительность образно ассоциируется с привлекательной внешностью, а отсутствие клубней – с недостатком интеллекта, что получает подтверждение в контексте.

В формировании смысла УССС в примере (9) (*all brawn and no brains – having great power or physical strength but lacking mental acuity or intelligence* [FD]) представлены метонимические отношения «мышечная масса – внешний вид человека» и «орган – интеллектуальная деятельность» (*brawn – physical strength and big muscles; brain – used to refer to intelligence* [CD]).

(10) *Dave has been saying for months that he'll get a summer job, but he's **all talk and no action*** [AHDI].

(11) *You're **all mouth and no trousers** – you haven't said anything to Hannah about leaving, have you?* [LID].

(12) *He always threatens to call the police if I don't stay off his lawn, but he's **all bark and no bite*** [FD].

Приведенные примеры репрезентируют совмещение концептуальных областей РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. В первой части сочетания репрезентируется характеристика «говорение как выражение мыслей», а во второй – «поведение в конкретной ситуации». В примерах (10-12) описывается общая ситуация, в которой кто-то много говорит, но мало делает. В конструировании смысла этих УССС задействован механизм противопоставления, наряду с ним в примерах (10-11) представлен также механизм когнитивной метонимии. Метонимические отношения создаются по принципу «человек – действие» (пример (10)); «орган – речевая деятельность» и «предмет одежды – типичное поведение его обладателя» (пример (11)).

В примере (12) задействован механизм когнитивной метафтонимии. Метафтонимическая проекция представлена в виде отношения «животное – характерное действие», а метафорический перенос заключается в проекции образа собаки, которая лает на человека, но не кусает. В результате формируется негативная оценка действий человека, связанная с критикой непоследовательных действий человека и соответственно отсутствием логики в его поведении.

Необходимо отметить, что в примерах (7-12) представлена конструкция *all N₁ and no N₂*, которая передает отрицательную оценку. Оценочность формируется самой конструкцией за счет слов, вводящих первый и второй компоненты. Превалирование одного качества (действия, состояния), обозначаемого словом *all*, расценивается как ненормальное положение вещей на фоне отсутствия предпочтительного качества (действия, состояния).

(13) *Most people can't be bothered thinking about their retirement – they're too busy concentrating on **the here and now*** [CD].

(14) *Mark made a derogatory comment towards one of our coworkers, and the boss fired him right **there and then*** [FD].

(15) *I took one look at the car and offered to buy it **then and there*** [FD].

Для осмысления УССС в данных примерах активизируются концептуально-тематические области ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. В формировании смысла задействован механизм противопоставления, так как время и пространство противопоставлены в сознании человека на уровне онтологии мира. Значимыми являются характеристики «однаправленность» и «горизонтальный вектор в пространстве». УССС в примере (13) построено по принципу иконичности, так как, как указывает Л.А. Козлова, формирование концепта ПРОСТРАНСТВО предшествует формированию концепта ВРЕМЯ в сознании человека [Козлова 2018: 52].

Следующие два примера представляют собой варианты одного обратимого УССС (*at that precise time and place; on the spot* [АНДИ]), что указывает на действие принципа выделенности. Человек меняет фокус внимания со времени на место события в зависимости от своих предпочтений.

Таким образом, фактологический анализ позволил установить, что в процессах формирования смысла, репрезентируемого УССС, активизируется в ряде случаев несколько концептуально-тематических и концептуальных областей. Это явление представлено совмещением таких областей, как АРТЕФАКТ и СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, а также ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ.

В формировании смысла в этих случаях значимыми являются принципы иконичности и выделенности, а также механизмы противопоставления, когнитивной метонимии, когнитивной метафоры, когнитивной метафтонимии, рекуррентности и генерализации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Анализ фактического материала, проведенный в этой главе, позволяет сделать следующие выводы:

1. Концептуально-тематические и концептуальные области, привлекаемые для анализа процессов формирования смысла, объективируемого английскими УССС, выступают как когнитивные контексты осмысления данных языковых единиц. Значимыми являются концептуально-тематические области ЧЕЛОВЕК, в составе которой выделяются концептуальные области ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, а также АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ.

2. На формирование смысла анализируемых языковых единиц оказывают влияние содержательные характеристики активизируемых концепту-

ально-тематических и концептуальных областей. В рамках концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК определено и описано несколько концептуальных областей. Так, объективация концептуальной области ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА сопровождается выделением следующих характеристик:

- нормальное состояние организма (*alive and well*),
- отклонение физического состояния от нормы (*all skin and bones*),
- прекращение функционирования физиологических систем организма (*dead and buried*),
- общее физическое состояние человека (*peaches and cream*).

В объективации концептуальной области СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, на основе которой осмысляются английские УССС, для говорящего являются значимыми следующие характеристики:

- позиция индивида/социальной группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование) (*rag and bone man*),
- положение индивида в системе межличностных отношений (*kith and kin*),
- совокупность прав и обязанностей индивида/социальной группы, связанная с выполнением ими определенной социальной роли (*chief cook and bottle washer*),
- позиция индивида или группы, определяемая престижем и местом в структуре власти (*movers and shakers*).

Активизация концептуальной области ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА сопровождается фокусированием на следующих характеристиках:

- эмоциональные состояния человека, связанные с прогнозом и ожиданием (*on pins and needles*),
- эмоциональные состояния, возникающие в процессе деятельности (*go hot and cold*),

- эмоциональные состояния, связанные с достижением или недостижением цели (*home and dry*),

- коммуникативные эмоциональные состояния (*in sackcloth and ashes*),

- внешние проявления эмоций (*bright-eyed and bushy-tailed*).

В объективации концептуальной области ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, выступающей основой для осмысления английских УССС, в фокусе внимания находятся следующие характеристики:

- поведение человека в конкретной ситуации (*cut and run*),

- поведение человека как реакция на стимулы (*ready and willing*),

- поведение в соответствии с общественными нормами (*aid and abet*).

В концептуальной области ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА активизируются такие характеристики, как:

- способность к принятию решений (*chop and change*),

- способность к пониманию (*sit up and take notice*),

- способность к усвоению знаний (*live and breathe*),

- формирование мнений на основе здравого смысла (*forgive and forget*).

Когнитивный контекст концептуальной области РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА проецируется следующими характеристиками:

- манера речи (*hem and haw*),

- продукт речи (*give chapter and verse*),

- цель речи (*name and shame*).

Осмысление английских УССС на основе концептуально-тематической области АРТЕФАКТ осуществляется посредством активизации таких характеристик, как:

- функциональное назначение продуктов питания (*chip and dip*),

- функциональное назначение одежды (*best bib and tucker*),

- функциональное назначение зданий и помещений (*lost and found*),

- функциональное назначение предметов (*odds and ends*).

В активизации концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО являются значимыми следующие ее характеристики:

- горизонтальный вектор в пространстве (*back and forth*),
- вертикальный вектор в пространстве (*high and low*),
- вектор приближения и отдаления (*far and near*),
- вектор движения внутрь или наружу (*in and out*).

Концептуально-тематическая область ВРЕМЯ, на основе которой осмысляются английские УССС, представлена такими характеристиками, как:

- итеративность (*again and again*),
- однонаправленность (*now or never*),
- длительность (*day and night*),
- прерывность (*off and on*).

3. Континуальный характер онтологии мира и онтологии человека обеспечивает возможность совмещения ряда концептуально-тематических и концептуальных областей при формировании смысла анализируемых единиц языка. Установлены следующие типы совмещения областей: АРТЕФАКТЫ и СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА (*flotsam and jetsam*), ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА (*huff and puff*), ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА (*all fur coat and no knickers*), РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА (*all talk and no action*), а также ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ (*here and now*).

4. Установлено, что процессы формирования смысла, репрезентируемого УССС, опираются на такие когнитивные принципы, как парность (*hale and hearty*) и экономия (*toil and moil*) (общие принципы), а также иконичность (*cut and run*) и выделенность (*husband and wife*) (частные принципы). Статистический анализ исследованного языкового материала показал, что принцип иконичности является более частотным (70,8%) по сравнению с принципом выделенности (29,2%).

5. В качестве когнитивных механизмов, лежащих в основе организации знания, репрезентируемого УССС в английском языке, выявлены механизмы когнитивной метафоры (*between the devil and the deep blue sea*), метонимии

(*town and gown*), метафтонимии (*in fear and trembling*), а также механизмы конкретизации (*alive and well*), генерализации (*in this day and age*), противопоставления (*do or die*) и рекуррентности (*rant and rave*). Статистический подсчет исследованного языкового материала позволил установить частотность активизации когнитивных механизмов в процессе формирования смысла в английских УССС: когнитивная метафора – 29,7%, противопоставление – 25%, когнитивная метонимия – 21,2%, конкретизация – 9,4%, рекуррентность – 6,2%, когнитивная метафтонимия – 4,7%, генерализация – 3,8%.

6. За счет механизмов когнитивная метафора, когнитивная метонимия и когнитивная метафтонимия формируются оценочный смысл, который может быть ингерентным (независящим от контекста) – положительным (*hale and hearty*) или отрицательным (*rags and tatters*), – а также адгерентным (устанавливаемым в контексте) (*cut and thrust*).

7. Знание, объективируемое при помощи английских УССС, является комплексным. Об этом свидетельствует проведенный анализ, который показал, что в формировании смысла, репрезентируемого исследуемыми языковыми единицами, задействована система когнитивных принципов и механизмов, причем несколько принципов и механизмов могут активизироваться одновременно в процессе организации знания, объективируемого одним и тем же УССС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую в начале исследования гипотезу о том, что в основе формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, лежит комплекс когнитивных принципов и механизмов, а репрезентируемое данными языковыми единицами знание соотносится с рядом концептуально-тематических и концептуальных областей, представляющих собой когнитивный контекст для их осмысления.

Исходным положением данного исследования послужило понимание того, что английские устойчивые словосочетания с сочинительной связью представляют собой особую группу во фразеологии английского языка. Их дифференциальным признаком является устойчивость в триединстве своих проявлений: устойчивость формы, устойчивость переосмысленного или осложненного содержания и устойчивость употребления (воспроизводимость). В рамках широкого подхода к фразеологии в данном исследовании рассматривался весь спектр ФЕ от идиоматических немотивированных до неидиоматических мотивированных.

Данные языковые единицы под разными терминологическими обозначениями были достаточно подробно описаны в рамках структурно-семантического и функционально-семантического подходов. Они также неоднократно становились объектом исследования в рамках психолингвистических и нейролингвистических исследований.

Настоящее исследование позволило раскрыть когнитивную основу формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, за счет рассмотрения когнитивных принципов и механизмов, активизируемых в этих процессах. Были установлены когнитивные принципы парности и экономии, задействованные в конструировании смысла всех УССС, а также принципы иконичности и выделенности, которые квалифицируются как частные принципы. В процессах формирования смысла наиболее часто активизируемым частным принципом является принцип иконичности.

В качестве значимых когнитивных механизмов определены механизмы когнитивной метафоры, когнитивной метонимии и когнитивной метафтонимии, а также конкретизации и генерализации, противопоставления и рекуррентности, за счет которых осуществляется конфигурирование концептуального содержания, репрезентируемого исследуемыми языковыми единицами. Механизмы когнитивной метафоры, когнитивной метонимии и когнитивной метафтонимии обеспечивают создание образных оценочных ассоциаций.

Отношения между компонентами английских УССС могут быть основаны на распределении внимания по уровням категоризации (суперординатному, базовому и субординатному), что составляет основу когнитивных механизмов конкретизации и генерализации. При этом, анализ УССС подтвердил значимость базового уровня категоризации, так как в структуре этих единиц соблюдается тенденция располагать компоненты, репрезентирующие базовый уровень, в инициальной позиции. В том случае, когда компоненты УССС находятся на одном уровне категоризации, могут быть задействованы когнитивные механизмы противопоставления и рекуррентности. На основании анализа фактического материала, представленного в работе, установлено, что наиболее часто задействованными механизмами в процессах формирования смысла являются механизмы когнитивной метафоры, противопоставления и когнитивной метонимии. Определено также, что для английских УССС характерна одновременная активизация нескольких когнитивных принципов и механизмов, что объясняется комплексным характером знания, репрезентируемого данными единицами.

Осмысление английских УССС осуществляется на основе концептуально-тематических и концептуальных областей, которые выступают в качестве когнитивных контекстов структуры знания, репрезентируемой такими единицами. К ним относятся концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК, в составе которой выделяются концептуальные области ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, ПСИ-

ХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, а также концептуально-тематические области АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Каждая концептуально-тематическая и концептуальная область представлена набором характеристик, раскрывающих особенности осмысления УССС. Выявленные концептуально-тематические и концептуальные области и их характеристики представляют собой основу для классификации УССС как средств их репрезентации.

Факты совмещения таких концептуальных областей как ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА и ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, совмещение концептуально-тематической области АРТЕФАКТ и концептуальной области СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, а также концептуально-тематических областей ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ в процессах формирования смысла, репрезентируемого английскими УССС, иллюстрируют континуальный характер познавательных процессов человека, обусловленный отсутствием границ на уровне онтологии мира и онтологии человека.

Перспектива исследования заключается в применении полученных результатов для анализа когнитивной основы других групп устойчивых словосочетаний. Результаты исследования могут быть использованы также в изучении устойчивых словосочетаний с сочинительной связью на материале других языков.

Список использованной научной литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 192 с.
2. Алпатов В.М. Принцип экономии и изменения в языке // Экономия в языке и коммуникации: сборник статей / Отв. редактор Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2018. – С. 19–26.
3. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 206 с.
4. Армеева А.Р. Когнитивная категория выделенности и ее языковые корреляты: Моделирование процесса вербализации визуальной информации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Армеева Анна Руслановна. – Москва, 2001. – 317 с.
5. Артамонова М.В. Дефиниции устойчивых сочинительных биномов в древнерусском тексте // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 214–217.
6. Артемова А.Ф. Английская фразеология: спецкурс: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2009. – 208 с.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
8. Бабина Л.В., Долгова Е.В. Фразеологические единицы английского языка как результат вторичной интерпретации знаний о социальных отношениях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 15–21.
9. Бабина Л.В., Долгова Е.В. Когнитивные модели сравнения при формировании семантики английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 39–46.
10. Баласанова А.Л. Сочинительные фразеологические единицы и контекст в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Баласанова Ампира Леонтьевна. – Москва, 1972. – 214 с.

11. Баласанова А.Л. Сочинительные фразеологические единицы и контекст в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Баласанова Ампира Леонтьевна. – Москва, 1973. – 30 с.
12. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
13. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс) [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 312 с.
14. Белицкая Е.Н. Когнитивная иконичность и динамическая семантика онима // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* – 2014. – № 6 (8). [Электронный ресурс]. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1397>.
15. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический принцип Приоритета и его отражение в грамматике языка // *Известия АН СССР сер. ОЛЯ.* 1981. – т. 40. – № 4. – с. 343–355.
16. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с.
17. Болдырев Н.Н. Междисциплинарная доминанта когнитивных лингвистических исследований // *Когнитивные исследования языка.* – 2020. – Вып. 41. – С. 55–61.
18. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2010. – № 2. – С. 5-11.
19. Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2012. – № 2. – С. 5–15.
20. Буб А.С. Когнитивная обработка биномиалов русского языка носителями языка и билингвами: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Буб Александра Сергеевна. – Томск, 2019. – 184 с.

21. Валуева С.А. О национально-культурной специфике английских биномиальных образований древнеанглийского и новоанглийского периодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (149). – Вып. 17. – С. 62–67.
22. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
23. Галиева М.Р. Когнитивный принцип бинарности в религиозной картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 56–65.
24. Григорьева Т.В. Перцептивная оппозиция в русском языке как способ оценочной категоризации действительности: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Григорьева Татьяна Владимировна. – Уфа, 2019. – 377 с.
25. Гурикова Ю.С. Синтаксически связанные конструкции: структурно-семантический, этимологический, функциональный и фразеологический аспекты: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Гурикова Юлия Сергеевна. – Ростов-на-Дону, 2013. – 22 с.
26. Гурочкина А.Г. Типы знаний как концептуальное основание значения координативных словосочетаний // Когнитивные исследования языка. – Вып. 3. – 2008. – С. 169–175.
27. Гурочкина А.Г. Механизмы восприятия и формирования значения фразеологичных координативных словосочетаний // Когнитивные исследования языка. – Вып. 45. – 2021. – С. 146–154.
28. Гутовская М.С. Идиоматичность как градуальное свойство фразеологизмов и метод ее исследования // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – Мінск: БДУ. – 2015. – № 2. – С. 32–39.
29. Гутовская М.С. Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. – Минск: БГУ, 2019. – 399 с.
30. Дайнеко В.В. Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности парных словосочетаний современного английского

языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дайнеко Валентина Викторовна. – Киев, 1988. – 25 с.

31. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и методика. – М., 1979. – 254 с.

32. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 5–10.

33. Денисова Н.В. Квазисочинение и прагматика открытых рядов: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Денисова Наталья Викторовна. – СПб, 2007. – 18 с.

34. Евтюгина А.А. Русский язык и культура речи: курс лекций [Электронный ресурс]: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. – 269 с. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0669-3>.

35. Иванов Вяч.Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Сов. Радио. 1978. – 184 с.

36. Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.

37. Иванова Е.В. О границах в языке. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 7 (85). – Ч. 1. – С. 133–137.

38. Иванова Т.В. Когнитивные и прагматические аспекты парных словосочетаний в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Иванова Татьяна Вячеславовна. – СПб, 2008. – 185 с.

39. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001. — 752 с.

40. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. – СПб.: Питер, 2005. – 412 с.

41. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языка славянской культуры, 2014. – 320 с.
42. Киселева М.В. Фразеологизмы с союзом *or* как микросистема конститuentов и семантических отношений между ними // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 2. – С. 86–89.
43. Козлова Л.А. Явление иконичности в языке: семиотический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1. – С. 47–55.
44. Козлова Л.А. Когнитивная экономия и ее манифестация в языке и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – №4. – С. 37–45.
45. Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 313 с.
46. Коровкин М.М. Роль когнитивных моделей в познании и речемыслительной деятельности // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. – М., 1996. – Вып. 432. – С. 118–140.
47. Коровкин М.М. Когнитивный и коммуникативный аспекты языковой экономии: Монография. – Рязань: РГМУ им. академика И.П. Павлова, 2004. – 194 с.
48. Костерина Н.В. Психология индивидуальности (эмоции): Текст лекций. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. – 24 с.
49. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
50. Кунин А.В. Английская фразеология (Теоретический курс). – Москва: Высш. школа, 1970. – 342 с.
51. Кунин А.В. Фразеологические единицы и контекст // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 5. – С. 2–15.

52. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. – М.: Международные отношения, 1972. – 287 с.
53. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. – 380 с.
54. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
55. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
56. Лебедева Ю.С., Склярова Н.Г. Системные связи между фразеологическими единицами с противительным союзом *but* и их этимологическая характеристика // Матрица научного познания. – 2018. – №5. – С. 39–43.
57. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
58. Левицкий А.Э. Экономия как механизм вербализации информации в современном английском языке // Экономия в языке и коммуникации: сборник статей / Отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2018. – С. 147–158.
59. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 412 с.
60. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
61. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. — М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. – 297 с.
62. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. (Проблемы диахронической фонологии) / Пер. с фр. А.А. Зализняка. – М., 1960. – 261 с.

63. Медведева Л.М. Дайнеко В.В. Парные словосочетания английского языка: Учеб. пособие для фак. и ин-тов иностр. яз.; Под ред. О. Е. Семенца. – Киев: Выща школа, 1989. – 184 с.
64. Молодцова И.Н. Английские биномиалы: статус, сущность, функции: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Молодцова Инна Николаевна. – Тула, 2002. – 170 с.
65. Молчкова Л.В. Идиоматизация как способ компрессии информации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 124–128.
66. Назарова Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык: Монография. – М.: Высш. Шк., 1994. – 184 с.
67. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 254 с.
68. Павленко В.Г., Зайцева О.Л. Интегральные и дифференциальные параметры языковой ментальной деятельности // Университетские чтения, 2012. – Ч. 07. – С. 34–68.
69. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Панасенко Людмила Александровна. – Тамбов, 2014. – 351 с.
70. Петрова И.М. Когнитивный аспект комбинаторики сочинительных парных словосочетаний в английском и русском языках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – № 9. – С. 151–156.
71. Петрова И.М. Вариативность когнитивного фокуса в реляторных структурах (на материале русского и английского языков): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Петрова Инна Михайловна. – М., 2021. – 405 с.
72. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. – 448 с.

73. Подскребалина А., Склярова Н. Фразеологизмы с союзом AND. Парадигматический аспект. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 72 с.
74. Помигуев Г.П. Построение словарных дефиниций во фразеологических словарях английского языка (на материале сочинительных фразеологических единиц): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Помигуев Геннадий Петрович. – Л., 1974. – 23 с.
75. Психология: Учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. — СПб.: Питер, 2009. — 656 с.
76. Психология: учебно-методическое пособие для студентов медицинских специальностей / под ред. А.С. Татрова. – М.: Издательство «Академия Естествознания», 2010. – 284 с.
77. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2019. – 713 с.
78. Рыжкина Е.В. Фразеологическая окказиональность в английском языке: Когнитивно-коммуникативные аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Рыжкина Елена Викторовна. – Москва, 2003. – 236 с.
79. Санжаева Р.Д. Готовность и ее психологические механизмы // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2016. – Вып. 2. – С. 3–12.
80. Сираева Р.Т. Репрезентация ментальной сферы в русской и английской фразеологической картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Сираева Райля Талгатовна. – Уфа, 2014. – 205 с.
81. Ситдииков Ф.Г., Зиятдинова Н.И., Зефиоров Т.Л. Физиологические основы диагностики функционального состояния организма: Учебное пособие к практическим занятиям по физиологии для бакалавров, магистров. – Казань: КФУ, 2019. – 105 с.
82. Склярова Н.Г. Система фразеологизмов с противительным союзом but: семантический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 10(64): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 150–152.

83. Складорова Н.Г., Косоножка Л.В. Микросистема фразеологизмов с соединительным союзом *and* как полевое образование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 9(75): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 147–149.
84. Скорик Н.В. Языковая репрезентация эмоциональной парадигмы: на материале фразеологии английского языка: Монография. – М.: Прометей, 2013. – 96 с.
85. Скребцова Т.Г. Когнитивная выделенность в языке: к постановке проблемы // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. 37. – С. 106–109.
86. Сливная Е.М. Условно-следственные сложноподчиненные предложения со значением ирреальности: структурно-семантический, этимологический и фразеологический аспекты (на материале английского языка): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Сливная Елена Михайловна. – Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с.
87. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. Подгот. к печати и отред. канд. филол. наук В. В. Пассек. – Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
88. Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 43–54.
89. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина; науч. ред. пер., предисл. и прим. – Н.А. Слюсаревой; послесл. Р. Энглера (пер. с фр. – Б.П. Нарумов). – М.: Издательство «Логос», 1998. – 296 с.
90. Станчуляк Т.Г. Проблематика изучения лингвистической категории выделенности в языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 2 (56): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 149–152.
91. Степаненко С.Н. Когнитивные механизмы грамматической концептуализации количества в современном английском языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В.З.Демьянков. – М., Тамбов, 2013. – С. 166–174.

92. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.
93. Тимофеева М.К. Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. – Новосибирск, 2010. – 114 с.
94. Уваров М.С. Бинарный архетип: Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. – СПб.: БГТУ, 1996. – 212 с.
95. Федорова Л.Л. Между экономией и избыточностью // Экономия в языке и коммуникации: сборник статей / Отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2018. – С. 5–18.
96. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Фурс Людмила Алексеевна. – Тамбов, 2004. – 370 с.
97. Фурс Л.А. Когниция и когнитивный динамизм // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 52–58.
98. Чиненова Л.А. Английская фразеология в языке и речи. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 101 с.
99. Шарманова О.С. Особенности взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии как способ образования метафтонимии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – №3. – С 11–14.
100. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
101. Эльянова Н.М. Бинарные сочетания существительных с союзом *and* в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.663 / Эльянова Нина Михайловна. – Л., 1970а. – 15 с.
102. Эльянова Н.М. Бинарные сочетания существительных с союзом *and* в современном английском языке: дис... канд. филол. наук: 10.663 / Эльянова Нина Михайловна. – Л., 1970б. – 337 с.
103. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – Москва: Госполитиздат, 1961. – 858 с.

104. Эфендиева Р.А. Фразеологическая семантика в свете современной лингвистики (на материале английского и русского языков). Материалы к спецкурсу. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2003. – 34 с.
105. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. – М., 1983. – С. 102–117.
106. Abraham R.D. Fixed order of coordinates: A study in comparative lexicography // *The Modern Language Journal*. – vol. 34. – No. 4. – P. 276–287.
107. Arcara G., Lacaita G., Mattaloni E., Passarini L., Mondini S., Benincà P., Semenza C. Is «hit and run» a single word? The processing of irreversible binomials in neglect dyslexia // *Frontiers in Psychology*. – 2012. – Vol. 3. – Art. 11. – P. 1–11.
108. Arnon I., Cohen Priva U. Time and again: The changing effect of word and multiword frequency on phonetic duration for highly frequent sequences // *Bridging the Methodological Divide: Linguistic and psycholinguistic approaches to formulaic language. Special issue of The Mental Lexicon*. / Wulff S., Titone D. (eds.), 2014. – №9 (3). – P. 377–400.
109. Arnon I., Snider N. More than words: Frequency effects for multi-word phrases // *Journal of Memory and Language*. – 2010. – №62. – P. 67–82.
110. Benor S.B., Levy R. The chicken or the egg? A probabilistic analysis of English binomials // *Language* 82(2). – 2006. – P. 233–277.
111. Bock J.K., Warren R.K. Conceptual accessibility and syntactic structure in sentence formulation // *Cognition*. – 1985. – № 21. – P. 47–67.
112. Bolinger D.L. Rime, Assonance, and Morpheme Analysis // *Word*. – 1950. – Vol. 6. – No. 2. – P. 117–136.
113. Bolinger D. Binomials and pitch accent // *Lingua*. – 1962. – №11. – P. 34–44.
114. Bybee J. *Language, Usage and Cognition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 264 p.

115. Bybee J. *Markedness: Iconicity, Economy, and Frequency* // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology* / Ed. by J.J. Song. – Oxford University Press, 2011. – P. 131–147.
116. Cooper W.E., Ross J.R. *World order* // *Papers from the Parasession on Functionalism*. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1975. – P. 63–111.
117. Croft W., Cruse D. *Cognitive Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
118. Dąbrowska E. *Cognitive linguistics' seven deadly sins* // *Cognitive Linguistics*. – 2016. – №27 (4). – P. 479–491.
119. Dobrovol'skij D. *Phraseme aus kognitiver und kontrastiver Sicht* // *Wortschatz: Theorie, Empirie, Dokumentation*. – Berlin: De Gruyter, 2018. – P. 151–170.
120. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. – Edinburgh University Press, 2006. – 856 p.
121. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Integration and the Mind's Hidden Complexities*. – Basic Books, 2002. – 464 p.
122. Fenk-Oczlon G. *Word frequency and word order in freezes* // *Linguistics*. – 1989. – № 27. – P. 517–556.
123. Fenk-Oczlon G. *Familiarity, information flow and linguistic form* // *Frequency and the Emergence of Linguistic Structure* / J. Bybee, P. Hopper (eds.) (Typological studies in language, v. 45). – John Benjamins B.V., Amsterdam/Philadelphia, 2001. – P. 431–448.
124. Fenk-Oczlon G., Fenk A. *Scales and Cognitive Economy* // *Text Processing and Cognitive Technologies: Cognitive Modeling in Linguistics: Proceedings of the Xth International Conference* / V. Polyakov (ed.). – Kazan: Kazan State University Press, 2008. – No 5. – Vol. 2. – P. 234–242.
125. Fillmore Ch.J. *Innocence: A Second Idealization for Linguistics* // *Berkeley Linguistics Society*. – 1979. – № 5. – P. 63–76.
126. Funk Ch.E. *Heavens to Betsy!* Harper and Row Publishers, New York and Evanston, 1955. – 226 p.

127. Haiman J. *Natural Syntax: Iconicity and Erosion*. – Cambridge University Press, 1985a. – 296 p.

128. Haiman J. *Symmetry // Iconicity in syntax: proceedings of a symposium on iconicity in syntax, Stanford, June 24–26, 1983 / ed. by J. Haiman*. – John Benjamins B.V. Amsterdam/Philadelphia, 1985b, – P. 73–95.

129. Givón T. *Syntax: An introduction. Vol. I*. John Benjamins Publishing Company. – Amsterdam/Philadelphia, 2001. – 517 p.

130. Goossens L. *Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1 (3). – P. 323–340.

131. Goossens L. *Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action // By Word of Mouth: Metaphor, metonymy and linguistic action in a cognitive perspective*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. – P. 159–174.

132. Goossens L. *Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by René Dirven, Ralf Pörings*. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 350–377.

133. Gramley S., Pätzold K.-M. *A Survey of Modern English. 2nd Edition*. – London, Routledge, 2004. – 416 p.

134. Green V. *Native and non-native intuitions on the phonology of binomial locutions*. PhD thesis. – The University of Texas at Austin, 2016. – 187 p.

135. Green V., Birdsong D. *Intuitions for phonological constraints in binomials: A psycholinguistic investigation // Language Sciences*. – 2018. – Vol. 66. – P. 116–134.

136. Gurochkina A., Shchirova I. *Phraseological meaning-making and its interpretation in the perspective of cognitive paradigm and autopoiesis // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія*. – 2020. – Вип. 1 (43). – С. 106–110.

137. Jackendoff, R. The boundaries of the lexicon // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* / M. Everaert, E. van der Linded, A. Schenk, & R. Schreuder (Eds.). – Hillside, NJ: Erlbaum, 1995. – P. 133–165.
138. Jackendoff R. What's in the lexicon? // *Storage and Computation in the Language Faculty* / S. Nooteboom, F. Weerman, F. Wijnen (Eds.). – Dordrecht, Boston, London: Kluwer, Academic Publishers, 2002. – P. 23–58.
139. Jackendoff R. Construction after construction and its theoretical challenges // *Language*. – 2008. – 84 (1). – P. 8–28.
140. Jespersen O. *Growth and structure of the English language*. – Leipzig: Teubner, 1905. – 260 p.
141. Jespersen O. *Growth and structure of the English language*, 2nd ed. – Leipzig: Teubner. 1912. – 260 p.
142. Jespersen O. *Growth and structure of the English language*, 4th ed. – New York, D. Appleton and Company, 1923. – 264 p.
143. Kopaczyk J., Sauer H. *Defining and Exploring Binomials // Binomials in the History of English: Fixed and Flexible* / Kopaczyk J., Sauer H. eds. – Cambridge University Press, 2017. – P. 1–23.
144. Kövecses Z. *Metaphor and metonymy in cognitive linguistics // Cognitive Linguistics: A User-friendly Approach* / ed. by Kamila Turewicz. – Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, Szczecin, 2005. – P. 13–38.
145. Kövecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction*. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, New York, 2010. – 375 p.
146. Kövecses Z. *Metaphor and metonymy in the conceptual system // Cognitive explorations into metaphor and metonymy* / Polzenhagen F., Kövecses Z., Vogelbacher S., Kleinke S. (eds.). – Peter Lang Edition, Frankfurt am Main, 2014. – P. 15–34.
147. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – № 1. – P. 39–74.

148. Lakoff G. Cognitive versus generative linguistics: How commitments influence results // *Language & Communication*. – 1991. – Vol. II. – No. 1/2. – P. 53–62.
149. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. – The University of Chicago Press, Chicago; London, 1989. – 230 p.
150. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991a. – x, 395.
151. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar, vol. II, Descriptive application*. – Stanford: Stanford University Press, 1991b. – xv, 589 p.
152. Langacker R. Reference-point constructions // *Cognitive Linguistics*. – 1993. – №4. – P. 1–38.
153. Langacker R.W. *Cognitive Grammar. A basic introduction*. – Oxford University Press, 2008. – 562 p.
154. Langendonck W. van. Categories of word order iconicity // *Syntactic Iconicity and Linguistic Freezes: The Human Dimension* / M. Landsberg (ed.) – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 79–90.
155. Lohmann A. A processing view on order in reversible and irreversible binomials // *VIEWES*. – 2012. – Vol. 21. – P. 25–50.
156. Lohmann A. *English co-ordinate constructions: A processing perspective on constituent order*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 228 p.
157. Malkiel Y. Studies in irreversible binomials // *Lingua*. – 1959. – No 8. – P. 113–160.
158. Melikyan V.Yu., Melikyan A.V., Posidelova V.V. The classification of English fixed phrase schemes according to phraseological hierarchy // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2018. – № 2. – С. 145–151.
159. Mollin S. The (ir)reversibility of English binomials: Corpus, constraints, developments. *Studies in Corpus Linguistics* 64. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2014. – 264 p.
160. Nöth W. Semiotic foundations of iconicity in language and literature // *The Motivated Sign: Iconicity in Language and Literature 2* / Ed. by O. Fischer, M.

Nänny. – John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/ Philadelphia, 2001. – P. 17–28.

161. Pinker S., Birdsong D. Speaker's sensitivity to rules of frozen word order // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – №18 (4). – P. 497–508.

162. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. – London; New York: Longman, 1985. – x, 1779 p.

163. Radden G. How metonymic are metaphors? // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 93–108.

164. Renner V. A Study of Element Ordering in Coordinate Lexical Items. // *English Studies*. – Taylor and Francis (Routledge), 2014. – № 95 (4). – P. 441–458.

165. Sauer H., Schwan B. Heaven and earth, good and bad, answered and said: A survey of English binomials and trinomials (Part I) // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 2017. – 134. – P. 83–96.

166. Scott F.N. The Order of Words in Certain Rhythm-Groups // *Modern Language Notes*. – 1913. – vol. XXVIII. – P. 237–239.

167. Siyanova-Chanturia A. On the 'holistic' nature of formulaic language // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. – 2015. – №11. – P. 285–301.

168. Siyanova-Chanturia A., Conklin K., van Heuven W. Seeing a phrase 'time and again' matters: The role of phrasal frequency in the processing of multi-word sequences // *Journal of Experimental Psychology: Language, Memory and Cognition*. – 2011. – №37. – P. 776–784.

169. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics, Volume I: Concept Structuring Systems*. – Cambridge (Mass.); London: MIT press, 2000. — 573 p.

170. Taylor J.R. Category Extension by Metonymy and Metaphor // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by René Dirven, Ralf Pörings. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 323–347.

171. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd ed. Clarendon Press. – Oxford, 1995. – xv, 312 p.
172. Wälchli B. Co-Compounds and Natural Coordination. – Oxford University Press Inc., New York, 2005. – xviii, 334 p.
173. Zipf G.K. The Psycho-Biology of Language. An Introduction to Dynamic Philology. – Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1965. – x, 336 p.

Список использованных словарей

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. – Москва: Либроком: URSS, 2009. – 569 с.
2. БПС – Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
3. БСЭ-33 – Большая советская энциклопедия / Глав. ред. Б. А. Введенский. – М.: Большая сов. энциклопедия, 1955. – т. 33. – 672 с.
4. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.
5. Иванов Вяч.Вс. Верх и низ // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – С. 233–234.
6. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С. 450–456.
7. Кибрик А.Е. Иконичность // Энциклопедия «Кругосвет». [Электронный ресурс]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IKONICHNOST.html
8. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
9. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь. – Москва: АСТ [и др.], 2010. – 479 с.
10. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: Ок. 20000 фразеол. единиц. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 942 с.
11. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Ок. 5000 единиц. 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – xii, 571 с.
12. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

13. Немов Р.С. Психологический словарь. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
14. Психофизиология-2006 – Безруких М. М., Фарбер Д. А. Психофизиология: словарь. – Москва: ПЕР СЭ, 2006. – 127 с.
15. Пространство-2021 – Никулин Д.В., Ахундов М.Д., Баженов Л.Б., Касавин И.Т., Бернштейн В.Л. – Пространство / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002-2021 (последняя редакция: 16.11.2021). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6948>
16. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
17. Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 640 с.
18. Философия-2004 – Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
19. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
20. Медведєва Л.М., Холден Н.Ю. Англо-український словник. Мовленнєві ідіоми, вигуки, звуконаслідування. – Киев: Дніпро, 2003. – 536 с.
21. ADEP – Allen R.E. Allen's Dictionary of English Phrases. – Penguin Books, 2008. – 832 p.
22. AHDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition, Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ahdictionary.com>
23. AHDI – Ammer Ch. The American Heritage dictionary of idioms. Second Edition. – Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2013. – 512 p.
24. CCID – Collins COBUILD Idioms Dictionary. 4th ed. / Ed. by Penny Hands. – HarperCollins Publishers Ltd., 2020. – 592 p.
25. CD – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

26. CIDI – Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 1998. – 604 p.
27. CollID – Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com>
28. DAIPV – Spears R.A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – The McGraw-Hill Companies, Inc., 2005. – 1104 p.
29. DOC – Ammer Ch. The Dictionary of Clichés: A Word Lover's Guide to 4,000 Overused Phrases and Almost-Pleasing Platitudes. – Skyhorse Publishing, 2013. – 544 p.
30. EtymO – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com>
31. FD – The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com>
32. FISD – The Farlex Idioms and Slang Dictionary. – Farlex International, 2017. – 472 p.
33. LDEI – Longman Dictionary of English Idioms. / Ed. director T.H. Long. – Longman Group Ltd., 1980. – 407 p.
34. LDOCEO – Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceanline.com>
35. Lexico – Lexico [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com>
36. LID – Longman Idioms Dictionary / Ed. Karen Stern. – Pearson ELT, 1998/2019. – 413 p.
37. MD – Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: www.macmillandictionary.com
38. MWD – Merriam-Webster.com Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>
39. ODEI – The Oxford Dictionary of Idioms / J. Siefring ed. 2nd ed. – New York, OUP Oxford, 2004. – 340 p.

40. ODWO – Oxford Dictionary of Word Origins. Third ed. / Ed. by J. Cresswell. – Oxford University Press, 2021. – 528 p.
41. OIDL – Oxford Idioms Dictionary for learners of English / Ed. Dilys Parkinson. Second Edition. – Oxford University Press, 2006/2017. – 476 p.
42. OLD – Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com
43. PF – The Phrase Finder [Электронный ресурс]. URL: <https://www.phrases.org.uk>
44. WDC – T. Freedman, D. Freedman. The Wordsworth Dictionary of Cliché. – Wordsworth Editions LTD, 1996. – 288 p.
45. WDI – The Wordsworth Dictionary of Idioms / E.M. Kirkpatrick, C. M. Schwarz (eds.). – Wordsworth Editions Ltd, 1993. – 438 p.
46. WPO – Hendrickson R. The Facts on File Encyclopedia of Word and Phrase Origins. 4th Ed. – Facts On File Inc., 2008. – 948 p.

Список источников фактического материала

1. AHDI – Ammer Ch. The American Heritage dictionary of idioms. Second Edition. – Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2013. – 512 p.
2. CCID – Collins COBUILD Idioms Dictionary. 4th ed. / Ed. by Penny Hands. – HarperCollins Publishers Ltd., 2020. – 592 p.
3. CD – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
4. CIDI – Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 1998. — 604 p.
5. COCA – The Corpus Of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
6. DAIPV – Spears R.A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – The McGraw-Hill Companies, Inc., 2005. – 1104 p.
7. FD – The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com>
8. FISD – The Farlex Idioms and Slang Dictionary. – Farlex International, 2017. – 472 p.
9. iWeb – The 14 Billion Word Web Corpus. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>
10. LDEI – Longman Dictionary of English Idioms. / Ed. director T.H. Long. – Longman Group Ltd., 1980. – 407 p.
11. LDOCEO – Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoconline.com>
12. Lexico – Lexico [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com>
13. LID – Longman Idioms Dictionary / Ed. Karen Stern. – Pearson ELT, 1998/2019. – 413 p.
14. MWD – Merriam-Webster.com Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>

15. ODEI – The Oxford Dictionary of Idioms / J. Siefring ed. 2nd ed. – New York, OUP Oxford, 2004. – 340 p.

16. OIDL – Oxford Idioms Dictionary for learners of English / Ed. Dilys Parkinson. Second Edition. – Oxford University Press, 2006/2017. – 476 p.